

Т.А.Ивушкина, Д.В. Крюков

**ПИСЬМА АНГЛИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ
ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ:
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Учебное пособие

Волгоград
2005

Р е ц е н з е н т ы:

В.И.Карасик, доктор филологических наук, профессор

А.М.Буланов, доктор филологических наук, профессор

Учебное пособие посвящено социолингвистическому и культурологическому изучению речи английской аристократии Викторианской эпохи. Впервые для исследования используются частные

письма самых ярких ее представителей – Б.Дизраэли, лорда Т.Б.Маколи, леди Холланд, лорда Глэдстоуна, лорда Уэллингтона и др. Рассматриваются жанровые особенности письма в исторической перспективе, его семиотическая природа, отражающая социокультурные процессы развития общества, традиции письма. Такие критерии «частного послания», как свободная композиция, многотемность, мозаичность, предполагающие возможность изменения жанровой и стилистической структуры одного письма, делают эпистолярный текст важным источником информации о традициях общения и языковых особенностях различных социальных групп. Определяются категориальные признаки речи английского аристократа и их связь с социально-историческими, культурологическими и психологическими условиями жизни. Выявляются отличительные характеристики писем аристократии и представителей среднего класса.

Учебное пособие посвящается светлой памяти Дмитрия Крюкова, моего ученика, единомышленника и друга, продолжателя социолингвистического и лингвокультурологического направления в изучении речи высших классов Великобритании, одаренного исследователя, необыкновенного художника, очень скромного и глубоко порядочного человека. Пособие строится на материале его диссертационного исследования, защищенного в 2001 году в Волгоградском государственном педагогическом университете.

“Whom the god love die young” was said of yore,
 And many deaths they do escape by this:
 The death of friends, and that which slays even more,
 The death of friendship, love, youth, all that is,
 Except mere breath.

Byron. Don Juan. Canto IV. St.12

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	
ГЛАВА 1. Англия XIX века. Общая характеристика Викторианской эпохи и класса аристократии.....	
1.1 Викторианская эпоха в истории Англии.....	
1.2 Английская аристократия Викторианской Англии.....	
Выводы к Главе 1.....	
ГЛАВА 2. ПИСЬМО ХУ111-XX ВЕКОВ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	
2.1 Подходы к изучению письма.....	
2.2 Истоки английского дружеского письма XIX века.....	
2.3 Как сочинить письмо? Эпистолярная школа Викторианской Англии	
Выводы к Главе 2.....	
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПИСЕМ АНГЛИЙСКИХ АРИСТОКРАТОВ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ.....	
3.1 Вертикальный контекст.....	
Выводы к параграфу 3.1.....	
3.2 Лексические особенности писем аристократии.....	
3.2.1 <i>Политическая лексика</i>	
3.2.2 <i>Французские внесения</i>	
3.2.3 <i>Абстрактные существительные и религиозная лексика</i>	
3.2.4 <i>Прилагательные и наречия. Переоценка и недооценка</i>	
3.2.5 <i>Социальная самодостаточность в речи аристократии</i>	
Выводы к параграфу 3.2	
3.3 Грамматические и синтаксические особенности писем.....	
3.3.1 Грамматические особенности.....	
3.3.2 Синтаксические особенности.....	
Выводы к параграфу 3.3	
ГЛАВА 4. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПИСЕМ АРИСТОКРАТИИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ КЛАССОВ	
4.1 Литературная проакцентуированность писем аристократии	
4.2 Характеристика писем семьи Ловелл.....	
Выводы к Главе 4.....	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	
ЗАДАНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ.....	
ЛИТЕРАТУРА.....	

ВВЕДЕНИЕ

Изучение речи английского правящего класса на материале писем предполагает рассмотрение широкого круга вопросов, связанных как со спецификой исторического периода и особенностями класса аристократии, так и с развитием эпистолярного жанра.

Интимно-дружеское письмо выступает как семиотическая система, отражающая социокультурные процессы, характерные для развития общества в определенный исторический период. Такие критерии «частного послания», как свободная композиция, многотемность, мозаичность, предполагающие возможность изменения жанровой и стилистической структуры одного письма, делают эпистолярный текст важным источником информации о традициях общения и языковых особенностях различных социальных групп.

Класс аристократии представляет собой явление, интересное как с культурологической, так и с лингвистической точки зрения. Аристократизм всегда ассоциировался с высоким уровнем образованности, со знаниями в области литературы и искусства, и поэтому нельзя не учитывать вклад, внесенный представителями высших классов в развитие литературного английского языка.

Данное пособие ставит своей целью раскрыть социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи. Актуальность данного исследования обусловлена следующими моментами:

- 1) Язык английской аристократии в частных письмах находит более яркое и непосредственное отражение, чем в художественной литературе.
- 2) Письма, по нашим данным, еще не привлекались к исследованиям подобного рода, поэтому их изучение для понимания речи и культуры класса аристократии может способствовать дальнейшему выявлению социолингвистических и культурологических характеристик английского аристократа XIX века как типа языковой личности.
- 3) Изучение писем вызывает интерес и в том плане, что частное послание представляет собой определенную семиотическую систему, компоненты которой могут приобретать специфический смысл.

Для выполнения поставленной цели ставились следующие задачи:

1. Охарактеризовать Викторианскую эпоху в социально-историческом и культурологическом аспектах.
2. Установить основные признаки эпистолярного жанра в Англии XIX века и выявить его историческую связь с предыдущим столетием.
3. Определить основные характеристики писем аристократии XIX века.

4. Раскрыть и описать зависимость основных характеристик писем от социально-исторических, культурологических и психологических условий жизни английской аристократии XIX века.

В работе используются методы лингвостилистического и лингвопоэтического анализа, разработанные в МГУ, а также исторический метод, предполагающий изучение исторической информации в контексте эпохи.

Теоретической базой исследования послужили социолингвистические исследования речи английской аристократии (Т.А.Ивушкина, И.М.Магидова, Д.Лейт, Д.Хани), теория вертикального контекста эпохи (И.В.Гюббенет, Л.В.Болдырева, К.Макинтош), лингвокультурный анализ британского речевого поведения (Б.Берстайн, Д.Кристал, О.Смит, К.Филлипс).

Структура работы. Пособие состоит из введения, четырех глав, посвященных общей характеристике Викторианской эпохи, рассмотрению подходов к исследованию письма XIX-XX века, изучению социально-исторических и лингвокультурологических характеристик писем английских аристократов Викторианской эпохи, выявлению отличительных характеристик писем аристократии и представителей среднего класса.

Первая глава *«Англия XIX века. Общая характеристика Викторианской эпохи и класса аристократии»* посвящена рассмотрению лингвокультурных особенностей изучаемого исторического периода применительно к языку аристократии.

Викторианская эпоха связана с культурным и экономическим развитием Англии. Важные перемены произошли в национальном самосознании викторианцев: после победы над Наполеоном Англия превращается в сверхдержаву с лучшим в мире флотом, большим количеством доминионов и бурно развивающейся промышленностью.

Происходит усложнение социальной структуры общества и укрепление позиций среднего класса в политической жизни Англии. Можно утверждать, что многие культурные изменения удовлетворяли потребности средних классов: литература подчеркивала набожность и чистоту помыслов, а наука о языке усилиями «прескриптивистов» была направлена на поиск «правильной» речи – мощного средства для продвижения вверх по социальной лестнице.

Ярко выраженная классовая структура английского общества, в отличие от кастовой, позволяет увидеть многообразие и взаимодействие культур и традиций различных социальных групп.

Безусловно, Викторианская эпоха является периодом смены социального референта, однако борьба среднего класса за власть, изменения в социальной структуре и культуре общества не ограничили влияние высших классов в XIX веке - напротив, аристократия в этих условиях проявила свои лучшие качества, которые обусловили ее активность в сферах политической, общественной и культурной жизни.

Изучение социально- исторических фактов, отражающих образ жизни и культурные ценности класса аристократии, дает возможность отразить в работе особенности общественных функций высших классов и воссоздать культурно-социальную основу речи аристократии.

Во второй главе *«Письмо XVIII–XX веков как объект научного исследования»* рассматриваются существующие в современной науке подходы к лингвистическому изучению писем, которые можно условно разделить на 3 типа:

1. Рассмотрение параметров эпистолярного дискурса (Нижникова Л.В.);
2. Изучение письма в свете теории текста (Нажуа Б.);
3. Раскрытие содержательно-концептуальной информации в эпистолярном тексте и анализ информативных преобразований в письме, на который оказывают влияние такие факторы, как структурно-композиционные параметры текста, тематическая структура, пространственно-временные показатели, коммуникативная направленность, прагматические и психологические характеристики текста, его членимость и континуум, взаимодействие частей текста в процессе интеграции. (Каирова Т.С.)

В XIX веке письмо было атрибутом высших классов. Популярность и распространение письма в различных социальных группах Англии XIX века были обусловлены происходящими в обществе изменениями. Новый образ жизни сделал общение людей более интенсивным, и викторианцы стали осваивать эпистолярное творчество, ставшее неотъемлемой частью бурно развивающейся Англии.

Несмотря на то, что письмо в Викторианскую эпоху стало достоянием практически всех классов общества, его развитие в каждой социальной группе было обусловлено определенными культурными традициями. Поэтому мы говорим о проявлении социальных различий в письмах. Одним из важнейших факторов, оказавших влияние на развитие аристократического письма XIX века, была эпистолярная традиция предыдущего столетия, сформировавшаяся на основе идей просветителей. Многие письма имеют ярко выраженный морализаторский характер и обращают внимание читателей на вопросы, связанные с образом жизни и внутренним миром человека.

Несмотря на то, что письма аристократов XIX века имеют в большей степени коммуникативную, чем литературную направленность, в них сохраняются такие черты писем предыдущего столетия, как наличие философских размышлений, диалогов, жанровых сцен, описаний людей и их характеров, цитат и литературных рецензий.

В третьей главе *«Социально-историческое и лингвокультурологическое изучение писем английских аристократов Викторианской эпохи»* рассматривается отражение в письмах вертикального контекста, являющегося социально значимым фактором, раскрывающим ведущую роль английского правящего класса в политической и культурной

жизни и широкий круг интересов английской аристократии XIX века, и дается социокультурное, историческое и психологическое обоснование лексико-грамматических и синтаксических особенностей писем таких представителей английской правящей элиты XIX века, как лорд Биконсфилд (Бенджамин Дизраэли), лорд Томас Бэбингтон Маколи, леди Холланд, лорд Уильям Глэдстоун, лорд Уэллингтон, леди Хэрриет Грэнвилль, лорд и леди Сеймур, леди Дженингем, а также леди Пальмерстон.

Четвертая глава посвящена *особенностям писем представителей двух социальных групп: аристократии и средних классов.*

Материалы исследования дают основание утверждать, что главной особенностью писем аристократии XIX века, унаследованной от эпистолярных текстов предыдущего столетия, была литературная проакцентуированность, которая проявляется в наличии философских размышлений, жанровых сцен, диалогов, описаний людей и их характеров, цитат и литературных рецензий.

Для выявления социолингвистической спецификации писем аристократии исследованию подверглись и письма среднего класса. Это позволяет выделить особенности писем аристократии на лингвокультурном фоне другой социальной группы и показать, насколько существенной была культурная разница между представителями аристократии и средних классов из-за глубоких различий в традициях общения и в функционировании речи в среде знати и среднего сословия.

Письма семьи Ловелл показывают, что традиции просторечия лежали в основе социолекта низших средних классов, что проявляется в сохранении архаизмов, образцов слэнга, грамматических и синтаксических неточностей. Рассматривать письма семьи Ловелл с точки зрения литературных проявлений практически невозможно: нередко автор с трудом выражает мысль, и не приходится говорить о роли жанровых сцен, философских размышлений, литературных рецензий и т.д. в письмах.

Представитель среднего класса находится на начальном этапе освоения эпистолярного искусства, и основа его знаний – просторечие, газеты и Библия – не позволяет подняться выше типичного для его социальной группы уровня культуры речи.

«Грамотность» и «литературность» писем, естественно, являются важными факторами социокультурных различий в эпистолярном дискурсе. Не менее значимыми, на наш взгляд, являются связанные с социальным положением автора психологические аспекты.

В письмах семьи Ловелл преобладает констатация событий, а не анализ и оценка, что «обезличивает» речь автора, снижает экспрессивность и сокращает инструментарий лексических, грамматических и лексических средств.

Основой писем представителей высших классов является выражение мнения автора, которое одновременно можно считать следствием авторитета аристократии и фактором, его поддерживающим и создающим.

Оценочная направленность, образность, высокая экспрессивность писем аристократии, использование элементов литературных жанров связаны с выражением социального статуса, который, в свою очередь, имеет прямое отношение к речевому воздействию.

Вероятно, низкий социальный статус сдерживает человека морально, резко ограничивает сферу его жизнедеятельности, сводит к минимуму его влияние на окружающий мир, и, следовательно, занижает его самооценку. Отсутствие мнения, собственной позиции в речи – следствие зависимости представителя среднего класса от вышестоящих сословий.

Изучение английских писем XIX века, несомненно, представляет большой культурный интерес. Почти два века отделяют современного человека от Викторианской эпохи – огромный период, если учесть размах промышленного прогресса, охарактеризовавшего XX век.

Многие реалии XIX века оказались забытыми. Неотъемлемая часть культуры XIX века – письмо - выступает как средство дружеского общения все реже и реже, практически полностью переместившись в сферу коммерции. Современные средства коммуникации во многом упростили процесс общения людей.

Письма представляют собой богатейший материал самого разнообразного характера. Как продукт деятельности общества письмо отражает социально-коммуникативную специфику. Искусство написания писем дает возможность увидеть тенденции социальной жизни, которые повлияли на развитие эпистолярного жанра.

Важность письма может быть рассмотрена с разных точек зрения. Частное послание - это отражение моральной, социальной культуры человека, такое же, как и в манерах, одежде и разговоре. Послать неаккуратное, нелепое, плохо написанное письмо - это такое же нарушение правил, пишет Уэстлейк (J.W. Westlake), как и появиться в обществе приличных людей, щеголяя развязной походкой и растрепанными волосами.

Кроме того, письмо обладает способностью передавать интеллектуальную культуру. Являясь речевым актом, частное послание может правдиво и лаконично запечатлеть все то, что составляет психологическую сферу жизни человека. Письмо напрямую связано с мыслями и эмоциями, опытом, образом жизни автора, со всем тем, что составляет как личные фоновые знания, так и на более высоком уровне – глобальный вертикальный контекст эпохи. Подчиняя знания и таланты человека конкретной цели, письмо превращается в артефакт, в веху на историческом пути общества.

ГЛАВА 1. АНГЛИЯ XIX ВЕКА. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ И КЛАССА АРИСТОКРАТИИ

§ 1.1. Викторианская эпоха в истории Англии

Изучение писем английской аристократии невозможно без уяснения процессов социального, политического, религиозного, философского развития Англии в Викторианскую эпоху. Именно они определяли образ жизни английских аристократов. Социолингвистическое исследование предполагает четкое представление о контексте эпохи. Именно этому и служат первая и вторая главы, посвященные характеристике Викторианской эпохи (Глава 1) и рассмотрению жизни, традиций аристократии (Глава 2).

Уже в 1815 году, после двадцатилетней войны, статус Англии как державы мирового значения стал очевидным. По мере роста империи повышалось благосостояние нации, и англичане могли по праву гордиться богатством своей родины и лучшим морским флотом. Со времен Ватерлоо у англичан появилась уверенность в собственном моральном превосходстве, и для многих поражение Наполеона было не только победой силы, но и триумфом добропорядочности. Газета "The Morning Chronicle" писала в 1815 году:

"It is to the cultivation of moral qualities that England is indebted for her power and influence – from the want of them France may be mischievous but she never will be great". (The Morning Chronicle, 1815, 10 : 3).

Таким образом, Англия получила предпосылки не только для прогресса в национальном самосознании, но и в национализме, основанном именно на моральном превосходстве. М. Куинлан пишет в книге "Victorian Prelude: A History Of English Manners (1700 –1830):

"Nationalism based upon a belief in the ethnical superiority of the English race was already centuries old, but nationalism based upon a belief in the moral superiority of the English over the lesser breed was relatively new. The conviction that the English were the chosen people, elected to enjoy the fruits of virtue at home and to rule over palm and pine abroad, was peculiar that virtue and morality had only recently triumphed, after years of struggle with the forces of evil". (M.J. Quinlan, 1975:253).

Действительно, для самих англичан были очевидными те изменения, которые произошли в их моральном облике в начале столетия. Оглядываясь на предыдущее столетие, англичанин отмечал обилие перемен как в социальной, так и в культурной жизни, происшедших со времен своей молодости, но охарактеризовать причины всего этого могли далеко не многие.

Изменения были обусловлены целым комплексом преобразований, которые привели к социальным, моральным, религиозным изменениям в

обществе. В качестве основных историко-культурных вех Викторианского периода можно выделить следующие:

- 1) Окончание войны, проложившее дорогу моральному и экономическому возрождению общества.
- 2) Индустриальная революция, обеспечившая общество новыми коммуникативными и промышленными технологиями.
- 3) Моральное и религиозное возрождение общества. Именно этот процесс является основой данного исследования, так как в письмах проявляются те культурные тенденции, которые определяют мировоззрение человека.

Рассматривая письма XVIII века, критик последующего столетия заметил: "What a contrast to existing manners do these volumes present. Surely, if we have become more decorous in language and outward appearances, at least, we improved." (Literary Gazette, no. 374 (March.20, 1824), 177).

Но было ли это изменение лишь внешним? Один из известнейших людей того времени, Вальтер Скотт, считал, что более высокие стандарты морали стали ведущими в обществе, каждый член которого руководствовался более благородными мотивами по сравнению со своим предшественником из предыдущего века. Причинами этого Скотт считал широкое распространение образования и улучшение вкусов. Но Скотт не мог утверждать с уверенностью, что улучшение манер означало совершенствование морального облика:

"We are not now, perhaps, more moral in our conduct than we were fifty years ago, but modern vice pays a tax to appearances, and is contented to wear a mask of decorum." (W. Scott, 1827 : 516).

С мнением Скотта были не согласны многие скорее всего из-за социальных различий, но ни у кого не вызывал сомнений тот факт, что общество в целом заняло новую культурную позицию.

Наименьшим изменениям подверглись культурные стандарты аристократии, более независимой от общественного мнения. Аристократ имел право игнорировать популярные мораль и вкусы, что было неприемлемо для представителей средних классов. Английский писатель XIX в. Джон Уэйд писал в книге "Extraordinary Blackbook": "Anyone of the lower or middle classes who denied "the popular faith" was shunned as if he had caught a plague from some infectious lazarette, but a lord or a gentleman of £10000 a year may admire Voltaire, Diderot or Spinoza without being expelled out of social communion." (J.Wade, 1830: 78).

Что касается нации в целом, перемены в культурной жизни были обусловлены изменением самих стандартов.

Во-первых, следует отметить возросшую порядочность общества. Немалую роль в этом сыграла церковь. Постепенно к 1830 году Англия превратилась в религиозную страну, и протестантизм стал играть в жизни людей гораздо большую роль, чем раньше. Празднуя свой юбилей в 1811

году, журнал "Christian Observer" отмечал: "The circumstances with which we are most struck is the different aspect which the Christian world exhibits at the present moment from that which it bore at the commencement of our course. Nor is its aspect altered only; it is improved beyond the fondest dreams of a visionary. If one could suppose some calm, calculating Christian Observer to open his eyes, after a ten-years' sleep, on the passing scene, would he not find himself in a new creation?" (Christian Observer, Preface, 10-1811).

Религиозное возрождение было движением национального характера, в котором участвовали все ветви Протестантской церкви. Проблема церковной недвижимости и капитала (многие служители церкви получали деньги из нескольких приходов одновременно, что настраивало против них определенную часть населения) вызвала необходимость проведения церковной реформы. Последняя способствовала религиозному возрождению, построенному и поддерживаемому рядовыми служителями церкви, распространявшими религиозную литературу. Именно эти люди заложили прочную основу популярности религии в те годы. В 1816 году Джейн Тэйлор писала в книге "Essays In Rhyme On Manners And Morals":

"How customs and opinions change their place –
 Religion now is scarcely in disgrace:
 Her outward signs at least will even raise
 Your credit high in these convenient days.
 Fashion, herself, the cause of virtue pleads,
 Becomes chief patroness of pious deeds,
 And lets us e'en pursuit without restraint
 What once had stamped us puritan and saint."

(J.Taylor, 1816: 145)

Неотъемлемой частью культуры того времени была идеалистическая уверенность в приобретении новых ценностей и качеств, которые ранее игнорировались. Таким образом, хоть XIX век и нельзя назвать в полном смысле победой духовности, набожность стала одной из черт эпохи задолго до восхождения на трон королевы Виктории. В 1817 году по всей стране началось строительство церквей, и уже в следующем году Парламент выделил 1000000 £ на эти цели. С 1818 по 1824 год было построено 212 часовен и церквей, и даже огромное количество церквей не могло вместить всех прихожан. Иногда по воскресеньям проводилось до четырех служб (W.L. Mathieson, 1923 :18,23). Воскресные развлечения были, естественно, воспрещены – в некоторых областях это сделало жизнь как высших, так и низших сословий намного сдержанней и скромнее. Исчезла былая легкомысленность в поведении. Резко уменьшилась популярность алкоголя: несмотря на то, что население увеличилось в два раза, спиртного продавали меньше, чем в XVIII веке (В. Webb, S.Webb, 1903 : 80).

Активное участие в реформировании морали общества приняли представители аристократии, которые чувствовали свою ответственность

перед обществом. Среди них была Хэна Мо, активная сторонница просвещения.

Узнав, что в конце войны многие английские семьи возобновили поездки во Францию, Хэна Мо решила, что это приведет к новой "эпидемии" французских манер в Англии, но ее опасения развеялись, когда обнаружилось, что французы начали во многом подражать англичанам, в частности, в религиозных аспектах жизни. В 1825 году восьмидесятилетняя Хэна Мо писала:

"It's a singular satisfaction to me that I have lived to see an increase of genuine religion among the higher classes of society, Mr. Wilberforce and I agree that where we knew one instance of it thirty years ago, there are now a dozen more." (A.M.Meakin, 1911: 391).

Куинлан упоминает интересные наблюдения преподобного Роберта Кнайпа из Оксфорда, который характеризовался современниками как "well-bred gentleman, a man of the world, a travelled man, and a magistrate."

Роберт Кнайп был родом из Чешира, где в молодости был знаком со многими представителями джентри, которые превращали любую встречу друг с другом в пьянку. Эти "вечеринки", как правило, сопровождалась низкопробными розыгрышами.

Так "веселились" не только школьники, но и люди среднего и пожилого возраста, крупнейшие собственники и землевладельцы, влиятельные представители древних семей. Но времена меняются, и в январе 1827 года Кнайп писал: "They are all gone now, except one or two of the youngest who still remain stupid, drunken fox hunters, and they get drunk alone or in some company than that of their equals in rank and property." (M.J. Quinlan, 1975 :262).

Таким образом, бесчинства стали редким явлением, и культурный рост стал очевидным как в манерах, так и в письмах представителей высших классов. "Литературная газета" писала в 1824 году, что количество ругательств в письмах резко уменьшилось и увеличился процент аллюзий и литературных выражений. С этим мнением была согласна писательница Люси Айкин, отмечавшая в одном из своих писем:

"I am told that no member of mechanics' institute ever utters an oath, and even coachmen and cabmen shock the ears less than formerly" (L.Aikin, Correspondence, 1824 : 306).

Говоря о городской жизни, необходимо указать на исчезновение большого количества уличных баллад прошлого века и вытеснение их профессионально исполняемыми и более приличными по содержанию моряцкими песнями. С улиц исчезли скоморохи, пропадали притоны и публичные дома, и грубые увеселения в тавернах потеряли былую популярность. Стали иными интересы рабочего класса: многие ходили в школы для взрослых, в механические училища или проводили вечера дома за

чтением. Р.Гэст писал в книге "A Compendious History Of The Cotton Manufacture":

"The amusements of the people have changed with their character. The athletic exercises of quaits, wrestling, football, prison-bars, and shooting have become obsolete and almost forgotten, and it is to be regretted that the present pursuits and pleasures of the labouring classes are of a more effeminate cast: they are now pigeon-fanciers, canary-breeders, and tulip-growers." (R.Guest, 1825: 38).

Перемены коснулись и высших классов общества, которые стали более сдержанными в своих развлечениях. Например, во многих лондонских клубах были открыты комнаты для чтения. Шахматы стали обычным способом времяпрепровождения, потеснив карты.

Сравнивая представительниц высшего общества Викторианской эпохи с женщинами периода правления королевы Анны, Люси Айкин отмечала: "Then they played quadrille, now they read theology, and attend lectures, and gather pence for missions and Bible society." (L.Aikin, Correspondence, 1824:308).

Собрания высшего общества потеряли былое веселье настолько, что многие жаловались на скуку, ставшую их неотъемлемой частью. Соглашаясь с этим, автор статьи в "Edinburgh Review" (февраль 1815 года) отмечает: "The end of our refinements, in short, has been to disabuse us of many mistakes and cure us of many affectations – to make smart talking and pretensions to wit and vivacity rather vulgar accomplishments, and to restore our original English taste for honest, manly good sense, and something of a cold and contemptuous severity of Judgement. Artificial spirits and mere frivolous glitter, we believe, were never so little in request among us." (Feb.,1815 : 397)

Эта цитата является свидетельством того, как общество избавлялось от многих неестественных, надуманных качеств. Изменения произошли и в области моды: еще в годы Французской революции были упразднены парики.

В своих произведениях Джейн Остин показала некоторые стандарты поведения, существовавшие в обществе. Персонажи ее романов - деловые люди, к которым практически не обращаются по имени. "Формальность" общения стала отличительной чертой XIX века. На это обратил внимание и Томас Мур, отмечавший:

"The natural tendencies of the excesses of the French revolution was to produce in the higher classes of England an increased reserve of manner, and, of course, a proportionate restraint upon all within the circle, which have been fatal to conviviality and humour, and not very propitious to wit – subduing both manners and conversation to a sort of polished level, to rise above which is often thought to be almost as vulgar as to sink below it." (M.J.Quinlan, 1975: 264)

Больше всех пострадал от реформирования морали театр. В первой половине XIX века публика потеряла всякий интерес к представлениям: залы

опустели, что привело к разорению как столичных, так и провинциальных театров. Историки театра объясняли этот упадок интереса отсутствием хороших драматургов, а также излишней напыщенностью крупных театров. Но эти причины не являются главными. Основной причиной было неприятие театра евангелистами, которые бойкотировали театр как аморальное явление. (A.Nicoll, 1930:14).

В зале можно было увидеть чиновников, представителей средних классов. Очевидным было то, что высшие классы не привлекала банальность, незлободневность театра. Те аристократы, у которых не было моральных предубеждений против театра, игнорировали его как явление скучное, боящееся критиков и даже собственной аудитории. Виною были стандарты театра, которые становились строже и строже год от года и достигли апогея ограничений в период правления Георга IV. Работы драматургов рецензировались и переделывались еще до выхода на сцену.

Удивительно то, что с 1824 года цензурой пьес руководил один из прогрессивных писателей XVIII века Джордж Колман. Главными поводами для ограничений служило употребление сниженной лексики. Обязательному исправлению подлежали рукописи, в которых использовались выражения "dumn", "hell", "ye heavens". Любопытно, что сам Колман бранился как сапожник, о чем даже упоминалось в прессе. Николь отмечает, что театр был отталкивающим для двух групп населения: для тех, кто считал его преступлением, и для тех, кто считал его слишком скучным, чтобы обращать на него внимание (A.Nicoll, 1913 : 155).

Англичан XIX века по праву называли "нацией читателей". Введение воскресных школ означало не только появление новых читателей среди низших слоев общества, но и появление желания улучшить свой образовательный уровень у представителей средних классов. Вчерашние картежники превратились в заядлых читателей, и теперь эта многомиллионная армия постоянно нуждалась в печатном тексте. Наладился выпуск еженедельных журналов, заработали библиотеки; воскресные школы начали активно распространять религиозную литературу. Теперь из четырнадцати миллионов жителей Англии примерно половина могла читать – таким образом, выросло новое поколение, более развитое в гуманитарном плане, чем предыдущее.

Увеличение числа читателей имело и свою негативную сторону – деградацию литературных стандартов. Читатели XVIII века, составлявшие относительно небольшую часть населения, изучали греческую и латинскую литературу, работы ранних английских писателей и отличались большой искусностью в вопросах литературной критики.

В XIX веке читатели, большинство из которых только научились грамоте, были крайне неприхотливы в выборе книг, так как не имели собственных критериев в этом плане, и с готовностью следовали Евангелическим стандартам критицизма.

Новое поколение читателей подчинялось ряду ограничений, связанных со свободой слова. Само чтение контролировалось самым строгим образом: новый налог сократил круг читателей газет, что способствовало засилью ортодоксальных идей, исключавших появление новых взглядов в обществе. Куинлан отмечает:

"Although literacy had opened the door upon a new world for the masses, it was, for the most of them, the narrow world of the religious zealots and moral reformers. If they formed new opinions, they received them from the demesne carefully restricted by self-appointed warders" (M.J.Quinlan, 1975 : 271).

Характерными чертами читающей публики Викторианской эпохи стали искренний интерес к религиозной литературе и новый стандарт литературного вкуса, который заключался в неприятии любой грубости, "шероховатости" в произведении. Ни один автор, рассчитывающий на успех, не мог позволить себе "назвать все своими именами", чтобы не шокировать публику.

Со времен Чосера и до конца XVIII века в литературных произведениях были нередки "four-letter terms", известные с Англо-Саксонских времен. Любое слово такого характера, а также любой глагол, связанный с функциями человеческого тела, были табуированы. В некоторых кругах являлось неприличным даже упоминание слова body. Еще в XIX веке это могло привести к запретам на подписку на всей территории Англии.

О какой свободе слова можно было говорить, если критики обвиняли Шекспира в "развязности", а Свифта в "неприличии"? (A.Chalmers, 1816 : 333). Самым скандальным произведением того времени была книга "Memoirs Of Harriet Wilson", опубликованная в 1825 году. Она являлась описанием любовных похаживаний женщины в высших кругах и была исключительно смелой для того периода, хотя далеко не столь откровенной, как "скандальные хроники" XVIII века. Выпуск книги закончился несколькими крупными штрафами для издателя и, в конце концов, бегством автора книги в Париж (A.Chalmers, 1816:338).

Естественно, в Англии существовал рынок порнолитературы. Нелегальная продажа этого вида продукции осуществлялась в некоторых магазинах бедных районов Лондона. Но спроса на эти книги практически не было, и многие дельцы подобного рода разорились не из-за вмешательства властей, а просто из-за отсутствия покупателей.

Перемена стандартов привела к табуированию многих произведений XVIII века, которые никто не решался издавать. Например, знаменитая фирма J&J Rivington, опубликовавшая в 1751 году "A Philosophical Dialogue Concerning Indecency", не осмелилась сделать это в условиях новой эпохи. Объяснить столь резкую перемену взглядов читателей можно, в первую очередь, изменением образа жизни. Изданная в 1754 году книга "The Adventures Of William Bradshaw Commonly Called Devil Dick", повествующая о жизни грабителя, лжеца и мошенника, воспринималась лондонской

публикой абсолютно нормально, так как повествование было буквально подсказано окружающей действительностью, полной насилия и нелегальных походов. В XIX веке эта тема потеряла свою актуальность, и увидеть примеры подобного поведения в обществе можно было чрезвычайно редко (J.M.Macrossan, 1937: 104).

Естественно, это не может служить оправданием "ранимости" Викторианского читателя и нежелания поддерживать литературные достижения предыдущих поколений. Даже доктор Джонсон, олицетворявший гуманитарный процесс XVIII века, был подвергнут критике евангелистом Артуром Янгом: "His religion seems to have been against the very grain of his soul, and all the tendencies of his mind to have arisen from his understanding only, and never to have been truly in his heart. Company, and engagements, and indolence kept him from church from January to March. He scarcely ever got to it in time for service, and he aimed in his resolutions to take the Sacrament only three times a year; 'Tis well his mind was morbid, for he seems to me (from his work) never to have been converted." (A.Young, 1898:421).

Примеры ограниченности, выдержанные в "евангелическом стиле", были отнюдь не редки. Подобная нетерпимость была характерна для крайне серьезных представителей среднего класса. Даже известный своей образованностью критик того времени Фрэнсис Плейс нелицезно отзывается о Джонсоне после прочтения книги Босуэла "Life Of Johnson". В книге есть эпизод, когда двое молодых людей заходят к Джонсону, чтобы потом пойти вместе на прогулку. Одетый в рубашку Джонсон встречает их словами: "What is it you, dogs! I'll never have a frisk of you." Проходя по рынку, трое друзей помогают торговцам выгрузить овощи, затем выпивают в таверне по кружке пунша и идут к Темзе, чтобы прокатиться на лодке. Плейс, шокированный «неприличием» всего этого, пишет: "Such conduct in a man of renown, a religious man, well-connected with eminent men, is indecorous." (M.J.Quinlan, 1974: 278).

После первых трех десятилетий XIX века стала наиболее очевидна новизна культурной атмосферы Викторианской Англии. Романтические поэты прошлых лет сошли с литературной сцены, и новое поколение поэтов заняло их место. Большинство из них отличались большей эмоциональной открытостью, чему способствовал присущий их творчеству религиозно – морализаторский оттенок.

Викторианскую эпоху принято называть периодом индустриальной революции, временем, когда англичане не только видели новые перспективы развития промышленности, но и участвовали в создании заводов, фабрик, машин, железных дорог и новых образцов продукции.

Учитывая всю грандиозность промышленного переворота, нельзя не признать то, что культурная революция была более важным явлением, нежели индустриальная. Научный прогресс лишь частично изменил общество. В 1830 году лишь 20% населения проживало в городах, а

остальная часть жителей оставалась в деревнях. Даже в Лондоне мелких предпринимателей было больше, чем рабочих. Таким образом, экономические условия жизни англичанина тридцатых годов почти не отличались от условий жизни предыдущего поколения. Социальный, культурный образ жизни, наоборот, был иным – "новый" англичанин был более законопослушным и набожным.

Важны были и политические реформы того времени: законы, касающиеся муниципальных органов управления, проблем сельского хозяйства, системы помощи бедным, поддержки заводов и т.д. Наиболее известным стал Reform Bill 1832 года, который позволял участвовать в выборах любому съемщику жилья, уплачивавшему ежегодно 10 фунтов ренты. Таким образом, электорат значительно расширился за счет среднего класса.

Монархи, правившие Англией в начале XIX века, абсолютно не соответствовали новым прогрессивным веяниям. Ни Георг IV, ни Вильгельм IV не пользовались популярностью в стране. Во время их неудачного правления молодая принцесса Виктория готовилась к восхождению на трон, получая наилучшее образование. Любопытно, что будущей королеве не разрешалось читать популярных романов, зато ее учителями поощрялось чтение работ Хэны Мо.

Говоря о классовой структуре английского общества, Р.С.Нил пишет в книге "Class And Ideology In The 19th Century", что она определяется как объективными экономическими критериями (источниками и величиной дохода, уровнем профессиональной подготовки и т.д.), так и культурными критериями (ценностями, социальными традициями, языком). Некоторые из этих культурных аспектов трудно вычленимы, так как они существуют в устоявшемся виде как каноны мышления, которые всегда подтверждаются поведением:

"Any attempt to describe social stratification and social class for the early XIXth century must incorporate at least two broad groups of factors if it is to bear any relation to the world as contemporaries saw it./.../ The problem of social identity was further complicated as the traditional status of high-ranking social classes was eroded through the increase in geographic and social mobility associated with rapid economic growth." (R.S.Neale, 1972 : 48).

Все это, считает Нил, способствовало расширению социальной структуры. В рамках XIX века структура "высший-средний-низший классы" уже неприемлема, и к традиционной иерархии добавляются два подкласса, которые Нил называет Middling Class и Working Class A. Высшие классы (upper classes) характеризуются как "aristocratic, land-holding, authoritarian, exclusive". Средние классы (Middle classes) – "industrial and commercial property owners, senior military and professional men." Простой средний класс отличался стремлением к признанию высшим и поэтому был зависим.

Middling Class Нил характеризует как "petit bourgeois, aspiring professional men, other liberates and artisans." Этот класс отличался независимостью от авторитета высших классов и даже агрессивной в этом отношении позицией, обусловленной невозможностью присоединиться к ним.

К Working Class А относятся рабочие заводов, фабрик, независимые в классовом отношении и зависимые от помощи государства в социальном.

Working Class В составляли крестьяне, не заводские низкооплачиваемые городские рабочие, слуги, городская беднота, большинство женщин-рабочих. Эта прослойка отличалась полной зависимостью и социальной незащищенностью.

Таким образом, индустриальный переворот в Англии предоставил обществу новые возможности и перспективы. Это – положительная сторона. Обилие перемен было также отличной почвой для появления неприглядных процессов: нетерпимости, культурной ограниченности. Бурный рост городской жизни вел к появлению безразличия, разочарованности, маргинальных настроений.

§ 1.2. Английская аристократия Викторианской Англии.

Обращение к классу аристократии вызвано интересом к культурному наследию этой социальной группы, которая сыграла огромную роль в формировании английского литературного языка. Для того чтобы показать специфику отражения социальных и культурных аспектов жизни правящего класса в письмах, необходимо рассмотреть вопросы, связанные с традициями аристократии и функциями, которые представители высших классов выполняли в английском обществе XIX века.

Следует отметить, что социальный статус в современном обществе, построенном на объективных ценностях социальной стратификации, отличается от социального статуса в Викторианской Англии, который ассоциируется с классом. Как отмечает Сентерз в книге "The Psychology Of Social Class", понятие "класс" в отличие от понятия "страта" характеризует субъективность:

"A man's class is a part of his ego, a feeling on his part of belongingness to something; an identification with something larger than himself." (Centers, 1982: 74).

Герберт Хайман утверждает, что статус в классовом обществе основан на статусном символе (Status symbol), демонстрирующем социальное положение, а в обществе, построенном по принципу социальной стратификации, статус представлен символом поощрения (Esteem symbol), который отражает выполнение социальных обязательств:

Status symbols designate the position which an occupant holds, not the way in which he fulfills its expectations. They are distinguished from esteem symbols, which designate the degree to which a person performs the duties of his position in

accordance with ideal standards, regardless of its particular rank." (Herbert H. Hyman, 1942 : 102).

Статусный символ имеет категориальное значение, провозглашая мировоззрение, стиль жизни, культурные ценности (например, в Европе дуэль на протяжении веков являлась статусным символом высших классов). "Символ поощрения" же является показателем постепенного введения в обществе меритократического принципа.

Пиэр в книге "English Social Differences" предлагает интересный, на наш взгляд, вариант рассмотрения структуры, основанный на существовании понятий "класс возможностей" и "класс снобов". Первое понятие отражает неравномерное распределение благ в обществе и, таким образом, связано с социальной стратификацией. Основу "класса снобов" составляют группы людей, социальный престиж которых является нефункциональным, и не зависит от личных достижений человека:

"Snob – class is not the individual distinction, "glamour" or halo which may surround a film star, a boxing champion, explorer, scientist or even a philosopher, spilling over, so to speak, from the circle of experience or performance in which they have proved their excellence. Nor is it the prestige which properly accompanies the superior authority exercised by people who occupy positions of power /.../ In contrast, snob-class privilege gives prestige which is generalized and irrelevant to personal merits and accomplishments. Furthermore, it extends to the family of the person enjoying it." (Т.Н. Pear, 1955: 98).

Именно понятие "класс снобов" указывает на то, что авторитет аристократа зависел не от его личных качеств и выполнения социальных обязательств, а был изначально заложен в социальном статусе. Важным в контексте эпохи является, однако, не сам факт обладания аристократом властью, а то, как аристократ пользовался ею в условиях стремительно меняющегося английского общества.

Классовое общество, каким была Англия XIX века, отличается от кастового, во-первых, разветвленной социальной структурой, и, во-вторых, мобильностью представителей различных социальных групп.

В XIX веке происходит усложнение структуры общества, и средний класс получает больше возможностей для продвижения "вверх" по социальной лестнице.

Как отмечает один из известных политиков Викторианской Англии Булвер-Литтон, среднее звено общества включает в себя настолько большое количество социальных групп, что с трудом может быть названо "классом":

"The middle ranks of society, which cannot be called a class, because it comprises all classes, from the educated gentleman to the skilled artisan, and which does represent a high average of the common-sense of the common interest. (T.S. Eliot, 1947:40).

Уильям Бэйджхот, сравнивая политиков-аристократов и занимающихся государственной деятельностью выходцев из средних классов в книге "The

English Constitution", отмечает, что представителей знати объединяет образование, клановость, светское общество, схожесть культурных и светских традиций:

"They have, too, a more intimate connexion with one another; they were educated at the same school; knew one another's family name from boyhood; form a society; are the same kind of men; marry the same kind of women.(W. Bagehot , 1904: 45).

Группа, в состав которой входят представители средних классов, отличается неоднородностью как по уровню образованности, так и с точки зрения источника доходов и отношений:

"The merchants and the manufacturers in Parliament are a motley race: one educated here, another there, a third not educated at all; some are of the second generation of traders, who consider self-made men intruders upon a hereditary place; others are self-made and regard the men of inherited wealth, which they did not make and do not augment, as beings of neither mind nor place, inferior to themselves because they have no brains, and inferior to Lords because they have no rank." (W.Bagehot, 1904 : 46).

Автор отмечает, что в среде торговцев нет ни объединяющего начала, ни традиций общения: "Traders have no bound of union, no habits of intercourse."

Достаточно ироничным является утверждение, что жены представителей среднего класса желают находиться в обществе жен представителей более знатных сословий: желательно, имеющих землю и титулы: "Their wives, if they care for society, want to see the wives not of their such men, but "better people", as they say – the wives of men certainly with land, and, if heaven helps, with the titles." (W.Bagehot , 1904 : 46).

Итак, новые экономические и политические условия приводили к постепенному возрастанию роли средних классов и, соответственно, к ослаблению "непререкаемого" авторитета высших классов.

Глобальная атака на аристократический строй произошла на политическом фронте. Требования всеобщего права голоса (правда, только среди мужчин и землевладельцев), изменений в правительстве, принятия законов, касающихся жизни бедноты, выплаты зарплат членам парламента, ограничения влияния Палаты Лордов значительно подточили опоры аристократии. Следует отметить, однако, что во время этих событий XIX века основной институт, поддерживающий аристократическую прослойку, - владение большей частью земли и правами на сдачу ее в аренду – оказался под угрозой только в Ирландии, где рабочие оказались в условиях суровой эксплуатации, что вызвало взрыв классовой борьбы.

Основа влияния земельной аристократии заключается в огромном богатстве, сосредоточенном в руках небольшой группы людей, в большинстве своем связанных родственными узами. Обладание землей и огромными доходами с нее распространяло власть аристократии по всей

общественной системе, включая армию, церковь, бизнес, образование и ряд профессий. К тому же авторитет высших классов поддерживался системой передачи титулов по наследству, избавлявшей титулованную аристократию от любой конкуренции.

Конечно же, аристократия занимала лидирующие позиции не во всех сферах общественной жизни. К этой "абсолютной" власти она никогда не стремилась и не была подготовлена.

Правда, в политике, религии и армии, судя по газетным свидетельствам и письмам, рассказывающим о судьбах знаменитых людей, Англия оставалась до 1922 года не просто аристократической страной, а державой земельной аристократии.

В XIX веке сельское хозяйство все еще было основной сферой труда. Отдельные богатейшие землевладельцы все еще выступали как самые влиятельные представители общества, но дельцы, сделавшие себе состояние "на сахаре, "бизнесе" в Индии (о деталях которого было принято умалчивать), финансовых операциях сомнительного свойства, уже могли в материальном плане составить конкуренцию исконным представителям высшего сословия.

До 1850 года, как отмечает Томсон в книге "English Landed Society In the XIX-th Century", политика была еще структурирована в пользу землевладельцев. Позднее эти "льготные" условия были устранены. Земельные магнаты еще оставались ключевым узлом социальной структуры, но эта структура уже сама пришла в движение, уменьшая важность одних составляющих и увеличивая роль других под влиянием новых идей и веяний индустриализации. Да и сама верхушка не могла считаться монолитным звеном: земельная аристократия была так же подвержена внутреннему членению, как и общество в целом, и отношения между ее составляющими определялись экономической ситуацией (F.M.L.Thomson , 1963:210).

Все это можно рассматривать с позиций экономической истории, но истории особой, аристократической. Экономическая история предполагает производство и обмен в качестве основ, а в данном случае она ориентирована на группу людей, которые не производят абсолютно ничего, а только владеют. Пожалуй, основой их экономического существования было их умение распоряжаться своей собственностью.

Землевладение (как группа людей – Landed interest) было, по крайней мере до 1851 года, крупнейшим общественным формированием. В него входили не только крупные аристократы (Landed aristocracy), но и сельскохозяйственные пласты общества (фермеры и полевые работники, которые были производителями, плотники и т.д.), а также те общественные институты, которые обеспечивали весь этот механизм жизненно необходимым. Землевладение как общественно-экономический институт трудоустраивало огромную часть населения и обучало многим профессиям. Это также являлось необходимым условием функционирования торговых

сельских городов и связанных с ним торговых артерий. Дизраэли писал в 1843 году: "When I talk of the preponderance of the landed interest, do not for a moment suppose that I mean merely the preponderance of squires of high degree: I do not undervalue the mere superiority of the landed classes; on the contrary, I think it is a most necessary element of political power and national civilization. But I am looking to the population of innumerable villages, to the crowds in our rural towns: aye, and I mean that estate of the poor... I mean by the estate of the poor the greatest estate of the Church. I mean also by the landed interest that great judicial fabric, that great building up of our laws and manners which is, in fact, the ancient polity of our Realm." (W.L.Guttsman , 1969: 84).

В этой цитате отражено единство различных сословий и общественных групп, ставшее возможным благодаря землевладению. Бэрк, "философ землевладения", назвал это "партнерством не только между живущими, но и между теми, кто живет, кто уже умер и теми, кто еще не родился" . С другой точки зрения, если общество рассматривается как система, состоящая из вертикальных групп "по интересам", где политика является особого рода "центробежной силой", собирающей все эти течения в единый национальный интерес, иерархичность земледельческой структуры не может быть оспорена. Напротив, предполагалось, что иерархия в целом является прозрачным на нее намеком, так как, по всей видимости, субординация внутри землевладения была обеспечена авторитетом высшей знати гораздо жестче, чем в обществе в целом.

Такой вид односторонней субординации не мог, естественно, выдержать мощное течение реформ и культурных изменений. Таким образом, в конце XVIII века "земельный" аристократ уже признавал кого-то своей ровней, но этот "кто-то" заслужил такое право очень большим количеством денег и, конечно, инвестициями в "земельную" сферу, на верхушке которой стояли бароны, высшая титулованная или нетитулованная знать. На следующей ступени были менее обеспеченные землевладельцы, практически соответствующие аристократам высшей категории по статусу. Обе категории землевладельцев опирались на класс фермеров-арендаторов, которые контролировали 80% земледельческих угодий в XIX веке. (N.Gash, 1979:152).

Историки, сравнивающие общество Англии с континентальными странами, отмечают, что в высших кругах Англии наблюдается большая "текучесть кадров" (Laurence Stone, 1984:152). На самом деле было практически невозможно получить ни доступ в высшие круги, ни стабильную в них позицию. С другой стороны, верно, что человек живого ума, хороших манер, но без состояния и аристократической родословной мог получить право посещения светских раутов как в Лондоне, так и в загородных домах и даже стать там очень популярным. Однако то, что аристократы были хорошо расположены к воспитанным людям и могли себе позволить

"пооригинальничать", общаясь с ними, вовсе не означало, что кто-то "со стороны" мог претендовать на место среди знати.

Отличительной чертой английской аристократии было не желание "впитывать" новичков и их состояния, а осознание своей главенствующей роли в обществе. В начале XIX века практически все знатные люди были землевладельцами, но далеко не все землевладельцы были титулованы. Понятие "земельная аристократия" всегда было более емким, чем знать.

У аристократов-землевладельцев было много общих черт помимо обладания большими земельными наделами. Их уровень воспитания, образ жизни, семейное положение, занятия, развлечения, социальные взгляды были, в общем, схожи по форме.

Аристократы представляли собой тугой культурный узел, своего рода "клуб", исполнение неписаных правил которого было гарантировано тем, что его члены сами создавали собственные стандарты и придерживались их. Сила и основные достоинства аристократического кодекса заключались в том, что они были далеки от общепринятого образа джентльмена, которого нередко наделяют чертами показного конформизма и лицемерия, и позволяли представителю высших классов проявлять свою неординарность, а порой и эксцентричность. Томпсон пишет: "The starchy idolization of etiquette belongs to the aspirants, the new genteel, somewhat uncertain of their position. The landed gentleman could afford to be unconventional without endangering his standing because the solid guarantee of his estate lay behind him." (F.M.L. Thompson, 1963 : 85).

Естественно, уровень отклонения поведения от нормы был строго регламентирован общими правилами этикета. Даже в политике различия между фракциями и партиями в основном касались отдельных личностей или вопросов целесообразности и в корне не отличались. Даже парламентские реформаторы, принадлежащие к группам землевладельцев, как и их оппоненты, считали своей обязанностью поддерживать и сохранять основы государственной структуры и системы распределения власти.

Говорить о качествах, присущих джентльмену, довольно трудно без ссылок на описание аристократической атмосферы. Несмотря на это, все же можно выделить отдельные черты, иллюстрирующие поведение представителей аристократической культуры. Чувство собственного достоинства, честность, добропорядочность, этикет и рыцарский дух были неотъемлемыми свойствами характера идеального джентльмена, и считалось, что развитию подобных качеств способствует именно жизнь "на природе". Стабильность и постоянство загородного общества не только обеспечивали первостепенность традиционных культурных устоев. Особенности общения землевладельцев были также "интимность" и закрытость их общества для чужаков, с одной стороны, и осведомленность о действиях друг друга, с другой, – свойства, которые не давали почвы для разногласий и трений и способствовали сохранению дружелюбия. (P.Trudgill, 1974 : 209).

Говоря об аристократе как о собственнике, необходимо отметить, что отношение представителя высших классов к деньгам традиционно характеризует "величественное безразличие", что отнюдь не означает, что знать была склонна к мотовству. Аристократ умел считать деньги и знал их цену, но в особых случаях, таких как празднование совершеннолетия родственника, королевский визит или выборная кампания, было принято не думать о расходах.

В юридическом отношении аристократ был "человеком без определенных занятий", но, несмотря на это, аристократы использовали собственное время с пользой как для себя, так и для общества. Некоторые аристократы начала XIX века воплощали в жизнь новейшие методы ведения хозяйства, другие участвовали в административной деятельности на региональном или государственном уровне.

В высших кругах было в почете искусство: многие представители знати посвящали свою жизнь творчеству, порой превосходя в мастерстве профессионалов. Было широко распространено покровительство живописи, архитектуры, скульптуры.

Для некоторых аристократов участие в развлечениях и постоянное присутствие "в обществе" были основными занятиями. Самыми популярными способами времяпрепровождения были стрельба, охота и скачки, но почти каждый аристократ признавал, что развлечениям должны быть противопоставлены общественные функции и обязанности.

Важной чертой изучаемой общественной группы является "семейный интерес". Каждый джентльмен, являясь частью аристократии, был частью огромной системы родственных связей. Разные семьи аристократов были настолько перемешаны между собой, что многие современники называли их "племенами". Основным законом аристократической семьи было полное подчинение интересов ее членов семейному интересу, и случаи обособления отдельного представителя семьи встречались чрезвычайно редко.

Семья обычно охватывала несколько поколений и множество степеней родства, объединенных если не под одной крышей, то, по крайней мере, под именем основного имения, которое являлось символом "ядра" семьи. Влияние главы семьи распространялось от основного имения до самых дальних родственников. Конечно, перипетии наследования титулов часто создавали некоторый дискомфорт внутри семьи, но, тем не менее, являлись частью "клановой" жизни.

Литтон отмечает, что "семейный интерес" является основным из звеньев связи с обществом в целом: "Their hospitality, their field sport, the agricultural county meetings they attend, in order "to keep up the family interest" mix up with all classes" (W.L.Guttsman, 1963:54).

Томпсон пишет, что основой аристократических семей была их "мужская" часть. Те одаренные женщины, которые связывали свою жизнь с политикой, осмотрительно скрывали свои устремления за видимостью

подчинения слову мужчин. Несмотря на это, "мужественность" аристократического мира базировалась на чертах матриархата. Матери были ключевыми фигурами в организации "племенных" браков, а матери с дочерьми на выданье определяли выбор невест.

Брак считался важнейшим событием, стратегическим маневром, а не просто выражением чувств и симпатий. Естественно, он налагал на аристократа массу социальных и ритуальных обязательств: обеспечение семьи позицией в обществе, обеспечение детей всем необходимым, налаживание связей, которые могут благоприятно сказаться на будущем семьи. Те представители знати, которые, избегая хитросплетений брачных ритуалов, находили супругов в неаристократической среде, подвергали свою жизнь постоянным нападкам со стороны окружающих.

Филип Дженкинс отмечает в книге "The Making Of A Ruling Class", что брак давал возможность разорившемуся аристократу вновь обрести состояние. В таком случае невеста из семьи землевладельцев была наилучшим выходом из положения. Однако не любая богатая невеста шла на такой брак – она давала согласие, если титул жениха был достаточно высоким. Женитьба на невесте из богатой знати была удобной лазейкой в мир аристократии для многих новоиспеченных богачей. (P.Jenkins, 1983: 79).

Важно рассмотреть образ жизни аристократов и характерные для них занятия. Основным привилегированным занятием можно считать охоту. Она символизирует не только древние традиции правящих классов, но и "здоровый" загородный образ жизни.

Лоренс Стоун пишет, что большая усадьба всегда была отличительной чертой знатной семьи, и уже в XVII веке размер дома (показателем было число каминов) напрямую соответствовал положению в обществе. Перед каждой семьей нуворишей стояла задача покупки загородного дома для того, чтобы обосноваться среди "тузов". Усадьба в начале XIX века должна была не только быть построенной "по последнему слову" (в те времена – в итальянском стиле), но и показывать, что идея построить именно такой дом родилась в многочисленных странствиях. В основном, стиль жилища копировался после того, как какой-нибудь авторитетный аристократ провозглашал его.

Сад был также зеркалом, отражавшим статус обитателей дома и создавался в голландском или французском стиле. Еще в XVIII веке стал популярным "дикорастущий" стиль аристократического сада.

На богатство владельцев усадьбы указывали и такие ее характеристики, как количество слуг и аспекты ведения хозяйства, типичные для знати. В большом поместье могло быть до пятидесяти слуг. Отличительной чертой хозяина дома была "недоступность", и посетителю приходилось проходить через целый ряд формальностей, чтобы получить аудиенцию.

О статусе аристократа также говорило количество золота и серебра в доме. Одежда аристократа была из дорогих материалов с использованием

золотых ниток. У многих богатых джентльменов были дома в Лондоне, где представителю высших кругов было необходимо выглядеть в соответствии с последними достижениями моды. Не удивительно, что многие аристократы залезали в огромные долги из-за дорогостоящих нарядов и украшений.

Джентльмена характеризовали не только количество и качество материальных сбережений, но и кодекс обязанностей.

Слово джентльмена должно было быть выполненным, даже если оно было дано на основании заблуждений. Предвыборная переписка часто демонстрирует то, как величайший магнат не мог заставить деревенского эсквайра изменить данное когда-то слово.

Представители "джентри" были очень щепетильны в таких вопросах, и это было почвой для многочисленных конфликтов, когда поводом для обиды могла служить любая мелочь. Результатом многих конфликтов была дуэль. Часто это происходило тогда, когда обидчик был слишком знатным, чтобы "разобраться" с ним традиционным путем. Дуэль отличалась рядом формальностей, касающихся, к примеру, вызова на дуэль, а также выбора секундантов. Крайне официальные письма вызова являются одним из ярчайших свидетельств чувства принадлежности аристократов к определенному классу со сводом правил, защищать которые приходилось в буквальном смысле не на жизнь, а на смерть. Филип Дженкинс пишет, что, хотя многие конфликты заканчивались без применения насилия, жертвы все же были, и некоторым аристократам приходилось покидать Англию, чтобы избежать ответственности. Начиная со второй половины XVIII века случаи дуэлей участились, предположительно из-за разногласий в политике (P.Jenkins, 1983 : 84).

Знатный аристократ считал своим долгом изучение генеалогического древа семьи и создание семейных портретов. Представитель знати продолжал воплощать долговечность и после смерти, заняв почетное место в специальном склепе, находящемся на территории церкви определенного клана. Быть похороненным в таком склепе было ревностно защищаемой привилегией.

Семейная традиция проявлялась также в существовании генеалогической сети клановых надписей на памятниках. Эпитафия лаконично выражала "идеологическую" суть аристократа, часто упоминая такие достоинства, как щедрость и гостеприимство, но неизбежно выставляя на первый план "гербовую" сторону, которая символизировала статус семьи. Таким образом, аристократ жил и умирал, чтобы символизировать общественную среду, в которой он родился.

Говоря о "семейности", следует отметить, что преданность интересам семьи открывала огромные возможности в политической и экономической сфере через потенциальные связи. Майкл Брэндер отмечает, что знатный аристократ, выступающий крестным отцом новорожденного, в будущем становился его покровителем, что было тоже весьма успешным

стратегическим "ходом". Те, у кого был один крестный отец, были, по сути, братьями, связанными различными социальными и моральными обязательствами, и ни одна, даже самая подробная генеалогическая таблица, не может дать детальной мотивационной картины, основанной на подобном родстве (Brander M., 1975: 163).

Семейные связи укреплялись из поколения в поколение, и создавалась очень сложная система родственных связей, к примеру, кузены - родственники по нескольким линиям одновременно.

Семья обладала клановым мышлением и защищала интересы самых дальних родственников, рассчитывая также на их помощь в отдельных ситуациях. Эта "преданность" родственным узам была типичной чертой джентльмена. Глава знатной семьи пользовался поддержкой огромного числа людей как на политическом фронте, так и в личных делах. Иерархическая структура сложного семейного механизма распространялась и на общественный уклад в целом, который наделял джентльмена рядом обязательств как по отношению к людям, стоящим на низших ступенях социальной лестницы, так и к бедным родственникам.

Многие аристократы, как и в древние времена, покровительствовали бардам, воспевавшим быт знати и ее достоинства. Вообще, позиция аристократов во многом зависела от преданности подчиненных, и поэтому было принято поддерживать с последними дружеские отношения; и, хотя многие семьи из аристократической среды все еще практиковали средневековую суровость, дружелюбие по отношению к низшим классам было скорее правилом, чем исключением. Представители земельной аристократии устраивали празднества для бедных и присутствовали во время петушинных боев, что приводило в ужас городских аристократов.

Весьма трудно однозначно оценить реакцию представителей бедноты на "гуманизм" аристократов. Виновными во всех несчастьях простой люд считал судей и чиновников, с которыми он был в непосредственном контакте. Аристократ же, как царь-батюшка, находился, по их мнению, в блаженном неведении о несправедливостях. Лорэнс Стоун отмечает, что с негативным отношением к судьям соглашались и сами аристократы, считая их паразитами, наживающимися на несчастьях других. Такое же отношение было и к представителям "новых" богачей, которые вклинивались в органы управления и коммерческие структуры. Стоун пишет, что ненависть к нуворишам, судьям и собирателям налогов любопытным образом объединяла как высшие, так и низшие слои общества. (L.Stone, 1984 : 92).

Питер Марш в книге "The Conscience Of The Victorian State" приводит отрывок из письма лорда Маколи, в котором один из самых влиятельных людей Англии весьма иронично отзывается о "семейном" протекционизме в получении должностей:

"My father is against me to provide for P. – What on Earth have I to do with P.? The relationship is one which none but Scotchman would recognize /.../ The

curse of England is the obstinate determination of the middle classes to make their sons what they call gentlemen. So we are overrun by clergymen without livings, lawyers without briefs, physicians without patients, authors without readers, clerks soliciting employment, who might have thriven, and been above the world, as bakers, watchmakers, or innkeepers (P. Marsh, 1979:47).

В этих полных сарказма словах отражается раздражение представителя аристократии посягательствами среднего класса на руководящие посты.

Вернемся вновь к вопросу о социальной жизни знати. Неотъемлемой частью "идеологического кодекса" элиты были не только "семейные обязательства", но и осознание своей роли и связей на местном уровне. Аристократам одного графства был присущ "патриотизм", который укрепляла совместная деятельность. Аристократы организовывали петушинные бои между графствами и присутствовали на празднествах местного масштаба.

Важной заслугой знати перед культурой края было то, что они считали своим долгом поддерживать местных авторов, особенно если их творчество касалось местной истории, помогать школам.

Таким образом, мы выяснили, что идеологический портрет аристократа состоял из множества правил и обязательств, которые нельзя анализировать по отдельности, не принимая во внимание всю картину жизни высших классов.

На первый взгляд, границы класса аристократии были определены достаточно четко, однако само понятие "аристократ" во многом абстрактно, поскольку "аристократизм" в большей степени ассоциируется с уровнем культуры, чем с наличием титула.

Между интеллектуальной элитой среднего класса и высшими классами была тесная связь, и ряды аристократии нередко пополнялись за счет состоятельных и одаренных представителей средних классов.

На наш взгляд, одним из самых интересных авторов рассмотренных нами писем является Бенджамин Дизраэли, который пришел в мир аристократии из купеческой среды, однако, благодаря своему упорству и талантам, сумел завоевать как социальный, так и политический Олимп. Расскажем поподробнее об этом знаменитом политическом деятеле Викторианской эпохи.

Бенджамин Дизраэли (титул - граф Биконсфилд, прозвище – Диззи) родился 21 декабря 1804 года и умер 19 апреля 1881 года.

Жизненный путь этого писателя и политика, ставшего одним из символов Викторианской эпохи, был труден и противоречив. Интересы Дизраэли всегда отличались широтой, но неизменной чертой, которая определила его судьбу, было стремление к власти. Молодость политика была омрачена крахом финансовых операций, в которых он участвовал, и несбывшейся мечтой о ежедневной солидной газете, совладельцем которой

он собирался быть. Дизраэли не без успеха занимался писательской деятельностью всю свою жизнь, но выбор был сделан в пользу политики, и авторская деятельность была, скорее, на втором плане.

Дизраэли был талантливым собеседником, прирожденным оратором. Он всегда чувствовал ситуацию, был тонким психологом и умел обратить на себя внимание человека, в дружбе с которым был заинтересован. Это позволило ему завоевать доверие в аристократических кругах и познакомиться с влиятельными их представителями, которые впоследствии оказали ему существенную поддержку.

В 1837 году, когда Дизраэли был избран в палату общин, перед ним открылись новые политические горизонты.

Дизраэли женился на состоятельной и имевшей большие связи в свете вдове Мэри Энн, тем самым значительно поправив свое материальное положение.

Почти 40 лет Дизраэли был членом палаты общин, стал ее лидером, и, выиграв в тяжелой политической борьбе, стал премьер-министром. Дизраэли был дарован титул графа Биконсфилда и вручен Орден Подвязки.

Добиться высших должностей Дизраэли помогла его неиссякаемая энергия и литературный талант. В.Т. Трухановский писал в книге "Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры: "Дизраэли /.../ делал все, чтобы завоевать расположение двора. Но его поведение объяснялось не только соображениями карьеры. Всю жизнь Дизраэли испытывал восхищение и преклонялся перед знатью, аристократией. У него было своеобразное романтическое, исполненное идеализма чувство в отношении первого аристократа страны - монарха." (В.Т.Трухановский,1993 : 32).

Дизраэли было нелегко добиться расположения Виктории. Известно, что королева поначалу считала Дизраэли выскочкой и не симпатизировала ему. Но талант Дизраэли-писателя все же сумел положить начало его дружбе с королевой, которая длилась многие годы. Будучи еще главой нижней палаты, Дизраэли должен был писать ей письма-отчеты о заседаниях. Эти письма буквально поразили королеву и заставили проникнуться уважением к малосимпатичному политику. Трухановский писал об этих письмах: «Поначалу королева, читая их, удивилась, а затем они ей понравились, и она знакомилась с ними с нарастающим интересом. Дело было в том, что Дизраэли - талантливый литератор и неплохой психолог - верно угадал, что может понравиться королеве, и сообщал ей о деятельности палаты общин в живой, образной, литературной форме. Свободный стиль изложения был предусмотрительно пронизан тонким, ненавязчивым, но в то же время доходчивым выражением должного смирения и уважения молодого министра царствующей особой» (В.Т.Трухановский, 1993 : 35).

Жизнь и политическая карьера Дизраэли подчеркивают, насколько большую роль играли начитанность, острый ум, ораторские и литературные способности в аристократическом обществе. Именно свобода выражения

собственного мнения, независимость в суждениях, презрение к мимикрии ценились в среде высших классов. Дизраэли сумел проявить свои лучшие качества и благодаря этому стать одним из ведущих политиков Викторианской Англии.

Несомненно, аристократия была главной движущей силой английского общества, но при всей своей мощи высшие классы оказались бессильными перед изменениями в обществе. Еще в 1904 году Бэйджхот писал: "Their power is in their theatrical exhibition, in their state. But society is every day becoming less stately. The aristocracy cannot lead the old life if they would; they are ruled by a stronger power and suffer from the tendency of all modern society to raise the average, and to lower comparatively, and perhaps, absolutely, to lower the summit." (W.L. Guttsman, 1969 : 78).

Однако аристократии все же удалось частично сохранить свои культурные позиции, адаптироваться к новым условиям, продолжить существовать в современном мире в другой, более скрытой форме. Можно выделить, по крайней мере, две причины жизнеспособности аристократии. Во-первых, это наличие мощного культурного пласта, уходящего своими корнями в древность. Во-вторых, аристократия была слишком дальновидной, чтобы становиться на пути среднего класса, соперничать с ним в борьбе за власть. Высшие классы вовремя сошли с политической арены, чтобы сохранить свои культурные традиции.

Выводы к главе 1

Викторианскую Англию можно назвать ярко выраженным классовым обществом, что обусловлено мобильностью социальных групп, ростом промышленности, а также развитием и активностью во всех социальных сферах среднего класса.

Можно утверждать, что именно интересам и требованиям средних классов отвечали многие культурные изменения. Литература и искусство были направлены на то, чтобы подчеркнуть душевную красоту и религиозность человека.

Следует отметить, что провозглашение жестких культурных стандартов евангелистами имело негативную сторону: многие произведения классиков причислялись к «неприличным» и «вульгарным» безо всяких на то оснований, а театр из-за действий цензуры потерял былую остроту и злободневность.

Положительной чертой реформирования морали, несомненно, был рост популярности литературы и письма в обществе, а негативной – деградация литературных вкусов, которая объяснялась вытеснением популярной литературой произведений классиков.

XIX век вошел в историю Англии как время изменений в политической и общественной жизни, огромную роль в которой играли правящие классы.

Аристократическое общество – это культурная сфера, культивирующая и развивающая комплекс духовных и материальных ценностей, а также этических норм. Представителей знати всегда отличало клановое мышление, соблюдение традиций, связанных с общением и времяпрепровождением. Очевидно, для того чтобы слиться с высшими классами, было необходимо не только обладать их внешними атрибутами, но и постичь все тонкости придворной психологии, светского мировоззрения. Это делало аристократию практически недоступной для многих представителей средних классов, которые в XIX веке пытались купить положение в обществе.

Однако, на наш взгляд, несмотря на закрытость высшего общества, существовала прослойка «высших средних классов», нередко пополнявшая ряды аристократии. Это была в основном интеллектуальная элита, которая имела много общих черт с аристократией.

ГЛАВА 2. ПИСЬМО XVIII - XX ВЕКОВ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 2.1 Подходы к изучению письма

Письмо – это явление, неотделимое от общественной жизни во всем многообразии. Композиционная и тематическая гибкость частного послания позволяют ему служить как средством бытовой коммуникации, так и литературным жанром, перемещаться из одной сферы культурной жизни в другую.

Многогранность общества определяет разнообразие писем. Социальный критерий является одним из важнейших факторов, влияющих на особенности письма: образ жизни, мировоззрение, культурные ценности отражаются в посланиях, позволяя проследить основные тенденции развития общества на определенном этапе.

Культурная и историческая основа каждой социальной группы уникальна и неповторима, что объясняет многообразие традиций в обществе. В Викторианскую эпоху Англия была государством с жесткой классовой структурой, в основании которой находилась аристократия.

Несомненна уникальность высших классов в культурном плане. Одной из задач данной главы является доказательство того, что эпистолярный жанр имел в аристократической среде свои закономерности развития. Для этого необходимо рассмотреть развитие письма в исторической перспективе: XVIII век являлся периодом, оказавшим огромное влияние на развитие эпистолярной литературы в Англии задолго до того, как образование получило широкое распространение во всех социальных группах, что привело к увеличению читающей публики и, соответственно, к популярности письма среди представителей средних классов.

Источниками информации об искусстве письма для большинства викторианцев были специальные пособия–письмовники, так называемые letter-writers, в которые включались как образцы писем на разные темы (от любовного до делового послания), так и теоретическая информация. Эти издания представляют для исследования особый интерес, поскольку в них даются как классификации писем XIX века, так и их композиционные параметры.

Эта информация позволяет нам сравнить современные подходы к изучению эпистолярных текстов с подходами, отраженными в пособиях XIX века, и выявить как сходства, так и расхождения. Нами использовались следующие работы современных исследователей писем: "Средства реализации прагматики интимно-дружеского дискурса" (Н.И.Белунова, 1994), "Особенности эпистолярного жанра в свете теории текста" (Б.Нажуа, 1984), "Интеграция содержательно - концептуальной информации в эпистолярных текстах" (Т.С.Каирова, 1989), "Письмо как текст" (Л.В.Нижникова, 1988).

Многие современные ученые выбрали эпистолярные тексты в качестве объекта своих исследований. Интерес к различным аспектам письма можно объяснить по-разному.

Н.И.Белунова отмечает: "Актуальность исследования лингвистических особенностей эпистолярных текстов обусловлена, во-первых, их непреходящим культурно-историческим и языковым значением для современной культуры, во-вторых, неизученностью эпистолярия в русле лингвистики в целом и в русле прагмалингвистики в частности, которая в современном языкознании занимает одно из ведущих мест" (Н.И.Белунова, 1994:3).

Интимно-дружеское письмо рассматривается автором в качестве дискурса, который характеризуется:

1. наличием облигаторной реализации коммуникативной оси "я – ты";
2. диалогизацией;
3. специфической структурой, формализованной границами, фиксирующими начало и конец;
4. синтезом элементов различных функциональных стилей;
5. отражением особенностей и законов речевого этикета.

Поскольку прагматика в общем виде определяется как учение об отношении интерпретаторов к знакам, как учение о поведении знаков в реальных процессах коммуникации (Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. "Истоки, проблемы и категории прагматики", "Новое в зарубежной лингвистике"; 16/85: 3 – 4), для исследователя эпистолярной литературы имеют большое значение вопросы выбора языковых средств в зависимости от ситуации, условий общения, отношений между коммуникантами для эффективного обеспечения коммуникации. Как отмечает Арутюнова в книге "Фактор адресата", "говорящий вступает в коммуникацию не как глобальная личность, в которой слиты все ее составляющие, а как личность "параметризованная", выявляющая в акте речи одну из составляющих функций или психологических аспектов, в связи с которыми "должно пониматься его высказывание" (Н.Д.Арутюнова, 1984 : 357). Как одну из ключевых мыслей Арутюновой Белунова выделяет утверждение, что "всякий речевой акт рассчитан на определенного адресата".

Эпистолярный дискурс автор представляет как "личностный тип общения", который базируется на строго ориентированной адресованности". Критериями реализации прагматики интимно-дружеского письма являются:

1. выбор форм речевого этикета;
2. наличие экспрессивных лингвистических средств;
3. членение эпистолярного дискурса;
4. использование различных графических средств (курсив, прописные буквы и т.д.);
5. последовательность расположения смысловых частей дискурса.

В своих исследованиях Б.Нажуа опирается на теории текста. Она утверждает, что существует принципиальное различие между пропозициональным и коммуникативным подходами к изучению текста.

Согласно первому подходу, текст является статическим, неделимым во времени единством. Коммуникативный подход, напротив, рассматривает текст как единство, обусловленное расчлененной во времени последовательностью речевых действий. Таким образом, в рамках коммуникативного подхода возможны комплексное описание и оценка текста, что и имеет особую ценность для работы с эпистолярием.

Текст письма представляет собой сложное единство: смысловое, стилистическое и грамматическое. Автор исходит из того, что письмо, как и любой текст, - вид речевого общения, и выделяет следующие виды текстов:

- 1) Тексты - сообщения (информативные). Этот тип текстов строится по типу: передача - прием информации.
- 2) Анализирующие (познавательные) тексты, которые содержат описание фактов, явлений, логических операций с учетом причинно-следственных отношений между ними.
- 3) Побудительно-активизирующие, а также контактоустанавливающие, которые относятся к сфере регуляции поведения.
- 4) Эмоционально-оценочные тексты, которые детерминируют эмоциональную жизнь человека.

Исходя из общей классификации текстов, исследователь выделяет следующие подтипы эпистолярных текстов:

1. *Информативные письма.*

В деловой речи встречаются следующие подтипы:

а/ извещение; б/ сообщение; в/ напоминание; г/ подтверждение; д/сопроводительное письмо.

2. *Побудительные письма:*

а/ письмо-просьба; б/ письмо-приглашение; в/ письмо-требование ; г/ письмо-рекомендация ; д/ письмо-обещание ; е/ гарантийное письмо.

3. *Контактоустанавливающие письма:*

а/ письмо-благодарность, б/письмо-извинение; в/ письмо-поздравление и пожелание; г/ письмо-соболезнование. (Б. Нажуа, 1984:8).

Гипотеза, выдвигаемая Т.С.Каировой в работе "Интеграция содержательно–концептуальной информации в эпистолярных текстах", предполагает разделение эпистолярных текстов на автономные (завершенные) и квазиавтономные (незавершенные). Оба типа могут объединяться в событийно или сюжетно связанные блоки, в рамках которых автономные письма формируют свертхтекст, а квазиавтономные тексты входят в литературно-художественные произведения в качестве линейно или иерархически связанных составляющих.

Изучение особенностей автономного письма показывает, что данный вид эпистолярного текста характеризует ограниченность пространства,

направленность на реального адресата, на группу людей, на сознательно выбираемого арбитра. Реальное письмо отличают определенные структурно - композиционные параметры (заголовок, зачин, основная часть, концовка, факультативные эпиграф и постскриптум).

Квазиавтономное письмо используется в литературе как элемент эпистолярного макротекста или вкрапления в текст художественного произведения. Этот вид эпистолярного текста отличается от автономного меньшим количеством этикетных формул, развитием одной темы, разнообразным контекстным членением, драматизацией.

Каирова приводит следующую классификацию эпистолярных текстов:

1. Изданные письма частного характера.
2. Совокупность произведений, использующих форму обращения к другому лицу.

Как следствие данной классификации автор представляет 3 основные сферы функционирования эпистолярных текстов:

- 1) Использование эпистолярных текстов в повседневной жизни общества, предполагающее направленность на конкретного адресата и циркуляцию, как правило, в узком кругу людей. Но иногда тексты этой группы публикуются, если письма принадлежат общественным и политическим деятелям, писателям и известным историческим личностям.
- 2) Использование писем в контексте идеологической борьбы. Эта группа включает в себя письма в редакции газет, к собраниям, к политическим и государственным деятелям, письма в защиту или в осуждение различных явлений. Эти эпистолярные тексты имеют не только прямого адресата, но и предназначены для широких кругов общественности. Они представляют историческую и культурную ценность.
- 3) Использование частных посланий в качестве путевых заметок, мемуаров выдающихся деятелей литературы и искусства, политических и государственных деятелей, а также в качестве элементов произведений художественной литературы.

Говоря о реальном (автономном) письме, Каирова упоминает о наличии в нем концептуально значимых коммуникативных манифестаций. Языковые коммуникативные манифестации представлены этикетными формулами вежливости, этикетными обращениями, этикетными приложениями, стилистическими средствами выражения.

К неязыковым коммуникативным манифестациям, которые встречаются, как правило, в оригиналах эпистолярных текстов, мы относим структурную оформленность, расположение письма на бумаге, конверт, чернила и т.д. (Т.С. Каирова, 1989: 18).

Современные исследователи уделяют большое внимание вопросам, связанным со структурными параметрами эпистолярных текстов.

Б.Нажуа описывает два вида объединения частей, составляющих текст, – гибкий и жесткий. "Жесткий" принцип построения находит отражение в стандартных текстах - таких, как заявление, деловое письмо. "Гибкий" принцип построения опирается на относительно свободный порядок следования составляющих. Однако, в отдельно взятом тексте оба порядка могут пересекаться.

В эпистолярных текстах "жесткий" принцип реализуется в деловых, официальных, этикетных письмах, которые требуют как определенного расположения частей текста, так и лексического отбора. Все остальные письма, особенно частные, характеризуются "свободным" принципом построения.

По мнению Белуновой, письмо, являясь типом коммуникации, не может считаться простой совокупностью речевых актов: «Оно предполагает прежде всего системность, основанную на системности знаний человека о мире, и осмысление данных знаний в процессе вербальной коммуникации».

Как следует из работы Белуновой, характерной особенностью интимно-дружеского дискурса является политематичность, которая реализуется взаимодействием речевых актов на уровне коммуникативной оси "я - ты" в зависимости от замысла автора.

Каирова представляет тематическую структуру письма как комплекс тем, которые составляют его идейное единство. Автор выделяет следующие виды тематических структур:

1. Тематическая структура, развивающая одну тему.
2. Линейная структура с последующей тематической прогрессией.
3. Иерархическая, в которой присутствует гипертема и ряд деривационных тем, обеспечивающие непрерывность текста письма с помощью различных средств внутритекстовой связи (Т.С. Каирова, 1989: 20).

Обратимся к рассмотрению основных структурных компонентов письма, которыми являются заголовок, зачин, основная часть, концовка, а также в некоторых случаях - эпитафия и постскриптум.

Заголовок, определяющий пространственно-временные границы, является важнейшим элементом эпистолярного текста. Заголовок осуществляет выход за пределы текста для дополнения содержательно-фактуальной информации внетекстовой информацией.

Зачин, состоящий из приветствия и вводной части, выполняет следующие функции:

1. Контактустанавливающую функцию.

2. Функцию введения в тематическое пространство эпистолярного текста.
3. Связующую функцию, создающую эпистолярный континуум переписки.
4. Функцию социальной детерминации корреспондентов.

Речевой этикет реализуется, в основном, экспрессивами, и является важным элементом интимно-дружеского письма, а адресат и адресант выступают в качестве коммуникантов с установившимися доверительно - дружескими отношениями. Бахтин отмечает в исследовании "Проблема речевых жанров эстетического словесного творчества": "Интимные жанры и интимные стили основаны на максимальной близости говорящего и адресата речи, в пределе - как бы на их слиянии. Этим определяется особая экспрессивность и внутренняя открытость этих стилей." (М.М. Бахтин, 1986:243).

Таким образом, адресант неизбежно выражает личное отношение к адресату, следуя правилам речевого этикета. В этом отношении, как утверждает Белунова, особенно выделяется обращение, неотъемлемая часть диалога адресата и адресанта.

Традиционное понимание роли обращения предполагает его характеристику как явления, в котором сочетаются побуждение, привлечение внимания и функция квалификации самого слушателя (А.М. Пешковский, 1956: 40). В данном случае оценочная функция понимается как функция выражения эмоционального отношения к адресату. Белунова, учитывая прагматический аспект, присоединяется к точке зрения исследователей, утверждающих, что характеристика адресата является обязательным и важным элементом коммуникативного акта и должна рассматриваться в рамках прагматических правил употребления языковых средств, участвующих в достижении эффекта воздействия на адресата в создании желаемого микроклимата общения .

В качестве адресантных элементов выступают оценочные прилагательные, притяжательные местоимения, слова с эмоционально-оценочными суффиксами. Автор отмечает, что экспрессивы (особенно такие, как обращение, прощание) представляют собой фатическое речевое поведение, которое, как подчеркивает Т.Г. Винокур в книге «Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект», предполагает «речевой акт, интенция осуществить который нацелена на сам этот факт как на предпочтительный способ вступить в общение:

а) частные цели в фактическом речевом поведении всегда подчинены начальному контактному импульсу.

б) информативная задача с точки зрения участников общения вторична.

в) коннотативный план имеет коммуникативный характер» (Т.Г.Винокур,1933: 6.).

Основная часть представляет фактуальную информацию письма.

Концовка завершает коммуникативный акт и выполняет функцию закрепления коммуникации. Правильно оформленный текст письма отличает то, что зачин и концовка композиционно определяют границы текста и усиливают иллюкативное воздействие на адресата при помощи этикетных элементов и комплиментов.

Эпиграф письма имеет большое концептуальное значение и выполняет следующие функции:

1. связующую функцию продолжения тематического пространства, писем и обеспечения эпистолярного континуума.
2. установления контакта
3. фокусирования содержательно-концептуальной информации письма.

Постскриптум, во-первых, сохраняет коммуникативную целостность текста, во-вторых, фокусирует информацию.

Функция таких компонентов письма, как заголовок, зачин, концовка, а иногда и эпиграф, заключается в обеспечении условий для эффективного приема информации, заключающейся в письме.

Интерес для исследования представляет разработанный Т.С.Каировой метод анализа эпистолярных текстов. Автор отмечает, что одной из важнейших задач анализа эпистолярного текста является извлечение содержащейся в нем концептуальной информации высшего порядка - концепции. Концепцию Каирова определяет как систему взглядов автора, определенную трактовку изображаемых явлений и процессов, которая базируется на содержательно-концептуальной информации. Автор утверждает, что не каждый текст передает систему взглядов пишущего, но в каждом тексте присутствует содержательно-концептуальная информация, что и определяет основные пути исследования способов декодирования и интеграции эпистолярного текста.

Декодирование содержащейся в тексте содержательно-концептуальной информации (СКИ) может осуществляться в русле коммуникативной лингвистики, представляющей язык в качестве динамической системы речевой деятельности в единстве и взаимозависимости ее элементов. Декодирование СКИ является результатом многоступенчатого анализа всей интегративной текстовой информации, которая включает в себя связанные друг с другом подсистемы различных взаимозависимых планов (синхронного и диахронного) и уровней фонетического, морфологического, лексического, синтаксического, стилистического и уровня всего текста). В синхронном плане рассматривается интегративная система информации эпистолярных текстов одного периода. Каирова представляет действие механизма преобразования текстовой СКИ в виде следующей таблицы:

СФИ (содержательно- фактуальная информация)	СПИ (содержательно- подтекстовая информация)	СКИ (содержательно- концептуальная информация)
--	---	---

Рассматривая взаимодействие различных видов информации как динамический процесс, Т.С. Каирова утверждает, что в основе взаимодействия видов информации находится содержательно-фактуальная информация (СФИ) – сообщение о фактах, событиях, процессах, существующих в окружающем мире (как реальном, так и воображаемом). Так как даже небольшое письмо свидетельствует об особенностях индивидуального видения мира адресанта, эпистолярные тексты характеризуются множеством возможных миров.

Существует ряд факторов, влияющих на информативные преобразования. Это: структурно-композиционные параметры текста, тематическая структура, пространственно-временные показатели, коммуникативная направленность, прагматические и психологические характеристики текста, его членимость и континуум, взаимодействие компонентов (частей) текста в процессе интеграции.

Анализ интегративной системы информации эпистолярного текста в диахроническом плане предполагает изучение специфики текстов исследуемого периода с опорой на мировоззрение эпохи и изменения в эпистолярном церемониале.

Источниками информации о письмах XIX века являются пособия под редакцией Уэстлейка (Westlake, J.W. "How To Write Letters? A Manual Of Correspondence", 1853), Артура Брука (Brooke, Arthur "What Shall I Say? A Desk-companion And Complete Letter-writer For Every Occasion"), Мэри Краутер (Crowther, Mary Owans "The Book Of Letters", 1923), Джона Тэйлора (Taylor, John "How To Compose And Write Letters. With Graduated Exercises And A Course Of Examination Questions", 1886).

Итак, согласно классификации, представленной в пособии Уэстлейка, выделяются личные и открытые письма. Первые предназначались исключительно для адресата, вторые - для широкого круга читателей. По сути речь шла об эссе.

Личные письма, в свою очередь, подразделялись на общественные (Social), деловые (Business) и разные (Miscellaneous).

Основой общественных писем, отмечают авторы, являются мысли, чувства, которые рождаются в сознании человека в процессе жизни. Это "домашние" или "семейные" письма, дружеские письма, письма-презентации, письма-поздравления, письма-соболезнования, письма признательности, совета и все те, что были вдохновлены любовью и дружбой.

Дружеские письма отличаются характером доверительного разговора, создающего дружескую атмосферу. Они настолько полно раскрывают индивидуальность автора, что читающий ощущает присутствие знакомого

человека. Здесь пишущий может действовать по велению своего сердца, говоря о тех "мелочах", которые и задают тон нашей жизни. "Мелочи", пожалуй, становятся главным элементом подобной категории письма.

Письма-презентации служат для установления контакта, знакомства и могут быть как деловыми, так и не деловыми. Для этого типа письма больше всего подходил дружелюбный стиль, но ни в коем случае не рекомендовалось подчеркивать положительные качества какого-либо человека. Любопытно, что этот вид письма посылался незапечатанным, так как в противном случае оно могло возбудить подозрение и служить знаком неуважения по отношению к доставщику письма. В качестве примера письма-презентации можно привести следующий:

Upper Brook Street, London,
May, 1, 1877

Dear Sir - I have the honor of introducing to your acquaintance Mr. William Worthy, whom I commend to your kind attention. Very truly yours,

Jane Faithful.

Mr. Thomas Good, Sackville St., Dublin.

Письмо-поздравление должно быть веселым и добродушным, без малейшей примеси зависти и тяжелых для восприятия рассуждений. Уэстлейк называет его "розой без шипов". Все неприятные новости, накопившиеся к моменту написания, излагались в отдельном письме. Поздравление должно было быть прежде всего естественным, без преувеличенного выражения радости. В качестве примера можно привести письмо, написанное Вальтером Скоттом Роберту Саути после присвоения последнему звания лауреата:

I do not delay, my dear Southey, to say my gradulator to redeem the crown of Spencer and of Dryden to its pristine dignity.

I was greatly delighted by the circumstances of your investiture. It reminded me of the porters of Calais with Mr. Smollet's baggage, six of them seizing one small portmanteau and bearing it in triumph to his lodgings.

Adieu, my dear Southey, my best wishes attend all that you do, and my best congratulations on every good that attends you - yea, even this, the very least of Providence's mercies, as a poor clergyman said when pronouncing grace over a herring.

My best attend Mrs. Southey and your family. Ever yours,

Walter Scott.

В письме нет излишней эмоциональности, его общий тон можно охарактеризовать как "сдержанная доброжелательность", хотя и не без юмора.

Письмо-соболезнование представляет огромные психологические трудности. Они связаны с тем, что перенесший потерю человек в глубине души нуждается в дружеской поддержке, а не в постоянном напоминании о деталях трагедии.

Деловое письмо, как следует из названия, является неотъемлемой частью бизнеса и коммерции. Характерной чертой этого типа писем является тематическая однородность и абсолютная привязанность содержания к практической деловой цели написания. Если, например, возникали какие-то вопросы личного характера, то они освещались отдельно. Уэстлейк выделяет два типа деловых писем - персональные и официальные.

Персональное деловое письмо касается личной коммерческой деятельности и используется торговцами, производителями, юристами, банкирами и т.д. Адресатом (или адресантом) *официального делового письма* является человек, занимающий правительственный пост на государственном или местном уровне.

Письма, не относящиеся к двум указанным категориям, Уэстлейк определяет как "letters of an accidental or unusual character, to which our complicated relation to society give rise - in short, all letters not elsewhere classified". К этой группе, например, относятся почтовые карточки.

Письмо неотделимо от жизни общества и имеет огромное коммуникативное значение. В нем отражаются не только социальные и исторические, но и речевые факторы, определяющие жизнь представителей аристократии.

В XIX веке существовали и соблюдались нормы письма, что дает возможность рассматривать письмо как семиотическую систему, компоненты которой были социально значимы.

Опираясь на справочники по написанию писем XIX - начала XX веков, в частности, на пособия (desk-companions) Дэвида Блэра и Мэри Краутер (David Blair, "Models of Familiar Letters", Mary Crowther, "The Book Of Letters"), можно выделить следующие компоненты, необходимые для оформления и написания письма XIX века.

1. **Шапка письма**, включающая в себя упоминание места и даты написания (heading).
2. **Вводная часть** (introduction), в которую входят:
 - адрес (имя, звание, координаты);
 - приветствие.
3. **Основная часть** (body), состоящая из:
 - вступления:

- собственно послания.

4. **Заключение** (conclusion), компонентами которого являются:

- завершающая фраза;
- адрес (если он не был написан ранее).

Письмо XIX века, независимо от цели написания и типа, отличается строгой структурной организацией. Шапка письма - это своего рода "заглавие" письма, которое зависит как от вида письма, так и от места его написания. Если письмо написано не в большом городе, указывается номер почтового отделения и название района, графства и адрес отправителя. Если местом отправления является большая школа, колледж, гостиница или любое известное учреждение, его название указывается в верхней части листа. В XIX веке у авторов писем была в ходу почтовая бумага с монограммами, эмблемами и гербами. Листы с надпечаткой были неотъемлемой частью деловой переписки. Дата, которая состоит из указанного числа, месяца и года, часто включала в себя день недели - деталь, характерная для повседневных общественных писем, в которых день недели важнее, чем год. Деловые люди часто писали число перед названием месяца, чтобы избежать возможной путаницы, если письмо написано в спешке. "Шапка" письма должна была располагаться в левой верхней части листа и занимать как можно меньший объем из соображений аккуратности. Части "шапки" письма отделялись друг от друга запятыми, и в конце ставилась точка.

Вводная часть (Introduction) состоит из двух частей: адрес и приветствие. Полный адрес состоит из имени и титула адресанта, а также его координат (Directions). Например, "Messrs Franklin & Hall, 53 Market St., Manchester". Необходимо подчеркнуть, что слово "координаты" не может использоваться как синоним слова "адрес", так как "адрес" включает в себя не только местонахождение человека, но и его имя. В координаты входит название почтового отделения, района, графства или большого города. Важным для оформления письма было указание на самом листе с текстом как адреса отправителя, так и адресата. В случае, если письмо принадлежит "кругу друзей" (Society of friends), титул может не указываться. Обычные виды обращений - Miss, Mrs., Mr., Esq. К мальчику обращаются в письме master. Эти обращения нельзя использовать вместе с литературными, профессиональными и военными титулами Prof., Dr., Col., Hon., A.M., M.D., Ph.D., D.D., L.L.D., но, например, обращаясь к служащему и зная лишь его фамилию, мы можем написать Rev. Mr. Blank. Mr. в этом случае будет считаться заменой неизвестного имени. Обращение типа Mrs. Dr. Baker, Mrs. Secretary Stanton возможны к жене доктора Бейкера или секретаря Стэнтона, сочетание же Mr. Dr. Brown является абсолютно неправильным. Два обозначения могут соседствовать друг с другом, если одно из них не подразумевает или не включает в себя другое. Возможны такие варианты: Prof. Edward Brooks, A. M., Rev. Dr. Hall, Rev. L. D. Hickock, D.D., L.L.D.

Когда два или более титула следуют за именем, их порядок должен соответствовать иерархии обозначений. Такой в XIX веке была последовательность: A.M. (Master Of Arts), M.D. (Doctor Of Medicine), Ph.D. (Doctor Of Philosophy), D.D. (Doctor Of Divinity), L.L.D. (Doctor Of Laws), F.R.S (Fellow Of Royal Society).

Рассмотрим письма, адресованные двум или более адресатам. В случае, если это мужчины, обращение выглядит как Messrs. (от фр. Messieurs (Gentlemen)), если адресаты - молодые девушки, к ним обращаются Misses, если это замужние или пожилые женщины, общепринятым было обращение Mesdames (произносилось ma-dahm). В остальных случаях, к примеру, в письме к работникам фирмы, персонал которой состоит как из мужчин, так и из женщин, обращение не используется.

Неотъемлемой чертой письма, являвшейся гарантом вежливости, уважения или любви, было приветствие. Использовались самые разнообразные приветствия, наиболее распространенными из которых были Dear Sir, My Dear Friend, My Dear and honoured father. В отношении приветствий были свои традиции и особенности. Известно, например, что слово dear никогда не несет подчеркнуто положительной смысловой нагрузки, а, скорее, нейтрально. За обращением Miss или Dear Miss всегда следует имя женщины, как в примерах Miss Flora May или Dear Miss Bames. Пожалуй, практически невозможно отразить все многообразие обращений писем XIX века, но основной особенностью их разделения являются, естественно, отношения между двумя сторонами. К незнакомцам обращались следующим образом - Sir, Miss, Madame, к знакомым - Dear Sir, Dear Miss, Dear Madame, к друзьям - Dear friend, Friend, My dear friend и т.д., к близким родственникам и близким друзьям - My dear father, My dear daughter. My precious child, Beloved husband, Darling wife. Dearest Mary, My good-for-nothing brother (ироничный стиль), My dear Charles, My dear Blanche.

Таким образом, выбор обращений зависит от отношений между людьми, от их занятий и интересов. Кстати, даже эта сравнительно небольшая часть письма имеет свою "идеологическую" сторону. Например, Уэстлейк отмечает, что многие молодые люди, желая быть экстравагантными, пользуются такими вычурными (gushing) обращениями, как Sweetest and best of girls, Darlingest of darlings и т.д. Автор пишет, "Such expressions sound very flat and silly to all sensible people. Those who express their feelings in this way are generally too shallow to be capable of entertaining a really strong and lasting affection."

Существовал ряд писем без обращений. Как правило, это официальные письма, написанные в третьем лице. В таком письме нет ни приветствия, ни указания адреса получателя в тексте послания. Автор "Correct Guide" приводит следующий пример:

"Will Mr. Clarke oblige Mrs. Summer by loaning her, until to-morrow, me last number of "The London Society" (if he is not using it), as it contains an article which she very much desires to read. Her own copy has been mislaid.

Laurel Hill, Friday, Nov, 20."

Такой вид письма может рассматриваться в подгруппе "записки".

Оформление письма строго следовало правилам пунктуации. Адрес в любом виде письма завершался точкой. Титул отделялся от имени запятой, как и два обозначения статуса друг от друга. К примеру, John M. Clintock, D.D., L.L.D.

После приветствия, неизменно стоящего в именительном падеже, использовалась запятая. Если письмо адресовано высокопоставленному выдающемуся человеку или тому, с кем автор не находится в дружеских отношениях, после обращения ставится двоеточие.

Следующая составляющая письма - так называемая основная часть, в которой излагается суть письма. Здесь следует учитывать как графические, так и стилистические правила. Письмо, как и любое другое авторское произведение, должно состоять из абзацев, количество которых зависит от логического построения произведения. В грамотно написанном письме их не должно быть много. У некоторых авторов встречаются письма, состоящие из одного абзаца. Каждый абзац начинается с красной строки (indentation) длиной в дюйм, которая начинается от линии полей (marginal line). Поля являлись обязательным атрибутом любого письма и располагались только с левой стороны листа.

Естественно, важным вопросом, относящимся к культуре письма и связанным буквально со всеми его компонентами, является почерк. Несмотря на то, что каждый автор обладает своей манерой в этом вопросе, письмо должно быть написано разборчиво, что в большей степени определяет культурную, церемониальную часть письма, предполагающую уважение к читателю и установление (или сохранение) контакта. Показательным в этом отношении является мнение Уэстлейка, который размышляет о почерке великих людей, оставляющем порой желать лучшего: "It is true that some great men write a very bad hand, so that their letters are almost indecipherable; but if theirs are valuable with such a defect, how much more so they would be without it. It should be remembered, too, that a man with established reputation can better afford to be indifferent to the minor proprieties than one who has his reputation to make; for defects which in the former are scarcely noticed, are in the latter conspicuous and intolerable." (J.W. Westlake, 1853:24).

Многие авторы руководств к написанию писем, например, автор "Complete Guide", советовали придерживаться элегантности во всем, начиная с почерка и заканчивая содержанием и композицией писем. Наиболее популярным дамским почерком был English running hand, отличавшийся легкостью и небольшой величиной букв. Мужской стандартный почерк имел средние по величине буквы. Людям, пишущим большими буквами,

советовалось пользоваться бумагой большого формата и оставлять большие пробелы между словами. В письме не допускались помарки и зачеркнутые слова.

Теперь обратимся к последней части - заключительной, дополняющей общую картину структуры письма. В нее входят заключительная фраза, подпись, а также в некоторых случаях - адрес. Эта часть письма сигнализирует о завершении коммуникации. В "общественных" письмах использовались разные виды заключительных фраз. Вот некоторые из них: "Your friend, Yours respectfully, Your sincere friend, Yours with esteem, Yours very respectfully, Yours affectionately and forever (Jefferson), Believe me, always your affectionate father (Scott), Yours very sincerely (Hannah More), Yours heartily and affectionately (Dickens), etc." Такими были заключительные фразы некоторых знаменитых людей эпохи.

Хотя заключительная фраза и зависит от сиюминутного чувства, она должна сочетаться с основной частью письма - не быть чересчур официальной, или, наоборот, слишком фамильярной. Допустим, в конце письма, начинающегося с My dear friend, автор пишет: Your friend или Yours respectfully. Повторение слова friend создает тавтологию, а respectfully после dear ассоциируется с некоторой холодностью в тоне. В данном случае можно использовать "Yours very truly" или "Ever yours". В деловых письмах наиболее употребимыми были Yours very truly или Truly yours. В официальных письмах заключительная фраза наиболее формальна. Дипломатический стиль предполагает следующие заключительные фразы:

I have the honor to be, Sir,
With the highest consideration,
Your obedient servant, A.B.

I have the honor to be (or remain),
With much respect,
Your obedient servant, C.D.

I have the honor to be (or remain),
Your obedient servant, E.F.

I have the honor to be (or remain),
Very respectfully,
Your most obedient servant, G.Y.

I am, Sir,
Your obedient servant, I.K.

Very respectfully your obedient servant, L.M.

Эти общепринятые формы официального этикета часто заменяются сокращенными *yours very respectfully*; *very respectfully* или *respectfully*. Фраза *your obedient servant* к концу XIX века потеряла свою распространенность и стала употребляться, в основном, в официальной переписке. Тем не менее, ее можно было встретить в различных видах писем, адресованных высокопоставленным лицам.

Что касается подписи, то, основываясь на книге Артура Брука, (Brooke, Arthur "What Shall I Say? A Desk - companion and complete letter-writer for every occasion"), можно выделить следующие правила:

1. Каждое письмо должно быть подписано.
2. Если письмо содержит важную информацию, указывается полное имя автора.
3. Подпись должна быть разборчивой.
4. Если автор письма - женщина, ее подпись должна не только свидетельствовать об этом, но и указывать на то, является она замужней или нет.

Для письма важным являлись бумага, конверт и чернила, на которые существовала своя мода. Заключительными стадиями оформления послания являются упаковка, указание адреса отправителя и наклеивание марки. Мы сочли нужным представить все эти компоненты, так как в письме столь очевидно сочетание языковых и неязыковых коммуникативных манифестаций.

Прежде чем охарактеризовать некоторые технические формальности, большинство из которых указывает на изучаемый период, хотелось бы добавить, что у многих компонентов есть свои тонкости. Например, в деловом письме адрес всегда пишется в верхней части листа, а в письме к ближайшему родственнику - в нижней части.

Бумага, конверты были определенного цвета, формата и качества, и чернила определенного цвета. Все эти атрибуты были очень важны для написания доброкачественных писем. Остановимся на некоторых из этих тонкостей. Стандартный формат почтовой бумаги (20x25 см) постепенно уступал место меньшему формату бумаги для записей, причем среди мужской половины была популярна "деловая бумага" (Commercial note) размером 13x20 см. Дамы предпочитали листы меньшего формата. Лишь деловое письмо могло быть исключением для использования листа в половину принятого формата, но, каким бы ни было письмо, послать четвертую часть листа было абсолютно неприемлемым. Одним словом, для любого письма, будь оно хоть из нескольких строк, должен быть использован целый лист стандартного формата. Как писал Уэстлейк, "To use part of a sheet looks mean and stingy and is disrespectful to the receiver".

Классическим цветом почтовой бумаги был (и, очевидно, есть и будет) белый цвет, и джентльмен пользовался как в дружеской, так и в деловой

переписке бумагой белого или иссиня-белого цвета. Для женщин делалось исключение: они часто использовали тонированную или ароматизированную бумагу. Люди, потерявшие близких родственников, писали на бумаге с черными полями, называемой "посланием скорби" (Mourning paper), причем ширина полей говорила о давности утраты.

Размер и цвет конверта должны были полностью соответствовать письму, и лист следовало сложить вдвое или один раз в зависимости от величины конверта. Послания маленького формата использовались, в основном, для приглашений.

Официальная корреспонденция часто запечатывалась в специально предназначенные для этого конверты длиной 9 дюймов, вмещавших листы большого формата. У джентльменов было также принято использовать желтоватые грубые конверты (buff envelopes), но этикет не позволял пользоваться таким конвертом для письма даме.

Важной деталью оформления письма были чернила, точнее, их цвет. Красные чернила исключались полностью, да и чернила ярких цветов вообще считались признаком далеко не лучшего вкуса. Традиционным и повсеместно использовавшимся цветом чернил при написании писем XIX века был черный.

Общие выводы по письмам XIX века мы бы хотели представить в виде схемы, в которой рассматриваются фразы, использовавшиеся для надписывания конвертов, вступительные и заключительные фразы, которые различались не только в "статусном" плане, но также в зависимости от ситуации - официальной или неофициальной.

В качестве источника этой информации выступает справочник по написанию писем, составленный анонимным представителем аристократии, а также книга Алана Росса и Нэнси Митфорд "Noblesse Oblige". По нашему мнению, сосредоточение внимания именно на вопросах ранга, связанных с написанием писем - деталь, которая особенно важна для нашего исследования. Представим материал в виде таблицы, в которой каждому титулу будут соответствовать надпись на конверте, вступительная и заключительная фраза (commencement, conclusion, superscription), причем буква O будет обозначать официальную разновидность (official), а буква S - неофициальную (social).

Следующая таблица сводит воедино особенности писем, зависящие от статуса получателя письма. Схема затрагивает основные этапы написания письма, которые различаются в зависимости от титула и пола адресата.

Титул	Commencement <u>Вступительная</u> <u>Фраза</u>	Conclusion <u>Заключительная</u> <u>Фраза</u>	Superscription <u>Надпись На</u> <u>Конверте</u>
МОНАРХ The Sovereign	Madam, May it please your	I have the honour to remain your	To Her Most Gracious Majesty

<p>КОРОЛЕВА To the Queen</p>	<p>Majesty (O), Lord P. presents his humble duty to your Majesty (O), Dear and Honoured Madam (S).</p>	<p>Majesty's most faithful and dutiful servant (O), I have the honour to remain, Your Majesty's most dutiful and humble servant (S)</p>	<p>Queen Victoria (S,O).</p>
<p>ПРИНЦ КОРОЛЕВСКОЙ КРОВИ To the Prince Of Blood Royal ПРИНЦЕССА КОРОЛЕВСКОЙ КРОВИ To a Princess of the Blood Royal</p>	<p>Sir, May it please your Royal Highness (O), Dear Sir (S), Madam, May it please your Royal Highness(O), Dear Madam (S).</p>	<p>I have the honour to remain, Sir, Your Royal Highness' most humble and obedient servant (O). I have the honour to remain, Madam, Your Royal Highness' most humble and dutiful servant. (O) Your Royal Highness' most humble and obedient servant. (S)</p>	<p>To His Royal Highness the Prince of Wales Marlborough House, S.W. (O) To Her Royal Highness the Princess of Wales Marlborough House, S.W. (O)</p>
<p>ГЕРЦОГ To a Duke</p>	<p>My Lord Duke, May it please your Grace (O), My dear Lord Duke(O), My dear Duke, (O), Dear Duke of Wiltshire (S)</p>	<p>I have honour to be, Your Grace's most obedient and humble servant. (O), Believe me, dear Duke, Your Grace's very faithfull (O), I have the honour to remain, Your Grace's most obediently (S).</p>	<p>To his Grace The Duke of Wiltshire, K. G. (O), To His Grace The Duke of Wiltshire, K.G. (O), To the Duke of Wiltshire, K.G. (S).</p>
<p>ГЕРЦОГИНЯ To a Duchess</p>	<p>Madam, May it please your Grace (O), Will your Grace.</p>	<p>I have the honour to remain your Grace's most humble and</p>	<p>To Her Grace The Duchess of Wiltshire</p>

	(O)	obedient servant (O)	
ВДОВСТВУЮЩАЯ ГЕРЦОГИНЯ To a Dowager	Mr. Chamberlain ventures to ask the Duchess of Wiltshire, if Her Grace will Kindly consent to (O), Dear Duchess of Wiltshire (S,O), Dear Duchess (S)	I have the honour to remain, Your Grace's very truly (S), Believe me, dear Duchess, Yours very sincerely (S).	To Her Grace The Dowager Duchess of Wiltshire (O), To Her Grace Elizabeth Duchess of Wiltshire (O), To Her Grace The Duchess of Wiltshire (S), To The Duchess of Wiltshire (S).
МАРКИЗ To a Marquise	My Lord Marquise (O), My dear Lord Sussex (S), Dear Sussex (S).		
МАРКИЗА To a Marchioness	Madam (O), Dear Lady, Sussex. (S)	I have the honour to remain, Your Ladyship's most humble and obedient servant (O), Believe me, dear Lady Sussex, very sincerely yours (S), Very truly yours (S).	To the Marchioness of Sussex. (S).
ВДОВСТВУЮЩАЯ МАРКИЗА To a Dowager			To The Dowager Marchioness of Sussex (O), To Maria Marchioness of Sussex (S)
ГРАФ To an Earl	My Lord (O), My dear Lord (S), Dear Lord Kent (S), Dear Kent (S)	I have the honour to remain, Your Lordship's most humble and obedient servant (O), Believe me, dear Lord Kent, Very	To The Right Honourable The Earl of Kent (O), To The Earl of Kent (S).

		sincerely yours (S), I am, dear Kent, Very truly yours(S).	
ГРАФИНЯ To a Countess	Madam (O).	I have the honour to remain, your ladyship's most humble and obedient servant (O), Believe me, dear Lady Kent, Very sincerely yours, Very faithfully yours (S).	To The Right Honourable The Countess of Kent (O), To the Contess of Kent (S).
ВИКОНТ To a Viscount	My Lord (O), My dear Lord (S), Dear Lord Surrey (S), Dear Surrey (S).	I have the honour to remain, Your Lordship's most humble and obedient servant (O), I am, my dear Lord, Yours very faithfully (S), I am, dear Lord Surrey, Yours very sincerely (S), I am, dear Surrey, Very truly yours (S).	To The Right Honourable The Viscount Surrey (O), To The Viscount Surrey (S).
ВИКОНТЕССА To a Viscountess	Madam (O), Dear Lady Surrey (S).	I have the honour to remain, Your Ladyship's most humble and obedient servant (O), Believe me, dear Lady Surrey, Very sincerely Yours (S).	To The Right Honourable The Viscountess Surrey (O), To The Viscountess (S).
БАРОН To a Baron	My Lord (O), My dear Lord (S), Dear Lord	I have the honour to remain, Your Lordship's most	To The Right Honourable The Baron Cumberland

	Cumberland (S).	humble and obedient servant (O), I am, my dear Lord, very faithfully yours (S), Believe me, dear Lord Cumberland, Very truly yours (S), I am, dear Cumberland, Very truly yours (S).	(O), To The Lord Cumberland (S).
БАРОНЕССА To a Baroness	Madam (O), Dear Lady Cumberland (S).	I have the honour to remain, Yours Ladyship's most humble and obedient servant (O), Believe me, dear Lady Cumberland, Very faithfully yours (S), Very sincerely yours (S).	To The Right Honourable The Baroness Cumberland (O), To The Lady Cumberland (S), To a Dowager The right Honourable The Dowager Baroness Cumberland (O), The Right Honourable Elizabeth Baroness Cumberland (O), The Dowager Lady Cumberland (S), Elizabeth, Lady Cumberland (S).
МЛАДШИЙ СЫН ГЕРЦОГА ИЛИ МАРКИЗА To the Younger Son of a Duke or Marquis	My Lord (O), My dear Lord (S), Dear Lord John Bath (S), Dear Bath (S).	I have the honour to remain, Your Lordship's most humble and obedient servant (O), Believe me, dear Lord John, Very faithfully your (S), Very truly yours. (S)	To The Right Honourable The Lord John Bath (O), To The Lord John Bath (S).
ЖЕНА	Madam (O),	I have the honour	To The Right

<p>МЛАДШЕГО СЫНА ГЕРЦОГА ИЛИ МАРКИЗА To the Wife of a Younger Son of Duke or Marquis</p>	<p>Dear Lady John Bath (S), Dear Lady John (S).</p>	<p>to remain, Your Ladyship's most humble and obedient servant (O), Believe me, dear Lady John Bath (S), Dear Lady John, Faithfully yours (S), Sincerely yours (S).</p>	<p>Honourable The Lady John Bath (O), To The Lady John Bath (S).</p>
<p>ДОЧЬ ГЕРЦОГА, МАРКИЗА ИЛИ ГРАФА</p>	<p>Madam (O), Dear Lady Mary Bath (S), Dear Lady Mary (S).</p>	<p>I have the honour to remain, Your Ladyship's most humble and obedient servant (O), Believe me, dear Lady Mary, Very faithfully yours (S), Very truly yours (S).</p>	<p>To The Right Honourable The Lady Mary Bath (O), To The Lady Mary Bath (S).</p>
<p>МЛАДШИЙ СЫН ГРАФА ВИКОНТА ИЛИ БАРОНА To the younger Son of an Earl, Viscount, or a Baron</p>	<p>Sir (O), Dear Sir (O) Dear Mr.Cumberland (S)</p>	<p>I have the honour to be, Sir Your most humble and obedient servant (O), Believe me, dear Mr.Cumberland, (S), Dear Cumberland, Very truly yours (S), Very faithfully yours (S).</p>	<p>To The Honble Cumberland (S).</p>
<p>ЖЕНА МЛАДШЕГО СЫНА ГРАФА, ВИКОНТА ИЛИ БАРОНА</p>	<p>Madam (O), Dear Mrs.Cumberland. (S).</p>	<p>I have the honour to remain, Madam, Your humble and obedient servant (O),</p>	<p>To The Noble Mrs. Cumberland (O,S).</p>

		Believe me, dear Mrs.Cumberland (S), Faithfully yours, (S), Sincerely yours (S).	
ДОЧЬ ВИКОНТА ИЛИ БАРОНЕТА To the Daughter of a Viscount or Baron	Madam(O), Dear Miss Cumberland (S).	I have the honour to be, Madam, Your humble and obedient servant(O), Believe me, dear miss Cumberland (S), Faithfully yours (S), Sincerely yours (S).	Eldest Daughter To The Honble. Miss Cumberland (O), Younger Daughter To The Honble Eveline Cumberland (O).
БАРОНЕТ To a Baronet	Sir (O), Dear Sir John Westmoreland (S), Dear Sir John (S), Dear Westmoreland. (S).	I Have the honour to remain, Sir, Your humble and obedient servant (O), Believe me, dear Sir John Westmoreland (S), Dear Sir John (S), Dear Westmoreland, Faithfully yours (S), Sincerely yours (S).	To Sir John Westmoreland (OS).
ЖЕНА БАРОНЕТА To the Wife of a Baronet	Madam (O), Dear Lady Westmoreland(S)	I have the honour to remain, Your Ladyship's humble and obedient servant (O), Believe me, dear Lady Westmoreland, Faithfully (S), Sincerely yours(S).	To Lady Westmoreland (O,S).
РЫЦАРЬ	Sir (O),	I have the honour	To Sir John Essex

To a Knight	Dear Sir George Essex (S), Dear Sir George (S), Dear Essex (S).	to remain, Sir, Faithfully yours (O), Faithfully yours (S), Sincerely yours (S).	(S)
ЖЕНА РЫЦАРЯ To the Wife of a Knight	Madam (O), Dear Lady Essex (S)	I have the honour to remain, Your Ladyship's humble and obedient servant (O), Believe me, Faithfully yours, (S), Sincerely yours (S).	To Lady Essex (O,S).
ЭСКВАЙР To an Esquire	Sir (O), Dear Sir (O) Dear Mr.Cole (S), Dear Cole. (S)	I have the honour to be, Sir, Your humble and obedient servant (O), Faithfully yours (S), Sincerely yours (S).	To George Cole, Esquire (O), To George Cole , Esquire, MP (O).
ЖЕНА ЭСКВАЙРА To the Wife of an Esquire	Madam (O), Dear Lady (S).	I have the honour to be, Madam, Your humble and obedient servant (O), Believe me, Faithfully yours (S), Sincerely yours (S).	To Lady Wilby (S).

Авторы пособий XIX века выделяют практически такую же структуру письма, как и современные исследователи. Рассмотрим различия. В работе Каировой выделяется как отдельный компонент письма зачин, состоящий из вступительной фразы и приветствия, в то время как эти части структуры письма содержатся как во вступлении, так и в основной части письма согласно классификации Уэстлейка.

Во-вторых, в XIX веке огромное внимание уделялось онорифике писем, которая проявлялась во вступительной и заключительной фразах. Это отнюдь не означает, что современные авторы считают рамку письма второстепенным

его компонентом - просто в XX веке изменились социальные условия функционирования эпистолярных текстов вслед за изменениями в устройстве общества, и многочисленные этикетные формы потеряли свое значение за редким исключением.

В целом стоит отметить, что исследования XIX века носят обучающий характер и направлены на то, чтобы дать возможность читателю практически использовать помещенный в пособия материал, а не анализировать письма других авторов.

Прослеживается сходство классификаций писем Уэстлейка и Б.Нажуа, однако следует отметить, что современный исследователь опирается на общую классификацию текстов, выделяя на основе четырех их разновидностей (текстов-сообщений, анализирующих текстов, побудительно-активизирующих и контактоустанавливающих текстов, эмоционально-оценочных текстов) три разновидности эпистолярных текстов (информативные письма, побудительные письма, контактоустанавливающие письма).

Исходя из специфики каждой разновидности, автор выделяет подтипы эпистолярных текстов, каждый из которых выполняет определенную коммуникативную задачу: например, письмо-просьба, письмо-рекомендация, письмо-извинение и т.д.

Современный подход, основанный на классификации текстов, позволяет Б.Нажуа классифицировать письма более подробно, чем Уэстлейку. Однако на основании этого нельзя считать классификацию исследователя XIX века менее убедительной, поскольку она соответствует поставленной автором задаче – познакомить будущего автора писем с основными моделями эпистолярных текстов с помощью четкой и сбалансированной схемы, отражающей функционирование письма в обществе и снабженной рядом практических советов.

Важной деталью классификации Уэстлейка является выделение "открытых" писем, использование которых рассматривает Т.С. Каирова как одну из сфер функционирования эпистолярных текстов: использование писем в идеологической борьбе. К этой категории исследователи относят письма в редакции газет, к собраниям, к видным государственным и политическим деятелям и т.д.

Исследователи XIX века не разделяют эпистолярные тексты на автономные и квазиавтономные, поскольку по традиции XVIII века реальное (автономное) письмо могло рассматриваться как литературное произведение.

Подход Т.С.Каировой, основанный на интеграции содержательно-концептуальной информации, также не применялся в XIX веке, поскольку в тот период важным было обучение письму, обучение искусству донесения информации, а не искусству ее расшифровки.

§ 2.2. Истоки английского дружеского письма XIX в

В нашем исследовании мы опираемся на работу Светланы Наумовны Кожевниковой "Письма к сыну лорда Честерфилда: жанр, восприятие, традиция" (Москва, 1996), которая позволяет рассматривать письма аристократов XIX века, учитывая культурно-историческую перспективу предыдущего столетия.

Важным является то, что автор характеризует письмо как пограничный жанр - одну из составляющих области переходных явлений, которые благодаря сложившейся в определенную эпоху литературной ситуации могут переходить из области быта в область литературы и обратно. На литературном фоне пограничных жанров возникают произведения большой литературы, а также процессы, отражающие развитие литературы в целом.

Письмо является одним из пограничных жанров, который не только отражает общий уровень развития литературы, но и одновременно сложившуюся традицию и происходящие в литературе изменения, развитие основных литературных идей, эстетических концепций, стилей, направлений, изменения границ системы литературных и нелитературных жанров, а также степень интимности и присутствие в произведениях литературы "внутреннего человека" - размышлений личного характера.

Автор утверждает, что "жанр письма, частного послания" развивается в русле закономерностей и процессов, характерных для всей литературы", так как, по утверждению С.С. Аверинцева, ("Древнегреческая поэтика и мировая литература" М., 1981) "именно эпистолярная культура всегда воспроизводит как бы в миниатюре общий облик культуры слова". Кожевникова объясняет эволюцию письма от высокого жанра ораторской прозы в античности до интимного в культуре романтизма изменчивостью категории жанра.

В XVIII веке сложились условия для того, чтобы эпистолярная культура достигла высокого уровня. Письмо стало восприниматься не только как жанр, связанный с бытовой перепиской, но и как литературное направление из-за появления многочисленных эпистолярных сборников, которые впоследствии легли в основу эпистолярного романа. О том, что "частное послание" в Англии XVIII века было неотделимо от литературы, свидетельствуют особые главы в Кембриджской и Оксфордской историях английской литературы того периода, а также в работах П. Роджерса, В. Ирвинга и некоторых других авторов (The Cambridge History Of English Language - vol.X, The Age Of Johnson – Ch. XI: Letter - Writers , 1932, p. 242-270 (The Oxford History Of English Literature - vol.VIII - the mid – XVIIIth century - Ch. XVIII: Essay, Letters, Dialogues, Speeches "Oxford - 1979) Rogers P. The Augustian Vision – Ch. 14: The Letter-Writers L.-74).

Переписка лорда Честерфилда со своим сыном происходила в период расцвета и становления английского просветительского романа на фоне перехода от раннепросветительских идей "августинской мечты" к идеям

сентиментализма и предромантизма, послужившим основой формирования этики и эстетики романтизма.

Представляют интерес размышления Кожевниковой о жанровой структуре письма, которая в каждом отдельно взятом случае может объединять элементы разных жанров "от краткой рецензии до поэтических фрагментов". Поэтому необходимо рассматривать каждое отдельное письмо как жанровую систему. В своей книге "О литературной эволюции" Ю.Н. Тынянов следующим образом определяет "систему": "система не есть равноправное взаимодействие всех элементов, а предполагает выдвинутость группы элементов (доминанта) и деформацию остальных" (Ю.Н. Тынянов, 1977:50). С позиции доминанты Кожевникова следующим образом характеризует письма Честерфилда:

«В "Письмах" Честерфилда такой доминантой является их поучительность, воспитательный характер как основное содержание. Вокруг этой доминанты группируются следующие элементы, составляющие как бы ядро системы: эссеистичность как основной жанровый принцип, определенная тональность и стилистика писем; ориентация на традицию августинцев, утверждавших чувство меры, вкуса и пропорции, проверенных и подкрепленных здравым смыслом как основной критерий эстетических и этических оценок» (Кожевникова С.Н., 1996:78).

"Письма к сыну" соответствовали таким критериям жанра "частного послания" как неограниченный объем, свободная композиция, разнообразная тематика, мозаичность, которая отражается на смене тона и настроения внутри одного письма.

Л.В.Сидорченко в книге "Эпистолярное наследие леди Мэри Уортли Монтагю" упоминает об английском исследователе эпистолярной литературы XVII века Джоне Деннисе, который в 1696 г. в предисловии к переписке Драйдена, Уичерли и Конгрива утверждал, что стиль писем должен не только соответствовать разговору, который может быть церемонным, серьезным, возвышенным или трагедийным, но и быть диалогичным по форме." (Л.В.Сидорченко, 1987: 59).

"Частное послание" было свободным по форме выражения и подразумевало в той или иной степени индивидуальное содержание, что послужило основой создания различных эпистолярных жанров.

"Письма, - как отмечает У.М.Тодд в книге "Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху", - всегда являющиеся средством социальной коммуникации, могут становиться литературой в эпохи, когда доминируют аристократы-любители в эпохи внимательного отношения к деталям повседневной жизни и в такой культурной ситуации, когда образованное общество само по себе становится произведением искусства" (Ч.Н. Тодд, 1994 : 95).

Социальные и культурные изменения в Англии XIX века заставили викторианцев по-новому оценить окружающую действительность. Перемены

в обществе требовали перемен в моделях коммуникации, и на первый план выходит эпистолярное творчество, став типичным явлением не только для представителей высших классов, но и для всех остальных социальных слоев. Естественно, что по своему уровню письма различались, и граница, разделяющая степени эпистолярного профессионализма, практически совпадала с границей, разделяющей аристократию и средние классы, так как последние владели искусством "частного послания" на протяжении веков, и им не пришлось, как представителям средних классов, "наверстывать упущенное", руководствуясь не классическими произведениями, а сомнительными пособиями, появившимися на прилавках магазинов в первой половине XIX века. Однако, рассуждая подобным образом, мы рискуем предельно упростить картину социально-культурных отношений в данный период, поскольку "средние классы" являются весьма абстрактным и многогранным понятием, включающим в себя большое количество деятелей культуры, искусства и политики, письма которых отличаются безупречностью формы и содержания. С другой стороны, существовали аристократы, сфера жизненных интересов которых ограничивалась охотой и кутежом и не включала в себя эпистолярное и литературное творчество. Таким образом, практически невозможно провести четкую границу между аристократом и не-аристократом в отдельных случаях, поскольку многие представители средних классов были практически на грани слияния с высшими классами, разделяя не только схожее материальное положение, но и род занятий - политику, например. Примером могут служить Глэдстоун и Дизраэли, пришедшие в большую политику без аристократических титулов.

Интерес представляет вопрос, принадлежит ли частное послание литературе в XIX веке или оценивается как жанр внелитературный и непоэтический. Скорее всего, письмо XIX века можно отнести к переходному жанру, объединяющему формы так называемой "Literature Intime" - писем, дневников, записных книжек, путевых заметок. Широкое распространение получили публикации писем и дневников аристократии. Вероятно, этот факт можно объяснить не только литературным мастерством многих аристократов, но и огромным авторитетом правящей элиты Викторианской Англии: аристократ воспринимался как авторитет в культурном плане, как непосредственный участник создания английской истории.

Большое влияние на формирование жанра оказала французская традиция. Термин «*La Republique Des Lettres*» подразумевает переписку ученых и философов не только в пределах одной страны, но и на международном уровне.

Очень важен процесс становления письма в Англии, на который оказали влияние не только "французские письма", но и факторы, связанные с общественными, философскими и литературными идеями, определявшими культурную жизнь Англии XIX века: сенсуалистическую теорию и

педагогические идеи Дж. Локка, философские взгляды Бэкона и Гоббса, учение Э. Шэфтсбери о природе человека и др.

Тематика частных писем стала основываться на обсуждении философских вопросов, размышлениях о человеческой природе, эстетической природе остроумия, о литературе, религии, морали, общественных науках. Честерфилд совмещает в своих письмах французскую и античную традиции, философски обосновывая такие вопросы, как, например, отношения в светском обществе.

Для английского послания XVIII века был характерен философский подход к любой теме, и для писем становится типичным сочетание эпистолярной и эссеистической традиций. Эту стилистическую "гибкость" жанра письма можно объяснить его синтетической природой - т.е. возможностью в зависимости от цели использовать элементы различных жанров – документального, публицистического, поэтического, драматического и т.д.

В качестве одной из главных черт, сформировавших письмо Англии XIX века, выступает эссеистичность. Как основу, характеризующую эссе, можно выделить внимание к внутреннему миру, к собственному "я", которое выражается с помощью размышления. Эссеистичность превращается в способ мышления. С XVIII века в английском эпистолярном жанре укрепляется традиция самопознания, формирующая особый пласт речи, охватывающий широкий круг тем, связанных с вопросами существования человека.

Свидетельством этому являются названия работ английских философов XVIII века: "Размышления о человеке, его строении, долге и упованиях" Д.Гартли, "Рассуждения о свободе мышления" А.Коллинза, "Характеристика людей, нравов, мнений и эпохи" Э.Шэфтсбери, "Эссе о душевных способностях" Т. Рида и др.

Эти труды, продолжая теорию сенсуализма Локка, с точки зрения мировоззрения представляют собой эссе, в основе которых лежит опыт. Т.С. Кожевникова представляет опыт как "критерий познания", как "критерий объективности", как "критерий общезначимости", как "жанр".

Такие законодатели жанра эссе, как Стил и Аддисон, многое позаимствовали из жанра журналистики, и их эссе отличала необычайная многоплановость: в них можно было встретить черты газетной хроники, фельетона, юмористической новеллы, что говорит о взаимообогащении различных форм эссе, к примеру, "нравственных" и "характеров".

Рассматривая творчество Честерфилда, нельзя не отметить совпадение его цели с общей задачей просветителей. Однако главной особенностью его "писем к сыну" является ориентация на конкретного человека, а не на нацию. Честерфилд находил образцы своих писем как в письмах Сенеки и Цицерона, так и в произведениях августинцев-просветителей XVIII века. Письма Честерфилда объединяет одно качество - эссеистичность. Жанровая

структура писем многообразна: автор использует приемы, характерные как для журнальной рецензии, так и для драматических произведений. Этот прием типичен для письма литературного жанра, который, как отмечает Н.Л. Степанов в книге "Поэты и прозаики", "живет чужими стилистическими рядами, поэтому в пределах эпистолярного жанра и стиля мы часто имеем сосуществование различных стилей и жанров" (Н.Л. Степанов, 1984: 69).

Типичной чертой английских писем, получившей распространение еще в XVII веке, являются своеобразные эссе под названием "характеры". Они стали особенно популярны после издания в 1616 году трудов Феофаства, ученика Аристотеля. "Характеры" – жанровая разновидность эссе, присутствие которой в письмах придает им "литературный" характер. Еще одним жанром, сформированным Честерфилдом в XVIII веке, были "максимы", которые, по определению самого автора, являются "наблюдениями над людьми и сущностью вещей".

Кожевникова приводит следующий пример максимы из письма: "... you must labour, therefore, to acquire that great and uncommon talent, of hating with good breeding, and loving with prudence; to make no quarrel irreconcilable, by silly and unnecessary indications of anger; and no friendship dangerous in case it create, by a wanton, indiscreet, and unreserved confidence." (С.Н. Кожевникова, 1996:95).

Как и характер, максима является жанром, родственным эссе. Она может быть составной частью структуры эссе и существовать самостоятельно. Эссеистичность писем создается во многом за счет обилия максим и афоризмов, что сближает частные письма с литературой. Частную переписку сближает с литературой "богатство воображения" автора, острота и точность наблюдений, введение в письмо диалогов и жанровых сцен, портретов, характеров, описаний, литературных рецензий и философских размышлений".

Многие авторы XVIII века ориентировались в своих письмах именно на стандарт языка "хорошего общества", то есть аристократии, под которой подразумевались люди с хорошими манерами, вкусом, образованием, знанием иностранных языков.

Одной из социально обусловленных черт мышления был скептицизм. Он подразумевал "сглаживание" спорных моментов при обсуждении определенной проблемы. Это явление связано с самоконтролем и самодисциплиной, которые должен культивировать в себе благовоспитанный человек.

Л.Гинзбург отмечает в книге "О психологической прозе", что "эстетическое начало сильно в эпохи, когда поведение имеет ритуальный, этикетный характер" и ориентируется на "нормы, предписанные общими социальными положениями и моментальными жизненными ситуациями" (Л.Гинзбург, 1971: 64).

Значимым в социальном плане явлением было "ритуальное мышление",

заостряющее внимание на всех внешних проявлениях деятельности человека и придающее важное значение любой, даже самой мелкой детали поведения. Следует сказать об огромном значении, уделяемом поведению в XVIII веке: в "The Polite Philosopher Or An Essay On That Art Which Makes A Man Happy In Himself; And Agreeable To Other", опубликованном в Англии в 1737 году, поведение рассматривается как вид искусства, который могут оценить только "люди со вкусом". Поведение должно быть утонченным, регулируемым, вносящим вклад в общественные отношения такими достоинствами, присущими произведениям классического искусства, как гармония соразмерности, величественность.

В XVIII веке устаревшие слова и поговорки были крайне непопулярны в среде "элитных" писателей, так как они ассоциировались с простой и грубой речью. К концу XVIII века из-за формирования романтического и сентиментального отношения к языку и фольклору, поговорки были реабилитированы.

Письма Честерфилда олицетворяют особую систему ценностей, которая была далеко не безоговорочно принята знаменитыми современниками. Например, понятие 'decoium', имеющее в социально-культурном плане большое значение, трактовалось по-разному Честерфилдом и доктором Джонсоном.

Джонсон понимал 'decoium' как "приличие, поведение, противоположное распущенности" - понятие, имеющее прямое отношение к моральным ценностям человека.

Честерфилду более подходило толкование этого понятия, подразумевающее, в первую очередь, внешние приличия, а не моральную сторону. Честерфилд, в отличие от Джонсона, считал, что decoium не запрещает наслаждение пороком, а только набрасывает покрывало приличия на вульгарную, скрытую часть природного безобразия и тем самым предотвращает скандал и дурной пример.

Письма лорда Честерфилда являются важным этапом развития английского эпистолярного жанра, в основе которого изначально лежал социальный фактор - концепция воспитания современного джентльмена. Эта теория совмещала в себе традиционное представление о джентльмене, уделяющем внимание принципам "благоразумия и воздержанности, умеренности и золотой середины в человеческом поведении" (С.Н. Кожевникова, 1996:107).

Сентиментализм и романтизм, новые литературные и идеологические системы, пришедшие на смену классицизму в конце XVIII века, основывались на внимании к чувствам человека и открытому проявлению страстей и были во многом несовместимы с идеями классицизма.

Однако в XIX веке письмо нельзя полностью отождествить с литературными течениями - налицо его коммуникативная задача, для осуществления которой как нельзя кстати пришлись приемы "характеров" и

"максим", диалогов, жанровых сцен, описаний, портретов, и философских наблюдений, типичных для литературы писем предыдущего века.

Письма XIX века не могли полностью ассоциироваться с романтическим идеалом, не рассчитанным на тиражирование.

§ 2.3. Как сочинить письмо?

Эпистолярная школа Викторианской Англии

Изменения в культурной жизни Англии XIX века заставили общество по-новому взглянуть на эпистолярное искусство. Развитие экономики, растущая популярность литературы придали особую окраску отношениям между людьми. Англичане осознали необходимость интенсивного обмена информацией в век, когда каждый день приносил что-то новое: открывались новые заводы, школы, появлялись новые товары, печатались новые книги. Многие позиции мировоззрения прошлых лет пришлось подвергнуть переоценке.

Как основной катализатор этого процесса выступило повышение национального самосознания викторианцев: англичанин вне зависимости от социальной принадлежности был на пути к достижениям в духовной сфере. Победа над Францией, индустриальный переворот, повышение религиозности заставили англичан поверить в исключительность своей культуры и, естественно, в непогрешимость внешней политики Англии, к которой благодаря лучшему в мире флоту один за другим присоединялись доминионы.

Английская система культурных и религиозных ценностей завоевывала не только новые территории, но и умы людей. Индийские дети принимали христианство и читали Шекспира, что являлось, по мнению "сильных мира сего" Викторианской Англии, принципиальными достижениями в эволюционном плане.

В Англии XIX века резко увеличилось число читателей. Большой популярностью стали пользоваться библиотеки религиозной литературы, появились на свет новые издания.

Эти процессы не могли не сказаться на всех без исключения социальных группах, но высших классов увеличение количества читающей публики и, соответственно, печатных изданий, коснулось в меньшей степени, так как неограниченный доступ к литературе представители знати имели всегда. Помимо этого, литературные вкусы аристократии XIX века несколько не зависели от новых эстетических канонов, запрещавших классическую литературу и театр. Литературные пристрастия "большинства" ограничивались, в основном, религиозными и популярными изданиями. Тем не менее, без широких масс читающей публики XIX век не стал бы веком "черного пенни" – ведь число читателей было прямо пропорционально числу потенциальных авторов писем.

Желание переписываться было огромным, однако практически никто, за исключением аристократии, не обладал навыками в этой области. Даже многие образованные люди – студенты и выпускники школ - столкнулись с этой проблемой несмотря на то, что обучение подобного рода проводилось в образовательных учреждениях. Виной этому, по мнению Тэйлора, были, во-первых, обилие правил без информации для размышлений,

во-вторых, огромное количество упражнений, основанных на имитации, которые не сводились к самому главному – практической деятельности (Taylor J. “How To Compose And Write Letters. With Graduated Exercises And A Course Of Examination Questions”, 1886).

К середине XIX века появились многочисленные издания, посвященные искусству правильного написания писем. В качестве авторов пособий выступают как представители высших классов, традиционно остававшиеся анонимными, так и имеющие богатый опыт в написании писем представители средних классов – как правило, преподаватели.

Подобные издания, будучи по своей сути самоучителями, должны были обеспечить будущего автора писем всем необходимым для постижения азов этого мастерства без посторонней помощи. Поэтому, несмотря на свой часто небольшой объем, эти книги претендовали на информативную самодостаточность. В них освещался многоплановый спектр вопросов, связанных со всеми составляющими эпистолярного творчества.

С присущей Викторианской эпохе образностью Тэйлор дает своим читателям наставления по поводу методов сбора и обработки информации: Read, mark, learn and inwardly digest the books that contain the information you require. Gather your facts as bees gather the honey from every flower. /.../ Seek truth as the miser seeks gold /.../ The whole world is your storehouse of truth, and you may freely help yourself./.../ Just as food you eat becomes blood muscle and bone, and helps to sustain and prolong life, so let the facts you glean become intellectual nourishment and strength. (J.Taylor, 1886:7). Итог этому рассуждению подводит стихотворная строка:

Know well your subject; and the words will go
To the pen's point with steady, ceaseless flow.

Анализ фактов, положенных в основу письма, Тэйлор считает важнейшей задачей. Перед началом работы автор должен установить, во-первых, что он хочет описать, во-вторых, чем это отличается от схожих явлений, и, в-третьих, почему выбранный объект существует. Выбор идеи Тэйлор сравнивает с выбором подходящего для строительства камня: «You have seen a man building a wall of rough unhewn stones, he picks up one stone and finds it unsuitable, for his purpose. He puts it back again into the heap, and touches many stones before he finds the one that will suit him. So in your memory there are facts that you cannot use every day. YOU must let them remain, like the stones in the heap, till they are required. And you must use your judgment and common sense in deciding what to use, and how to use it» (J.Taylor, 1886 : 8).

Представляет интерес тот факт, что практически ни один из вопросов, на которых останавливается автор, не обходится без отступлений морализаторского характера. Очевидно, что литература, предназначенная для низших и средних классов, не только носила на себе отпечаток прескриптивизма, но и основывалась на психологических наблюдениях.

Большое внимание автор уделял логической организации послания, а также выбору наиболее удачного стилистического решения - для этого Тэйлор знакомит читателя с такими приемами, как метафора, аллегория, антитеза и т.д.

Автор не рекомендует использовать сложные, запутанные предложения: «Avoid long, intricate and involved sentences. They wrap up the truth in a cloud of words till the meaning is dim, shadowy and obscure. Let your sentences be like a cambric needle –short, sharp and slim» (J.Taylor, 1886: 13).

Вниманию будущих авторов предлагается список наиболее употребляемых обращений и заключительных фраз, отобранных с учетом социального статуса потенциального адресанта. Например, так выглядели вышеупомянутые элементы письма, адресованного королеве или королю:

To the Queen's or King's most excellent Majesty.

Madam (or Sir)

I remain, with profound respect,

Your Majesty's dutiful servant and faithful subject.

Интересной особенностью пособия Тэйлора было наличие в нем специальных упражнений, позволяющих обучающимся самостоятельно развивать навыки письма. Первым видом упражнения был письменный пересказ небольших текстов, второй представляет собой "схему" описываемого события, составленную из ключевых слов и фраз, по которой предлагается воссоздать текст. Например, ситуация под названием "Shipping Horses":

Steamboat pier - horses afraid to walk down gangway – snort, rear, kick, plunge with terror – cows, sheep, asses, pigs, driven quietly - horses unmanageable - led singly into strong wooden stall - locked up - stall hooked to a crane-hoised by engine - swing over ship - lowered to its place - horses sea-sick - unwell several days.

Для овладения искусством красивого и лаконичного оформления мысли автор предлагает упражнения, основанные на трех основных вопросах (что? как? почему?), позволяющих упорядочить информацию и подготовить ее к последующему изложению:

SPIDERS

What

Insects - common in walls, fields, water, etc.

How

Differs from fly and other insects. Gains by craft, cunning, skill, what they gain by their wings.

Why

Killing insects chief use. Webs nave supplied materials for making silk.

(J.Taylor, 1886: 19).

В конце сборника находятся образцы писем известных авторов, а также экзаменационные вопросы, состоящие из предлагаемых автором тем.

Мы считаем, что подробный обзор одного из изданий подобного рода необходим для исследования, поскольку эта информация позволяет нам увидеть культурный контраст, который наблюдался в Викторианскую эпоху. Очевидно, что эти пособия предназначались для тех, кто был весьма слабо знаком с эпистолярным и литературным творчеством, о чем свидетельствуют не только авторские объяснения основных стилистических приемов, но и подробности и техника точного формулирования мыслей и т.д. Однако пособие Томпсона было адресовано студентам вузов и даже преподавателям. Значит, уровень знаний в области писем был чрезвычайно низок не только у представителей низших сословий, но и у большинства представителей средних классов.

Эпистолярное творчество само по себе является социальным маркером, и развито оно было именно в среде знати. Очевидно, частное послание имеет свои традиции, которые развивались на протяжении веков в аристократической среде; у большинства же англичан XIX века, наоборот, эти традиции отсутствовали в силу недостаточного уровня их образованности, и, соответственно, незнания классической литературы и поэзии - факторов, влиявших на литературные способности представителей высших классов

Выводы к главе 2

Изучение интимно-дружеского письма как в XIX, так и в XX веке вызывает интерес у исследователей, поскольку данный вид эпистолярных текстов характеризуют такие особенности, как реализация коммуникативной оси «я – ты», диалогизация, наличие специфической структуры. Дружеское письмо отличается мозаичностью, предполагающая варьирование жанровой и стилистической структуры, – особенность, позволяющая автору наиболее полно реализовать свой творческий замысел.

Основными направлениями современных исследований частного послания являются рассмотрение параметров эпистолярного дискурса, изучение письма в свете теории текста, а также раскрытие содержательно-концептуальной информации в эпистолярном тексте.

Для исследований XIX века, посвященных письму, характерно подробное рассмотрение композиционных параметров частного послания. Правилам употребления обращений и заключительных фраз уделяется особое внимание, что можно объяснить существованием в обществе жесткой системы субординации.

Можно отметить, что исследования письма XIX века носят, в целом, обучающий характер.

Популярность письма в Викторианской Англии была причиной огромного спроса на пособия по написанию писем (letter-writers). Эти издания были направлены на изложение в популярной форме азов эпистолярного творчества и были предназначены для широкого круга читателей.

В основе аристократического письма XIX века лежали традиции эпистолярной литературы предыдущего столетия.

Творчество интеллектуальной элиты XVIII века было сфокусировано на вопросах философии, культуры, этики. Огромное внимание уделялось описаниям внешних и внутренних качеств человека, что позднее, в XIX веке, стало важным компонентом романтического течения в литературе.

Таким образом, XVIII век можно считать периодом, оказавшим огромное влияние на дальнейшее развитие литературных вкусов и культурных приоритетов английской аристократии, нашедшее отражение в частной переписке XIX века.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО–ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПИСЕМ АНГЛИЙСКИХ АРИСТОКРАТОВ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Существование характерных особенностей речи представителей высших классов стало объектом всеобщего интереса англичан в 1955 году, после того, как вышла книга Нэнси Митфорд "Английская аристократия". До нее единственным, кто коснулся этого вопроса, был профессор Алан Росс, утверждавший в одной из своих работ годом ранее, что современная аристократия отличается от представителей других классов только своей речью. Этот факт обусловлен, в первую очередь, тем, что среднестатистический представитель знати, слившись с состоятельным английским средним классом не только в плане собственности, но и в генеалогическом плане, оставил за собой право использовать определенные слова, выражения и варианты произношения.

Нэнси Митфорд и Алан Росс перечисляют в своих книгах варианты использования разновидности U (upper) и противопоставляют их в большинстве случаев разновидности non-U (non-upper). Простая констатация речевых признаков лишней раз доказывает, что главной особенностью современной аристократической речи является ее атавистический характер. Употребление слова rich (upper, по Митфорд) вместо слова wealthy (non-upper) не значит в наше время практически ничего в социокультурном плане: за современной разновидностью аристократической речи не стоят идеологические и культурные ценности высших классов. Таким образом, подобные черты можно лишь наблюдать в отдельных случаях, но объяснить их в культурном плане практически невозможно.

"Аристократическая" речь имеет глубокие исторические и культурные корни. Одним из важнейших этапов ее развития был XII век - период, когда влияние появившейся в аристократических кругах Франции литературы было огромным среди представителей английской элиты.

Культ романтической любви в среде правящего класса (и только в его пределах) был одним из факторов, способствовавших вербализации не только этикета придворной любви (amour courtois), но и аристократического культурного кодекса в целом.

Мастерство придворной прозы практиковалось во время особых церемоний, когда арендаторы земли и рыцари торжественно приносили клятву верности лорду - феодалу.

Основной характеристикой родившегося в придворной среде стиля можно считать его опору на сравнительно небольшое количество абстрактных понятий, связанных с отношениями, построенными на субординации. Придворный был обязан служить (to be obliged to serve) знатному лорду, который поощрял (to extend favor, to confer honor) тех своих подчиненных, которые были достойны (to deserve) этого. В рамках этих

отношений как высшие по рангу, так и подчиненные были заинтересованы в сохранении баланса между требованиями и обязанностями (duties and obligations) (McIntosh, 1986: 67).

В дальнейшем сферами употребления придворной прозы становятся дипломатические и любовные отношения, светские письма, сборники правил этикета, в том числе и правил проведения дуэлей, рыцарский роман, религиозная литература.

Следует отметить, что четко прослеживается связь литературы и придворной жизни - явление, которое во многом определило миропонимание элиты, стало связующим звеном, между аристократом-воином и аристократом-мыслителем.

XVIII век стал периодом, когда письмо обретает литературную форму, и авторы обращаются к вопросам, связанным с философией и психологией. Это важнейший этап развития английского эпистолярного жанра, и, несмотря на перемены, которые произошли в культурной и общественной жизни в следующем столетии, письма сохраняют многие литературные особенности, позволяющие исследовать как жанр частного послания XIX века, так и социокультурные тенденции развития английского общества в Викторианскую эпоху.

Эпистолярный жанр, являясь особой лингвокультурной средой, может считаться средством фиксации динамики развития письменного стандарта и общества в целом. Письмо предстает ценным свидетельством деятельности человека, отражающим привычки, манеры, особенности общения. Каждый компонент письма считается семиотически значимым, социально обусловленным. Таким образом, правомерен взгляд на письмо как на социальное действие, являющееся частью глобального вертикального контекста эпохи.

Следует отметить, что исследованию подлежат письма Викторианской эпохи, датирующиеся периодом с начала XIX века до восьмидесятых годов.

Это письма **леди Холланд** (Lady Holland) от 26 апреля, 28 июня, 27 августа, 7 октября 1839 года, 19, 22, 26 мая, 12 июня, 30 июня 1840 года; **лорда и леди Сеймур** (Lord & Lady Seymour) от 8 марта 1845 года, 10 августа 1855 года, 10 апреля 1863 года, 5 апреля, 4, 12, 15 октября 1864 года, 25 июня 1866 года, 2 января, 14 февраля 1878 года; **Мэри Глэдстоун** (Mary Gladstone) от 13 марта, 29 октября 1877 года, 24 мая, 4 февраля 1878 года, 11 марта, 24 апреля 1880 года; **Бенджамин Дизраэли** (Benjamin Disraeli) от 21, 23 октября 1877 года, 15 июня 1878 года, 4, 10 августа, 26, 29 сентября, 4 октября 1880 года; **леди Пальмерстон** (Lady Palmerston) от 25 декабря 1819 года, 12 ноября 1820 года, 3 мая, 26 июня, 20 июля 1821 года; **леди Грэнвилль** (Lady Granville) от 31 июля, 2 августа 1832 года, 10, 14 октября 1834 года, 29 августа, 19, 24, 29, 30 сентября 1841 года; **Уэллингтона** (Wellington) от 17, 18 октября 1850 года, 10, 12, 15 октября 1851 года, 8, 9 декабря 1852 года, 4, 5 июля 1852 года; **леди Джернингем** (Lady Jerningham)

от 10, 11, 17 ноября 1820 года, 18, 30 апреля, 7 мая 1822 года; **Уильяма Глэдстоуна** (William Gladstone) от 26 марта, 30 августа и 2 сентября 1870 года; **Томаса Бэбингтона Маколи** (Thomas Babington Macaulay) от 26 июля 1832 года, 26, 30 ноября, 16 января 1833 года, 28 января 1835 года; **лорда Клэрндона** (Lord Clarendon) от 15 и 23 марта 1843 года.

В работе также используются письма **семьи Ловелл** (the Lovells), которые датируются 31 мая 1850 года, 31 марта 1851 года, 16 апреля 1860 года, 16 июля 1862 года, 21 декабря 1862 года, 16 августа 1863 года, 25 мая 1864 года, 2 июня 1865 года, 16 августа 1865 года, 24 декабря 1865 года.

Мы не можем обойти вниманием письма лорда Честерфилда, несмотря на то, что они написаны в XVIII веке. "Письма к сыну" одного из законодателей жанра "эпистолярной литературы" Англии - важнейший источник культурной информации, раскрывающий традиции высшего общества, особенности этикетных норм и правила поведения настоящего джентльмена.

Все эти письма различны по содержанию и стилю, но их объединяет принадлежность к классу дружеских. Это означает, что повествование ведется от первого лица, а стиль характеризуется непринужденностью, приближенностью по своим характеристикам к доверительному разговору. Но, пожалуй, основным объединяющим фактором является эпоха и ее вертикальный контекст.

§ 3.1. Вертикальный контекст

В данном исследовании приводятся письма, взятые из переписки Дизраэли с сестрами Честерфилд и Брэдфорд. Они представляют огромный интерес в плане вертикального контекста и повествуют как о политической жизни правительства Англии, так и о событиях, связанных с жизнью Европы в 70-е годы XIX века.

Письмо от 23 октября 1877 года, адресованное леди Брэдфорд, относится к периоду русско-турецкой войны. Известно, что уже в декабре того же года русские войска взяли Плевну, в январе следующего года вошли в Адрианополь, а в феврале подошли к Константинополю. Турция потерпела поражение. Но письмо, написанное незадолго до этих событий, утверждает полный провал русских войск в отношении понесенных потерь: "...the collapse of the Russian army is complete. They acknowledge to have lost (dead) 50,000 in war: but they have 20,000 in nominal hospitals at Plevna housed in worse than pig-sties, and perhaps 30,000 in the Lom and Shipka: all these will die".

Известно, что в тот период отношения между Россией и Англией были на грани войны, однако конфликта не произошло. Одним из главных сторонников войны был Дизраэли – он всеми путями добивался участия Англии в войне на стороне Турции, но этого не случилось из-за принятия Лондонского протокола в апреле 1877 г.

Турция потерпела в войне поражение, но Дизраэли все же стремился уверить окружающих (в данном случае – леди Брэдфорд) в том, насколько плачевным было положение России и ее армии: "Half their horses already dead. The only fodder prepared for them using compressed hay which was damp, or in a state of effervescence, and the horses won't touch it! Literally, half the horses that just arrived, dead! Our informant seems to think that, instead of a winter campaign to Bulgaria, we may perhaps look out for "a retreat from Moscow catastrophe". And all this is concealed from the Emperor and the Russian nation...".

Письмо леди Брэдфорд говорит о настороженном, подозрительном отношении к графу Шувалову, русскому послу в Лондоне. Использование кавычек при описании настроения графа говорит о том, что Дизраэли склонен воспринимать действия своего "оппонента" как своего рода игру: "Schouvaloff called on me on Saturday afternoon (late) and stayed a good while. I knew ye came to talk about the victory and I was resolved not to help him, so he was obliged to break it at last. He was "candid" as usual, but not "gay" - evidently depressed".

Результатом победы России в войне было подписание Сан-Стефанского договора, который отвечал национальным интересам славянских народов Балкан. Результаты войны не устраивали Англию, потому что договор восстанавливал престиж России и ослаблял влияние Турции, которую поддерживало правительство Дизраэли. Сан-Стефанский договор был необходим Англии, чтобы хотя бы частично лишить Россию ее

достижений на дипломатическом фронте. Подготовка к Берлинскому конгрессу происходила в атмосфере нагнетания правящими кругами Англии русофобии среди широких кругов населения. Дизраэли активно раздувал войну, что привело к уходу в отставку министра иностранных дел Дерби, выступавшего против войны с Россией.

В письме леди Бредфорд от 15 июня Дизраэли пишет о деталях, связанных с приездом в Берлин. Так он описывает Бисмарка, который был готов действовать на конгрессе в роли "честного маклера":

"It was sixteen years since we met. I should not have recognized him. Then, he was a very tall man with black hair, a puggish nose and pallid face and a waist like a wasp. Now, he is a giant, his face ruddy, his locks and head silvery-white, and enormously stout; on the whole, however, a very effective appearance".

Дизраэли уделяет много внимания описанию лиц, с которыми ему довелось встретиться. Следует отметить, что эти описания отличаются легкостью и непринужденностью. Эти описания доказывают, насколько большую роль играли традиции в образе жизни аристократии: "After the "gala" audience, as it is called, I had to pay a visit to the Crown Princess at her own palace; a very pretty one. This was a morning call and was very agreeable. She has been most kind to me in many ways. For instance, I found on my arrival a basket bouquet, so large that it almost covered the table, from Potsdam and in its interior a strawberry bed environed with orange flowers. In the evening I dined at the English Embassy."

Дизраэли явно не хотел насыщать письмо деталями, связанными с деятельностью конгресса. Он как бы вскользь упоминает первый день заседания: "On the following day (Thursday) the Congress met: we were in uniform, but I believe this ceremony is not necessarily repeated. The hall is, I think, too large for business. At least, no one's voice except my own was, I understand, heard."

Действительно, голос Дизраэли звучал более чем убедительно. Причем говорил он не на французском, а на английском, подчеркивая непримиримую позицию Англии. Это оскорбило представителей России. Однако голос Дизраэли оказался решающим независимо от усилий русских дипломатов: Санкт-Петербург принял условия Дизраэли.

Письма Эдварда Сеймура, двенадцатого герцога Сомерсета, занимавшего пост первого лорда адмиралтейства, отражают многочисленные аспекты профессиональной деятельности государственного деятеля высокого ранга. По долгу службы Сеймур много путешествовал, причем каждый раз морским или речным путем. Своей жене Джорджии он посылал письма из Франции, Мальты, Норвегии и Алжира.

Визит в Новергию был единственным, связанным с отдыхом – рыбалкой. Автор в деталях описывает процесс ловли лосося, в котором помимо него участвовал другой политический деятель – Бентинк.

Событием, важным для английского флота, был запуск производства броневых листов для кораблей на одном из металлургических заводов

Шеффилда. Автор детально описывает процесс изготовления первого листа, отмечая то эмоциональное напряжение, которое охватило как рабочих, так и наблюдавших. В составе правительственной делегации был герцог Девонширский, известный английский политик, занимавший за время своей карьеры в правительстве такие ответственные посты, как государственный секретарь по ведению военных действий, по делам Ирландии, управляющий почтой, лидер либеральной партии в палате общин.

В письме с Мальты Сеймур рассказывает о целях визита, связанных с посещением береговых укреплений, осмотром кораблей и встречах с местным начальством: «Here I am occupied from eight in the morning till ten at night visiting the ships, the harbour, the fortifications, dining with the Governor, the Admiral, etc.»

Большое внимание автор уделял исследовательской деятельности в области кораблестроения. В письме от 2 января 1873 года, адресованном брату Джорджи Бринсли, Сеймур рассказывает о планируемом посещении искусственного канала для испытания моделей судов, сконструированным неким мистером Фройдом: «I am going tomorrow to see Froude at Torquay; he has a large model of the *Inflexible*, which he is to experiment upon in his artificial canal. How soon will it sink when the ends are shot away? In what mode we are to answer this question I do not know: perhaps I will be wiser tomorrow.»

Вера во всемогущество английского образования и в необходимость привития английских культурных и религиозных стандартов представителям других наций ярко выражается в письмах Маколи, о чем свидетельствует письмо из Калькутты, написанное в октябре 1836 года: "The effect of this education on the Hindoos is prodigious. No Hindoo who has received an English education continues to be sincerely attached to his religion. Some continue to profess it as a matter of policy. /.../ The case with Mahometans is very different. The reason is plain. The Hindoo religion is so extravagantly absurd that it is impossible to teach a boy astronomy, geography, natural history, without completely destroying the hold which that religion has on his mind. But the Mahometan religion belongs to a better family. It has very much in common with Christianity, and even where it is most absurd, it is reasonable when compared to Hindooism. It is my firm belief that, if our plans of education are followed up, there will not be a single idolater among the respectable classes in Bengal 30 years hence."

Как считает Маколи, только христианство может дать возможность человеку получить знания в области астрономии, географии и других наук - индуизм и мусульманство исключают нормальное развитие общества.

В этом отрывке отражается уверенность викторианца как в моральном, так и в культурном превосходстве своей нации.

Среди значительных финансово-экономических преобразований мирового значения, отраженных в письмах – введение первой почтовой марки в 1840 году. Судя по письмам леди Холланд, первой реакцией аристократии на введение "черного пенни" был скептицизм: «One is here

inclined to believe this ugly postage, which is so inconvenient on many accounts, is likely to be a failure; but at present it maintains its popularity, altho' the financial part is very deficient.»

В письмах леди Холланд отражается аристократический мир и события, связанные с жизнью представителей знати. Большой общественный резонанс вызвало в 1840 году таинственное покушение на молодую королеву Викторию. Эдуард Оксфорд, молодой человек 18 лет, дважды выстрелил в королеву, когда она ехала в открытом экипаже. Преступник был признан невменяемым, причем вполне возможно, что пистолеты были заряжены холостыми.

Леди Холланд была до глубины души взволнована случившимся: «You will in common with us all have been horrified and shocked at this dreadful attempt upon the life of the poor little Queen. Lds Melbourne & Normandy went to her immediately on her return to the Palace, & found her well & tolerably composed.»

Автор с особой нежностью отзывается о королеве, используя уменьшительно-ласкательные эпитеты *poor, little*; он восторгается тем, что Виктория сразу же едет к своей матери, чтобы опередить дурную весть: «Her first impulse of going to her Mother, to spare her the fright of hearing it from others, was very amiable.»

Леди Холланд сравнивает королеву с ребенком, отмечая ее скромность и непосредственность: «The Queen, Papa described, as being so prettily and naturally pleased. She looked about her quite like a girl at home for holidays, examined the silver plates, ceiling, & all that was new to her eyes. She laughed, & was excessively merry.»

Представляет большой интерес отношение аристократов к монарху. Питер Лейн отмечает в своей книге "The Upper Class", что вопросом чести для аристократа была преданность королевской власти. Представителя английской знати XIX века можно сравнить с солдатом, который подчиняется приказу вышестоящего монарха, повинаясь принципу, сформулированному одним из самых влиятельных людей того времени Уэллингтоном: *No Throne - no aristocracy*. Однако важно отметить тот факт, что это не мешало аристократу проявлять свою независимость, действовать по знаменитому принципу «служить бы рад - прислуживаться тошно»: «It is worth noting that the upper class, while accepting that they had a duty - to serve the monarch, also showed a spirit of independence, which later politicians from the Middle class, dare not show. Unlike the trusting, ambitious, climbing Middle class, the Upper Class could afford to act with spirit» (P.Lane, 1972 : 149).

Важные события Викторианской эпохи нашли свое отражение на страницах писем лорда Сеймура. В письме от 12 апреля 1864 года автор рассказывает о приезде в Лондон итальянского патриота Гарибальди и о приеме, которые дали в его честь английские политики во главе с министром иностранных дел Пальмерстоном. Появление Гарибальди автор

характеризует как "забавное", хотя сама церемония, по мнению Сеймура, была чересчур затянута: «Garibaldi's entrance was amusing, only it lasted interminably; the people were in great good – humour, with all sorts of emblems, banners, and grotesque dresses, ribbons with Italian colours supposed to be appropriate to the patriot.»

Создается впечатление, что авторское описание не лишено определенной доли иронии, возможно из-за того что мероприятие казалось ему слишком пафосным, о чем говорит сочетание 'grotesque dresses' и 'patriot'. Концовка письма ясно дает понять, что Сеймур настроен по отношению к Гарибальди весьма иронично и надеется, что визит гостя не продлится слишком долго: «I hope he will not stay too long, or London will get tired of him.»

В письмах также упоминается имя лорда Джона Рассела, известнейшего аристократа-либерала, возглавлявшего движение в поддержку принятия Закона о Реформах.

Сферы интересов аристократической среды были неотделимы от понятия "семья". Семейный интерес был решающим фактором как в политической, так и в культурной жизни. Понятия "рождение", "брак", "смерть" были ключевыми в жизни правящего класса - они означали не просто периоды, вехи существования человека, а были связаны с продолжением правления элиты. В письме леди Холланд от 26 апреля 1839 года подробно описываются приготовления к рождению наследницы престола: «The Queen will be confined in December. The three accouchers are named, Drs Blagdon, Lacock, Fergusson. The nurses also are secured but her Majesty will not see one of the whole set till they are wanted. This, the wise ones do not approve; as symptoms may occur that a medical eye might judge of better than so young a wife.»

В письме от 27 августа 1839 года леди Холланд рассказывает забавный эпизод, связанный с женитьбой лорда Доуро, Артура Ричарда Уэллесли, второго герцога Уэллингтона:

«The outset of Lord Douro's marriage scandalized the world. The bride fainted away in her return from the church; he went riding in the Park & played a game of tennis.

On the Queen complimenting him on her beauty, he said she was all head, hands & feet (they are large), that she weighed 11 stone, & more than he did. Some say this is a bravado; for he is in reality much in love.»

Культурная и политическая жизнь тесно переплетались друг с другом. Светские встречи были неотделимы от политического подтекста, и в письмах рассказ об охоте, прошедшем концерте или светском рауте нередко дополняли комментарии политического характера.

Из писем Мэри Глэдстоун мы узнаем о том, что светские встречи – важная часть жизни аристократии: они давали возможность встречаться и общаться с нужными и интересными людьми.

В письме от 11 марта 1880 года автор рассказывает об ужине, на котором присутствовал Том Хьюз, известный английский юрист, реформатор и писатель, автор романа "Школьные годы Тома Брауна".

Среди приглашенных были и жены знаменитых политиков, как, например, леди Лонсдоун, жена маркиза Генри Чарльза Петти - Фитсмориса, ирландского аристократа и английского дипломата, представлявшего интересы Англии в Канаде и Индии.

Имя лорда Сэлисбери, консервативного лидера, три года занимавшего пост премьер-министра, четырежды – секретаря по внешней политике, выступавшего за расширение английского колониального влияния, упоминается в рассказах о политических дебатах.

Вообще, эпизоды политической жизни и её действующие лица – неотъемлемая часть корреспонденции Мэри Глэдстоун, с 1876 года оказывавшей своему отцу помощь в ведении корреспонденции.

В дневниковой записи от 24 апреля 1880 года Мэри Глэдстоун рассказывает о встрече со старыми друзьями, в числе которых были Уильям Харкорт, английский юрист, журналист, входивший в пять либеральных правительств, и лорд Том Джордж Нордбрук, известный политик, занимавший в разное время посты младшего лорда адмиралтейства и заместителя секретаря по вопросам Индии и ведения боевых действий.

Письма вводят нас в круг знакомых Мэри Глэдстоун - не только политиков, юристов, журналистов, но и людей искусства - писателей, художников, музыкантов.

Судя по письмам, автор был в дружеских отношениях с Джоном Раскином, английским писателем, критиком и художником, который возглавлял движение Готического Возрождения в архитектуре и искусстве и во многом определил культурную жизнь Викторианской Англии.

Автор поддерживал отношения и со знаменитыми музыкантами. На одной из светских встреч в 1877 году присутствовал Эдуард Даннрейтер, композитор, друг Вагнера, создавший в 1872 году общество его имени.

Составитель сборника писем леди Холланд отмечает, что круг ее общения в основном состоял из мужчин. Возможно, это объясняется не только факторами, связанными с личной жизнью автора, но и тем, что, несмотря на усилившуюся роль женщины в культурной жизни, "большая" политика Викторианской Англии все же ассоциируется с мужчинами. Среди выдающихся личностей той эпохи, упомянутых в письмах, - барон Генри Питер Броуэм, знаменитый представитель партии Вигов, лорд-канцлер Англии в 30-34 годах, реформатор, один из создателей лондонского университета. Он считался великолепным оратором, остряком и человеком, сведущим в вопросах моды.

Леди Холланд поддерживала связь с лордом Мельбурном, дважды премьер-министром в 30-е годы, близким другом и советником королевы Виктории, особенно в ее молодые годы.

На одной из светских встреч 30 мая 1843 года присутствовал граф Джон Чарльз Спенсер, ключевая фигура движения вигов, один из авторов Билля о Реформе 1832 года.

Письма являются достоверным источником культурной информации и отражают реалии, привычные для мира аристократии. Светская жизнь была неотъемлемой частью высших классов. Упоминания о светских мероприятиях часто встречаются в письмах леди Дженингом:

"On Wednesday I had my third rout: 96 visitants, and to entertain them, the two Damianis, Miss Wynne who has a very fine voice and sings in the best style, and Miss Le Tourneur on the Harp. It all went off very well /.../ On Thursday we went to the drawing-room at three o' clock, and remained standing till six, in the most violent Crowd I ever yet saw: the three rooms filled with hoops, and swords, and each step through the crowd bringing danger of suffocation. Every body had made it a point to go there. Mrs. J. was much approved of, and Look'd in great Beauty."

Первый отрывок позволяет оценить масштабы светских мероприятий. Количество приглашенных (96 человек) говорит о знатности и состоятельности аристократической семьи.

В следующем отрывке из письма Дженингом также описывается выход в общество - завтрак у графини:

"We got there a little after three, and were told the Duchess was in the Pleasure Ground. We accordingly found her sitting with Mrs. Fitzherbert by an urn. Several Bands of Music were very well placed in the garden, so that as soon as you were out of the hearing of one Band, you began to catch the notes of another; thus Harmony always met your ears. This sort of Continued Concert has always a most pleasant effect upon my nerves. There is a Temple which was destin'd to the Prince's Entertainment and was very prettily decorated with flowers."

В отрывке описывается времяпрепровождение в саду. Необходимо отметить, что саду в аристократической культуре придавалось огромное значение. Как и само здание усадьбы, сад отражал уровень благосостояния землевладельцев.

Следующий отрывок поможет нарисовать картину самой усадьбы, приготовленной к приему гостей:

"There were about 20 Cowers, and when we understood that the Duchess and all these fine People were their Temple, we Goths we took possession of the House, when we found in every room a table spread, with cold meat, fruit, ice, and all sorts of Wine. It is a fine House, and there are most delightful pictures in it. After the eating and quaffing was over, the young Ladies danced on the Green...."

Цитата дает представление о деталях светских встреч: меню, развлечениях, наиболее популярным из которых среди женской половины аристократии, вероятно, были танцы. Как видно из отрывка, внимание всегда уделяли картинам, количество которых в доме свидетельствовало о социальном статусе их владельца.

Домашние театральные представления были очень популярны в аристократических семьях Викторианской Англии. В одном из своих писем леди Сеймур рассказывает о постановке пьесы, в которой участвовали она и ее друзья. Несмотря на то, что автору эта затея показалась несколько скучной, представление было успешным: «All went off very well; Lady Leveson acted perfectly; Nell likewise, and the men pretty well; Charley admirably.»

Несмотря на то, что английское общество того времени заметно потеряло интерес к театру, аристократы, не привыкшие во всем следовать законам общественного мнения, продолжали наслаждаться своими любимыми литературными творениями, принимая в их театральной реализации непосредственное участие.

Неотъемлемой частью писем леди Холланд являются зарисовки повседневной жизни аристократии: светских встреч, концертов, поездок на скачки. Несмотря на то, что леди Холланд на увлекалась скачками, она всегда располагала полной информацией о них, так как большинство аристократов покидало Лондон, направляясь в Эскот, где проводились ежегодные соревнования Дерби: «Large parties are gone to stay in the neighbourhood of Epsom for the races; the Derby is tomorrow. One horse belonging to Ld Bentinck may win £98,000. His name is Gaper.»

Поистине широким кругом интересов отличается супруга Сеймура леди Джорджия. В письме от 9 марта 1845 года эта дама рассказывает об охоте на кабана, активным участником которой была она сама. Леди Сеймур была специалистом в области верховой езды, знала многое о лошадях: «I was mounted on a pur- sang, sixteen hands high, (as swift as the wind and elastic as India – rubber) that had been a racer. The other was a large, heavy English hunter, rather heavy on hand; I rode him to the wild boar, and he was to have been the second next day.»

Добычей охотников стал олень, и леди Сеймур, соблюдая охотничьи традиции, с радостью принимает в подарок его копыто - сувенир, который вешался на стене загородного имения аристократа на память о прошедшей охоте: «They sent me his foot, which I shall dry and mount as I did my St. Germain one, with the date, etc., on it.»

Как следует из письма от 28 июня 1839 года, эталоном женского стиля в одежде и манерах леди Холланд считала французский. Она описывает светских леди, собравшихся на концерте в Лэнсдоун Хаус, и приходит к выводу, что, несмотря на безукоризненный внешний вид, английским красоткам есть чему поучиться у французских дам: « I have rarely seen a greater assemblage of pretty women than there was that night; & there is a surprising improvement in the dressing of the women. Really they are as well equipped as even the French, but there is still a sad gaucherie in the mantien, swinging of the arms & entering a salon, which they have not conquered.»

С уверенностью можно утверждать, что правящий класс характеризовался особым "моральным кодексом", в котором отражались

социокультурные установки, определявшие жизнь высшего общества. Наиболее яркое отражение аристократия нашла в знаменитых письмах лорда Честерфилда своему сыну - произведениях, в которых раскрываются психологические тонкости поведения знати, а также расставляются акценты на жизненных принципах и навыках, необходимых для продвижении по социальной лестнице.

Для нашего исследования эти письма представляют огромный интерес, поэтому остановимся на некоторых моментах.

В одном из писем Честерфилд пишет о необходимости разумно распорядиться своим временем и не преследовать нескольких целей одновременно: "A man is fit for neither business nor pleasure who either cannot, or does not, command and direct his attention to the present object, and, in some degree, banish, for that time, all other objects from his thoughts." Утверждения Честерфилда имеют афористичный характер, как, например, следующее: "There is time enough for every thing, in the course of the day, if you do but one thing at once; but there is not time enough in the year, if you will do two things at a time."

Вопросу правды и лжи Честерфилд уделяет особое внимание, считая ложь воплощением порока и явлением, несовместимым с образом джентльмена: "It is the man who tells or who acts a lie that is guilty, and not he who honestly believes the lie. I really know nothing more criminal, more mean, and more ridiculous, than lying. It is the production either of malice, cowardice, or vanity; and generally misses of its aim in every one of these views; for lies are always detected, sooner or later."

Поведение аристократа в обществе играло решающую роль в его жизни. Так, Честерфилд утверждает, что следует избегать компании тех людей, которые в силу низкого интеллектуального уровня предпочитают прибегать к лести. Он полагает, что у человека всегда есть шанс оказаться в приличном обществе, но это необходимо заслужить, и решающую роль в этом играет воспитание и культурный уровень человека: "Merit and good-breeding will make their way everywhere. Knowledge will introduce him, and good-breeding will endear him to the best companies; for, as I have often told you, politeness and good-breeding are absolutely necessary to adorn any, or all other good qualities or talents. Without them, no knowledge, no perfection whatsoever, is seen in its best light. The scholar, without good-breeding, is a pedant; the philosopher, a cynic; the soldier, a brute; and every man disagreeable."

Пожалуй, в качестве основного правила поведения можно отметить сдержанность в компании - главный показатель культуры человека: "Never think of entertaining people with your own personal concerns, or private affairs: though they are interesting to you, they are tedious and impertinent to everybody else..."

"Искусство угождать", утверждает автор, очень полезно в обществе, но его эффективность зависит в значительной степени от психологических факторов, например, внимание к "мелочам", касающихся привычек и

особенностей человека, оказывается в общении важнее других факторов: "There are little attentions, likewise, which are infinitely engaging, and which sensibly affect that degree of pride and self-love which is inseparable from human nature, as they are unquestionably proofs of the regard and consideration which we have for the persons to whom we pay them."

Лорд Честерфилд указывал на необходимость впитывать в себя особенности культуры общения и быта, что позволяет безошибочно ориентироваться в жизни отдельной группы людей и находить подход к ее представителям. Письма Честерфилда невольно напоминают о таком "виртуозе" светской жизни, как Дизраэли, который сумел добиться немислимых успехов благодаря своему умению располагать к себе собеседника. Успех общения в обществе, основанном на статусных различиях, зависел во многом от умения вести себя в обществе людей более высокого ранга. В аристократическом мире это умение прививалось с детства. Честерфилд следующим образом комментирует это качество: "The characteristic of a well-bred man is, to converse with his inferiors with insolence, and with his superiors with respect and with ease. He talks to kings without concern; he trifles with women of the first condition with familiarity, gaiety, but respect; and converses with his equals, whether he is acquainted with them or not, upon general common topics, that are not, however, quite frivolous, without the least concern of mind, or awkwardness of body; neither of which can appear to advantage but when they are perfectly easy."

Практически в каждом письме подчеркивается огромная роль образования. Интересна в этом отношении оценка творчества Шекспира, которое, по мнению Честерфильда, было бы намного интересней, если бы его уровень образованности был выше: "If Shakespeare's genius had been cultivated, those beauties, which we justly admire in him, would have been undisgraced by those extravagances and that nonsense with which they are frequently accompanied."

Несмотря на то, что данное письмо относится к середине XVIII века, оно отражает типичное для Викторианской эпохи недоверие к Шекспиру. Возможно, жесткие моральные ограничения стали появляться в культуре аристократии задолго до эпохи коренных перемен в обществе.

При общении Честерфилд советовал всегда смотреть в лицо собеседнику, так как в обратном случае отведенный взгляд ассоциируется с виновностью. К тому же, прямой, открытый взгляд позволяет точно определить реакции собеседника, которая не всегда отчетливо выражена словами.

Письма лорда Честерфилда - ценный источник культурной информации. В них находят отражение те психологические и культурные установки, которые определяли жизнь аристократии, взаимоотношения между членами этой общественной группы. Интересна личностная направленность этого морального кодекса: лорд настаивает на развитии его сыном лучших сторон своей индивидуальности, а не на "слиянии" с обществом. "Мимикрия", по его мнению, была уделом людей низкого

культурного уровня и противоречила правилам высших классов: "It is the lowest and most illiberal of all buffoonery."

Как показывают рассмотренные письма, жизнь высшего общества определялась уровнем образованности, и практически каждое письмо лорда Честерфилда сводится к утверждению преимуществ образования, которое дополнялось знанием манер, умением "преподнести" себя в обществе: "But remember, that manners must adorn knowledge, and smooth its way through the world. Like a great, rough diamond, it may do very well in a closet, by way of curiosity, and also for its intrinsic value; but it will never be worn, nor shine, if it is not polished."

Сравнительный анализ писем аристократии и представителей других социальных групп является важной частью данной работы. В исследовании используются письма представителей среднего класса – семьи Ловелл, что позволяет показать особенности писем аристократии на лингвокультурном фоне другой социальной группы.

Семья Ловелл переехала в Тасманию (Van Diemen's Land) в 1823 году из Йоркшира. Уильям Эш Ловелл, младший в семье, уехал обратно в Англию в возрасте 16 -17 лет, чтобы помогать своему дяде на ферме в Хельпеторпе, что в Йоркшире, и больше не вернулся в колонию, ставшую новым домом для большинства членов его семьи. Ловеллы были потомственными земледельцами в Йоркшире и издавна арендовали землю у аристократической семьи Сайкс.

Письма Уильяма, относящиеся к периоду 60-х годов XIX века, адресованы его сестре Энн Ловелл, живущей в Тасмании, как и рассмотренные нами письма его брата Джозефа, Луиса и сестры Маргарет.

Особенности писем Уильяма Ловелла проявляются, в первую очередь, в области вертикального контекста. Очевидно, что сфера профессиональной деятельности автора связана с сельским хозяйством. В следующем отрывке из письма от 2 июня 1865 года Уильям Ловелл рассказывает о тонкостях земледелия: «I have crops this year as follows growing viz. 102 acres of Oats, 74 acres of Barley, 8 acres of Wheat, 94 acres of fallow which will be turnips, some sown and some to sow, and from 80 to 90 in pasture. We follow a rotation of crops thus - what is fallows & pasture this season will be corn next season, & what is growing corn this season will be pasture & Turnips next season & so on from year to year.»

Состояние крупного рогатого скота также волнует автора, особенно в период эпидемии коровьего бешенства. Приведем отрывок из письма, написанного 24 декабря 1865 года: «We are all very much alarmed just now, in consequence of a fearful disease which is raging amongst Horned Cattle. It is very infectious, & if it once get into the herd, it is almost sure to go through the lot, & it is fatal in 9 cases out of 10, at least so far; there is no cure for it - so far. It is called the "Cattle Plague". It has got to Helpethorpe & one Farmer out of 24 Beasts he

had in his yard has lost 20, another Farmer has lost 4 out of 7 - & Mr. Grundon my next door neighbour, whose yard is not 200 from mine, has started other 2 or 3 ill.»

Большое внимание Уильям Ловелл уделяет вопросам, связанным с погодой, от которой напрямую зависит урожай: «We have had a rather dry summer, this year, but lately we have had some fine weather for the Green crops and Turnips are promising to make a very fine crop. In account of the dry weather the wheat crops have done well, & my opinion is that taking the county in general it will be one of the finest & best wheat years that we have had for a very long while.»

Автор рассказывает об использовании комбайна в письме от 16 августа 1863 года: «I use a Reaping Machine to cut most of my corn with, & with 2 horses in at a time, we cut from 10 to 12 acres per day, & with 10 or 12 men we finish as many acres in an average crop. There are some Reaping Machines that will do above 20 acres a day. Ours is a small size manual delivery in sheaves.»

Представляет интерес информация, связанная с увлечениями автора, среди которых первое место занимает музыка: «I have given over playing on the German Flute and now I am learning to play the Bass Fiddle. I have got to play in a moderate way, and can sing the Treble or Air, and play the Bass. Thus you see I can have a tune in two parts. I am very fond of music and very much regret that I was not learnt to sing when I went to school /.../».

Очевидно, что автор считает образование необычайно важным и даже социально значимым, как показывает следующий отрывок: «Cousin Lois is going to school at York for a 12 month, she is a capital scholar already, but Aunt intends to make a Lady of her.»

Социальная среда, которую отражают письма Уильяма Ловелла, на первый взгляд, неизмеримо далека от аристократического мира: политических дебатов, приемов при дворе, путешествий за границу. Очевидно, что интересы автора обусловлены его принадлежностью к социальной группе, которую в данном случае можно охарактеризовать как "gentleman farmers" - своего рода зажиточная сельская интеллигенция, имеющая в Англии глубокие исторические корни. Эту категорию сельских тружеников можно считать одной из основ общественно-экономической системы землевладения, (Landed interest), во главе которой стояла аристократия.

О том, что автор не относится к низшему среднему классу, свидетельствует обладание достаточно большим наделом земли, редкими и дорогими орудиями производства (Reaping Machine), а также вполне "аристократическое" увлечение музыкой.

Однако очевидно, что социальное положение Ловелла в рамках среднего класса далеко от границы, разделяющей аристократию и высшие средние классы, которая, как известно, была достаточно размытой. Поэтому мы считаем использование данных писем важным для более контрастного сопоставления с письмами аристократии по некоторым культурно-языковым аспектам.

Выводы к § 3.1.

Письма английской аристократии – ценный источник информации об исторических и культурных процессах, характеризующих Викторианскую эпоху, традициях внутригруппового общения и основных функциях класса английской аристократии XIX века.

Политический контекст является гипертемой большинства писем как мужчин-аристократов, так и знатных леди. Это свидетельствует о важной роли правящей элиты в общественной жизни Англии Викторианской эпохи, о том, что авторитет и высокий социальный статус были неизменно связаны с ответственностью перед обществом и напряженной политической борьбой.

В частных посланиях аристократии отражаются важнейшие процессы, характерные для развития Англии в XIX веке: религиозное и моральное возрождение, бурное развитие промышленности, расширение классовой структуры общества.

Авторы писем уделяют огромное внимание светской жизни, вопросам, связанным с литературой и искусством. Рассмотрение писем свидетельствует о том, что к традиционным занятиям представителей высших классов можно отнести охоту, путешествия, участие в светских мероприятиях, а также литературное творчество.

§ 3.2. Лексические особенности писем аристократии

3.2.1 Политическая лексика

Политика была приоритетным направлением деятельности аристократии. Бенджамин Дизраэли отмечает роль аристократии в законодательной системе Англии в своей книге 'Vindication Of English Constitution': "For nearly 5 centuries the hereditary Peerage, as at present constituted, has formed an active and powerful branch of our legislature. /.../ No statesman can doubt that the peculiar character of the hereditary branch of our legislature has mainly contributed to the stability of our institutions, and to the order and prosperous security which that stability has produced." (B. Disraeli, 1835:84).

Роль английской аристократии в политической и общественной жизни подчеркивали многие социологи XIX века. Тэйн, автор книги 'Notes On England', считал, что высшие классы в Англии были надежной основой общества, по крайней мере до тех пор, пока их лидерство на политической арене было неоспоримо. Именно активная позиция Викторианской аристократии в политической и культурной жизни спасла ее от деградации: "Here and then an Aristocracy constituted the most solid basis, that of services rendered to the public, and of the permanent exercise of an independent, and till these days uncontested authority. It has remained free and powerful. How has it escaped the fate of the Continental aristocracies; the unpopularity, the degradation, which have become the common lot of the nobility in almost all the other nations of Europe? The English aristocracy has escaped political prostration and royal despotism by the honest and courageous exercise of parliamentary government." (H. Taine, 1872: 143),

Преимуществами английской аристократии были опора на силу закона и здравого смысла и самоотверженная борьба за интересы Англии на международной арене, а также в сельском хозяйстве, промышленности и искусстве. Английская аристократия не старалась отгородить себя от общественной жизни - наоборот, как отмечает Чарльз Монтельмберт в книге 'The Political Future Of England', правящие классы принимали в ней непосредственное участие: "The true strength of the English aristocracy and nationality abides in many thousands of families of Landed Proprietors, who, in virtue of their property, are the magistrates, and, to use our French phrase, administrators of the country. They do not disdain, as the old French nobility did, to accept administrative, legislative, and judicial functions. Far from it - they have almost monopolized them, and by so doing have maintained themselves at the head of all the developments of society" (Charles de Montalembert, 1856: 85).

Письма как надежный источник социокультурной информации свидетельствуют о том, что политика была основным родом деятельности представителей высших классов. Рассматривая лексические особенности писем с точки зрения социального диалекта, мы приходим к выводу о том, что вопрос деятельности является определяющим для функционирования частного послания в рамках социальной группы высших классов.

Аспекты внутригруппового взаимодействия класса аристократии, связанные с "политическим интересом", предполагают погружение в контекст политической жизни, что отражалось, в первую очередь, на лексических особенностях речи.

Политическая лексика выступает в качестве определенного кода, знакомого только "действующим лицам" - коммуникантам в рамках ситуации общения, связанной с политической жизнью.

Следует отметить, что "политический контекст" занимал жизнь многих аристократов полностью: круг общения аристократа в Парламенте часто совпадал с кругом общения на балу или на охоте. Обсуждение политических новостей - основа большинства писем, причем эта черта типична как для писем мужчин, так и женщин.

Очевидно, политическая лексика была одним из средств выражения идеологии лидерства, свойственной для самосознания аристократа, так как политическая деятельность ассоциировалась в первую очередь с властью, с влиянием в общественной и культурной жизни.

Таким образом, политическая жизнь была важным контекстуальным фактором, повлиявшим на образование маркеров аристократической речи - политической лексики, в частности, ставшей своеобразным «кодом», понятным для влиятельных людей определенного круга.

Политическая информация является контекстуальной основой большинства писем. Приведенные примеры показывают, что основными категориями политической лексики, которую используют авторы, являются названия законов и государственных документов (the Jamaica Bill, the Act of Union with Ireland (Lady Holland), the Irish Crime Bill, the English Education Bill (Gladstone), poor – law , The Parliamentary Declaration, (Macaulay)/ примеры 1, 3, 22, 23, 25/ , названия органов власти, политических партий и фракций (the Government, the Magistracy, the Council of the Royal Academy (lady Holland), the Houses (Lord Seymour), the Opposition, the Liberal Party, The Tories (Mary Gladstone), the Cabinet, the subordinate office, the Head Quarters (Disraeli), the Commons, the Secretary at war (Gladstone), Judge Advocate, the Radicals, the Orangemen (Macaulay), (примеры 1, 3, 5, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 24, 25), понятия, связанные с политической деятельностью (agitation, repeal, act, dismissal, (Lady Holland), statement, (Lord Seymour), case , course (Mary Gladstone), session, measures, (Disraeli), retreat (Gladstone), coalition, opponents (Macaulay) (примеры 3, 4, 7, 12, 13, 14, 19, 20, 25), выражения, отражающие процессы политической жизни (to announce opposition, to lose a question by votes, to determine one's hostility to the measures of Government (Lady Holland), to receive Budget, to make a statement (Lord Seymour), to make a case against Government, to receive a speech, to form a Government, to undertake a ministry (Mary Gladstone) to pass the measures, to place somebody in the Cabinet, to abandon one's post at somebody's entreaty, to withdraw a Bill, to reduce the estimates (Lady Palmerton), to retreat, to bring (the

question) before the Government, (Gladstone), to refuse the place (Macaulay) (примеры 1, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 16, 21, 24).

Необходимо отметить, что политическая информация в письмах - не просто констатация событий, а тщательный анализ, основанный на знании всех тонкостей описываемой ситуации. Точка зрения автора четко аргументирована: представлены различные аспекты спорных вопросов, приводятся точки зрения известных политических деятелей (например, Дизраэли, Глэдстоуна и др.), мнение самого автора, и нередко на этой основе делаются заключения, направленные на предсказание политической ситуации. Такой подход отличает, к примеру, письма леди Холланд.

Интерес представляет тот факт, что женщины проявляют не только огромный интерес к государственной деятельности, но и активно участвуют в политической жизни, как показывают письма леди Холланд, Мэри Глэдстоун и леди Пальмерстон.

Приведем примеры:

1. No sooner **the Govt.** are out of one scrape, but another arises. Such for instance is **the Jamaica Bill** on Monday, to which Sir Robt Peel has **announced** formally his **opposition**.
2. Previous to leaving Paris he became an ally & warm friend of Mole's; so that will probably be a **Ministerial combination for the next session**.
3. **An agitation for the Repeal of the Act of Union with Ireland** was brought to a head, by the **dismissal** by the **Lord Chancellor** of Ireland from the **Magistracy**, in May, of Lord French, O'Connell, and 32 other justices.
4. You will be sorry **the Ministers lost** an important **question solely by the votes** of friends Ld. Howick & Mr Wood.
5. The fatigue & mental anxiety of having been on the hanging **Council of the Royal Academy**, where there are so many jealousies & bickerings, /.../, has quite upset his nerves.
6. Altogether it is very painful; & there is much to fear that the over-zealous of **the Party** will shout & hurt them, & **determine their hostility to the measures of Govt.**
7. The want of **numbers** make the Govt. gradually sink. (Lady Holland).
8. Gladstone's **Budget** very well received last night.
9. Nothing will be definitely known until after Lord Russell has seen the Queen tomorrow, when a **statement will be made** in both **Houses**. (Lord & lady Seymour).
10. Waddy developed new and important points for **making a very strong case ag. Govt.** Roebuck effective but riling to the last degree, a violent attack on **the Opposition** frantically cheered by **the Tories**. **The Solicitor - General** bad, Sir Henry James clever, interesting, mostly excellent.
11. Papa's Tuesday **Speech was received** with the warmest praise on all sides; many go so far as to say it was the best he ever made.

12. There seemed no other **course** possible when once Lord Hartington had refused **to form a Govt.** I believe it was one dying effort of Dizzy's to undermine **the Liberal party.** He knew that sending for Lord Granville wd. be like sending for Papa, but he thought there was a chance of Lord Hartington being flattered into **undertaking a ministry** without Papa's help. (Mary Gladstone).
13. The gem of the debate was Lord Lansdowne's **speech** the first night, which only proved how very deficient Gladstone is in his perception of character and knowledge of human nature - in not **placing** Lansdowne **in the Cabinet** and offering him a **subordinate office** which he nearly **declined.**
14. I fear **the Session** will enter into September and that **the Government** will **pass** their abominable **measures** from no **Opposition** being present.
15. And if I could only face the scene which would occur at **Head Quarters** if I **resigned,** I would do so at once; but I never could bear scenes and have no pluck for occasion. (Disraeli).
16. Ld Cowper was obliged to leave **the House** still sitting and to **abandon his post** at the earnest **entreaty** of Fordwich, who was in despair at being kept in Town, and grudged every hour he passed there.
17. The account of the whole public matter will be in the papers, so I have nothing to say about it, but all **parties, Ministers** and all, are glad **the Bill is withdrawn** for they knew it would not have passed **the Commons.**
18. By the way, I am very glad to find Ld Palmerston has done himself such credit by the talent, discretion, and temper he has displayed during all this time and if Hume has not managed **to reduce the estimates,** he has at least reduced **the Secretary at War,** for he has grown as thin again as he was. (Lady Palmerston).
19. I cannot quite bear the anxiety about Morpeth's **election.**
20. I am assured that Leveson has done **the election matters** well. Morpeth's **retreat** is beyond all praise./.../ The Beaufort is **talked of for** Vienna.
21. Count Bernstorff having officially **brought before the Government** the question of export of arms we shall state our whole view of the case in reply, & I will obtain from Granville a copy of the paper on which you will be able to pass your judgement .
22. I am sure it would not be wise to create by force, as it were, an occasion for a **Parliamentary declaration** on this matter.
23. I am very hard driven in consequence of **the Irish Crime Bill** which supervened upon a state of business already crowded to excess. And there will be a time of nearly six weeks before we can get into committee on **the English Education Bill.** (W.Gladstone).
24. I am glad that you approve of my refusing the place of **Judge Advocate.**
25. I am rather inclined to think that some sort of **coalition** will be formed, - that the Duke and Peel will drop **the Orangemen** and **the opponents** of the new **poor-law,** - that **the ministers** will drop **the Radicals** who seem indeed inclined to drop them, - and that some sort of compromise will be made respecting Ireland. (Macaulay).

Таким образом, мы приходим к выводу, что употребление политической лексики является социально значимым, если сочетается с контекстуальной информацией, свидетельствующей об участии автора в политической жизни. Работы таких авторов XIX века, как Дизраэли, Монтельмберта, Тэйна, являются ценным доказательством того, что политика Викторианской Англии в первую очередь ассоциируется с образом аристократа.

Из писем представителей правящих классов мы узнаем о деталях парламентской и придворной жизни, что характеризует авторов как непосредственных участников событий.

Политическая лексика, сочетаясь с историкокультурной информацией, выступает как социально значимый маркер, неотделимый от коммуникативной ситуации и являющийся важным элементом коммуникативной компетенции.

3.2.2 Французские внесения

Французская культурная традиция оказала огромное влияние на развитие английского светского общества. Следовать установленным французской элитой нормам моды и этикета считалось престижным в английских аристократических кругах. Как отмечает Кожевникова, лорд Честерфилд считал манеры французской знати воплощением придворной галантности, а молодых английских дворян - "застенчивыми и неуклюжими, лишенными того блеска, изящества и манер речи, которые присущи их французским собратьям". (С.Н. Кожевникова, 1996: 59).

В своем исследовании Т.А. Ивушкина отмечает значение французских внесений в речи правящих классов:

"Большое место в речи аристократии занимал и занимает по сей день французский язык. Развитие отношений между двумя государствами, их соседствующее положение, а также роль Франции как законодательницы моды на одежду, живопись, светский образ жизни не могло не оказывать влияние на речь. В разные периоды существовала своя "мода" на использование французского языка в английской речи." (Т.А.Ивушкина, 1998: 145).

Рассмотренные письма также свидетельствуют о том, что английская элита ориентировалась на "светский" стиль французов, хотя порой и безуспешно. В одном из писем леди Холланд ставит в пример английским дамам поведение французских леди: "Really they are as well equipped as even the French, but there is still a sad gaucherie in the maintien, swinging of the arms & entering a salon, which they have not conquered."

Можно утверждать, что использование французских внесений в письмах аристократии культурно и исторически обосновано. Французские традиции в литературе и светской жизни всегда были эталоном для Англии, и даже антагонизм, вызванный войной, не мог изменить этого. Согласно исследованиям Макинтош, светская речь в Англии неотделима от наследия французского и латинского языков: "A proper history of courtly-genteel language could have to come to terms with sources and analogues in Latin and French."

Именно Франция была местом рождения "придворного" языка, который получает распространение в среде английской элиты: "There is nothing raw or unformed about this, and if it is representative, the language of compliment and honor must have reached full maturity in France by the 1620s, in time to influence English directly through Charles I's French wife and during Charles II's exile. /.../ Since a sizeable proportion of seventeenth century English courtesy-books and romances were translations from French, it is possible that polite French should be counted as one of the most influential ancestors of the language of courtesy in eighteenth-century England." (McIntosh, 1986: 95).

Таким образом, французские внесения являются неотъемлемой частью английской "аристократической" речи и служат социальным маркером, указывающим на принадлежность автора частного послания к элите,

поскольку именно высшие классы отличало знание французского языка и стремление следовать французским культурным стандартам.

Очевидно, французские вношения были настолько естественным явлением для речи аристократии, что практически невозможно выделить закономерности их использования в отдельно взятом эпистолярном тексте. Однако если сопоставить письма различных авторов по частотности употребления французской лексики, выясняется, что большая часть вношений приходится на письма женщин-аристократок. Вероятно, это объясняется тем, что письма знатных леди более эмоциональны, чем письма мужчин-аристократов, что позволяет отражать более широкий спектр событий, связанных со светской жизнью.

Примеры из писем леди Холланд, леди Глэдстоун, леди Пальмерстон, леди Джернингем и леди Грэнвиль показывают, что французская лексика может выполнять различные функции в повествовании. Во-первых, ее употребление связано с отражением образа жизни аристократии - реалий, относящихся к семье, быту, основным занятиям.

Приведем примеры: *heretiers* /наследники/, *valet-de-chambre* /лакей/, *belle fille* / невестка /, *favorite* / фаворитка /, *soiree* / вечеринка /, *les Grandes Eaux* / пуск фонтанов в парке /, *caleche* / коляска /, *en famille* / в семье /, *jardin* /сад/, *chateau* / замок /, *etang* /пруд/.

Французский язык также использовался в характеристиках, отражающих внешние и внутренние качества людей, а также события: *tres-instruit* / очень образованный/, *toujours plus charmante* /всегда более очаровательна/, *accoutrement* /нелепый наряд /, *si gentille, si gracieuse* /так мила, так любезна/, *distinguee* /благовоспитанная/, *bouquet* в значении "прелесть": "our last day, Monday, was the bouquet": /Mary Gladstone/.

Встречаются французские вношения и большего объема: *vous Connaissez son air sage et noble, son air assure et modeste, ne a'embarrassant d'aucune nouveaute; elle a paru dans de Caractere, et en a ete fort louee* (Вам знаком его умный и благородный, его уверенный и скромный вид человека, не обременяющего себя никакими новинками; казалось, и у нее был такой характер, и ее за это сильно хвалили.)

Таким образом, французские вношения являются важными социальными маркерами в речи. Вкрапления французской лексики – типичное явление для светского общения, черта, свидетельствующая как о высоком уровне образованности представителя элиты, так и о желании следовать французским культурным стандартам в поведении и в речи.

3.2.3. Абстрактные существительные и религиозная лексика

Многие исследователи социальных различий в языке выделяют абстрактные существительные в качестве важного маркера, связанного с принадлежностью к высшим классам.

Т. А. Ивушкина отмечает в книге " Язык английской аристократии: социально-исторический аспект":

"Еще одна особенность использования лексики аристократией - наличие большого количества абстрактных существительных, рисующих эмоции, чувства, состояние, мораль и т.д." (Т.А. Ивушкина, 1997: 57).

Социальная значимость абстрактных существительных связана, в первую очередь, с исторической перспективой развития высших классов в Англии, с культурными приоритетами этой социальной группы.

Кэри Макинтош в своей книге "Common And Courtly Language" утверждает, что у истоков возникновения особого элитного придворного языка был ряд абстрактных понятий, составивших его основу. Они были связаны с отношениями подчинения, типичными для феодального общества: взаимными обязательствами верности, защиты и служения.

Среди ключевых абстрактных понятий, на которых базируется придворная идеология подчинения, Макинтош выделяет honor, favor, goodness, pleasure, will, etc. Они использовались в таких областях коммуникации, как дипломатия и петиция, любовные отношения, высокосветские письма, издания, посвященные правилам этикета, правилам проведения дуэлей, а также в "рыцарской" литературе.

Таким образом, абстрактные существительные можно считать одной из основ изучаемого придворного социолекта, который развивался в период с XVI по XIX в.

Следует отметить, что жанр частного послания был тесно связан с концептуальной средой, типичной для придворных отношений. На протяжении веков дружба, выраженная в частном послании, расценивалась не просто как коммуникативный акт, а как благодеяние. Макинтош пишет: "Just as the correspondence of diplomats was more important before telegram and telephone arrived than it is now, so the correspondence of friends, in those ages when travel was arduous, played a far larger part in personal or social relationships as a whole than it does at present." (Mc Intosh, 1986: 82)

Примером такого отношения к письмам служит одно из популярнейших произведений эпохи Возрождения – интерпретация "De Amicitia" Цицерона, в котором дружба признается величайшим благодеянием, поскольку она направлена на любовь к положительным качествам других людей.

Автор описывает подобный подход к частному посланию как особую философию, требующую от коммуникантов соблюдения психологических границ, обрисованных рядом абстрактных понятий: "Hence evolved a context within which the extreme humility and exalted devotion or courtly-genteel prose

was perfectly at home. In the correspondence of true friends, each professes himself or herself overwhelmed by the **obligations** that some abstraction /the goodness/ generosity/ courtesy etc./ of the other has placed on him or her; neither will admit to **deserving** such **favors**: whatever **services** they perform fall short of each other's **merit**. " (Mc Intosh, 1986: 83)

Таким образом, эпистолярный жанр предстает в качестве дискурса, обоснованного идеологически и философски. Именно в этой связи возникает понятие High friendship, сочетающее в себе черты традиции и ценности придворного мира. Одной из наиболее известных моделей жанра придворной эпистолярной прозы является перевод писем Плиния Уильямом Мелмотом. Приведем в качестве примера небольшой отрывок: "I am extremely anxious for the success of the petition which Euritius has presented to the Senate; and I feel for my friend what I never felt for myself. My credit and character, are indeed in some measure at stake. I obtained for him of Caesar the **honour** of wearing that Laticlave, and also the office of questor; as it is by my **interest** too that he is indulged with the privilege of petitioning for the Tribunate. " (W. Melmoth, 1746: 82-83).

С точки зрения употребления абстрактных существительных, связанных с идеологией великосветской дружбы, интересны письма Александра Поупа сэру Уильяму Уичерли, которые он писал в девятнадцатилетнем возрасте. Следующий отрывок типичен для частных посланий вплоть до XIX века: "The compliments you make me, in regard of any inconsiderable **service** I could do you, are very unkind, and do but tell me in other words, that my friend has so mean an opinion of me, as to think I expect acknowledgement for trifles; which upon my faith I shall equally take amiss, whether made to my self, or to any others. For God's sake (my dear friend Wycherley) think better of me, and believe I **desire** no sort of **favour** so much, as that of **servng** you, more considerably than I have yet been able too. " (A. Pope. Correspondence, 1800: 33)

Несомненно, что с наступлением XIX века тематика писем стала более разнообразной, и основой частного послания представителей высших классов стала коммуникативная, а не морализаторская функция. Более интенсивное общение, вызванное переменами в общественной и культурной жизни, сделало письма более мозаичными, подверженными смене тона и настроения в большей степени, чем раньше.

Тем не менее, мы утверждаем, что ключевые понятия, связанные с идеологией аристократии, все равно сохранялись в посланиях. Понятия honour, favour встречаются в письмах лорда Нельсона, как и онорифика, типичная для внутригрупповой "аристократической" субординации (My Lord): "This Battle, **my Lord**, had not the **honour** of being approved in the way which the City of London has usually marked their approbation: therefore, I entreat that you will use your influence that no Vote of approbation may ever be given to me for any services since the end of April, 1801; for I should feel much mortified when I reflected on the noble support I that day received, at any **honour** which

could separate me from them, for I am bold to say, that they deserve every **honour** and **favour** a graceful Country can bestow. " (Correspondence, 1802: 356).

В письмах Глэдстоуна, которые были написаны не в начале, а в конце века, так же используются элементы этой лексической группы, что говорит о том, что идеология аристократического общения сохранялась из поколения в поколение. Можно смело утверждать, что она дожила и до наших дней - ведь такие заключительные фразы современных писем, как *Sincerely yours/Yours faithfully* относятся именно к выражениям, принятым в придворной прозе.

Приведем примеры из письма Глэдстоуна, датированного 30 августа 1870 года: "Your half century is (as I trust) still before you, & I must in candour state my impression that the public would consider your acceptance of the Garter as implying not by any means a permanent pledge but a present inclination towards the party & the Govt: as indeed they may already have thought from so slight a circumstance as your doing me **the favour** to drive with me on the celebrity of the Queen's birthday /.../.

Upon reperusing your letter I cannot escape the suspicion that you may have put the case too strongly against acceptance from a sentiment of **honour** which everyone must appreciate. "

Абстрактные существительные, однако, могут быть связаны не только с ограниченным количеством понятий, относящихся к традициям "служения лорду", составившим основу как морального кодекса высших классов, так и "придворной" разновидности языка.

В XVIII веке письмо выполняло важную литературную функцию, и определяющим признаком эпистолярной литературы того времени были философские идеи, вопросы, связанные с моралью, религией, литературой, эстетикой. Это подтверждают письма таких авторов, как леди Монтагю, лорд Честерфилд, лорд Коупер, лорд Литтлтон и др.

Приведем отрывок из письма Литтлтона под названием "Reason And Passion", написанного в период с 1709 – 1773 гг.: "If it were possible to trace the course of Reason in the mind of the best man that ever lived, from its first budding to a fullness of maturity, what a mortifying scene would be unveiled! What checks and delays, what tranquility and tumult, what frequent extinction and renovation, what rapid flights and sudden downfalls, what contest and submission, would compose the operations of this rightful mistress of human actions! " (A.Spiers, "English Letter – Writer", 1853: 121).

Философские размышления являются основой письма Коупера, написанного 18 сентября 1784 г. и адресованного преподобному Ньютону: "There is somewhere an infinite space, a world that does not roll within the precincts of mercy: and as it is reasonable, and even scriptural to suppose that there is music in heaven, in those dismal regions perhaps the reverse of it is found; tones so dismal, as to make woe itself more insupportable, and so acuminate even to despair." (A.Spiers, 1853: 206).

Как показывают приведенные цитаты, важным элементом философских рассуждений были абстрактные существительные *reason, maturity, tumult, renovation, submission, mercy, despair*. Любопытно, что некоторые авторы, как Коупер, посвятивший письмо прелестям загородной жизни, легко могли перейти от одной темы к вопросам философии и эстетики. Как отмечает Кожевникова, «Философский подход к осмыслению любой темы был характерен для английского частного послания XVIII века» /С.Н.Кожевникова, 1996: 104). Основной содержательной характеристикой эссе является внимание к собственному "я", к своему внутреннему миру. Основной формой выражения этого внимания является размышление.

Таким образом, "литературность" жанра частного послания XVIII века была связана с размышлениями философского характера, неотъемлемой частью которых были абстрактные термины, переносящие читателя в мир идей автора.

"Литература писем" XVIII века имеет ярко выраженную социальную окраску и ассоциируется с представителями высших сословий. Размышления, навеянные классическими произведениями античности, произведениями Д.Гартли, А. Коллинза, Э.Шефтсбери, Т.Рида, принадлежали исключительно представителям высших классов, которые со времен первых этапов стандартизации развивали свои литературные вкусы. Частное письмо всегда было неизмеримо больше, чем коммуникативный акт для аристократов, особенно в эпохи, когда доставка письма была событием, а не обыденным явлением, а само письмо было единственным видом связи. Частное послание было средством литературного самовыражения, одним из ярчайших примеров которого служат "Письма к сыну" лорда Честерфилда. Литературные размышления и, следовательно, абстрактные термины, связанные с ними, были частью культуры представителей знати, основанной как на традициях субординации, так и на высоком уровне образованности.

Современные социолингвисты также указывают на преобладание общих и абстрактных размышлений в речи представителей групп с высоким социоэкономическим статусом (Middle SES). К примеру, Питер Робинсон отмечает в сборнике под редакцией Клауса Шерера: "... low SES are less likely than middle SES to raise the generality and abstractness of accounts above what commonsense would treat as the concrete and specific. " (Klaus R.Scherer, 'Social Markers In Speech', 1979: 47).

Естественно, классы современной Англии и Викторианской эпохи отличаются друг от друга, но и те и другие во многом определяются уровнем образованности. Способность абстрактно мыслить и рассуждать характерна для представителей групп высокого социоэкономического статуса. Это подтверждает и Бернстайн, противопоставляя "народный язык" "формальному" и отмечая, что, несмотря на свои большие возможности, народный язык не способствует вербализации абстрактных отношений с реальностью: "This is not to say that speakers of this language interact in a

completely uniform manner, for the potential of a public language allows a vast range of possibilities, but it provides a language-use which discourages the speaker from verbalizing his discrete relationships with the environment. " (B.Bernstein. 'Class, Codes and Control', 1973:43).

Бернштейн утверждает, что носителю народного языка свойственна коммуникативная непосредственность, вызванная тем, что как экспрессивный символизм, так и языковая форма ориентируют его на низкий казуальный (причинный) уровень, на концепты описательного, а не аналитического характера.

Приведем примеры использования абстрактных существительных power, magnitude, delusion, malignity, cordiality, faithlessness, hostility, indignation, truth, terror, horror в письмах леди Холланд (1); peace, earnestness, vigour, greatness, firmness, belief, simplicity, unselfishness, courage в письмах Мэри Глэдстоун (2); honour, favour, pleasure, fear, favour, satisfaction, benevolence в письмах Уильяма Глэдстоуна (3); truth, falsehood, absurdities, belief, freedom в письмах Маколи (4); vigor, mischief, vanity в письмах Дизраэли (4); perfection, hope, happiness, pleasure, kindness в письмах леди Грэнвиль (6); kindness, affliction, grief, reward, affection, courage в письмах леди Дженингем (7).

1.

1. The reception he met with in this country has left a very strong & favourable impression on his mind, & also of the **power & magnitude** of the resources of the Country.
2. Some think it was a real aberration of mind; others sheer **malignity**.
3. He unluckily was soured at being disappointed of the Speakership, no fault of his own friends, but **faithlessness** among the Tories on whom he had personally reckoned.
4. He is full of **terror & horror**, expecting an assassin to destroy him.

2.

В письмах Мэри Глэдстоун находим следующие абстрактные существительные: peace, earnestness, vigour, greatness, firmness, belief, simplicity, unselfishness, courage. Приведем несколько примеров:

1. Here we sat in perfect **peace** for an hour while Mr. Mann played everything I wanted.
2. It is so utterly unlike any other visit in the world, so free and informal and comfortable - such wonderful **simplicity** and **unselfishness** in the middle of luxury.
- 3./.../ only that **the greatness** of this occasion magnifies **the greatness** of its **importance**, and thus the **abuse** attached to it.

3.

1. "I often feel it a burden to be *so* much tied down by considerations of party in giving advice as to **honours** - & it was a great **pleasure** to me when last year I was able to propose the Garter to Lord de Redcliffe who, after half a century of public service, was able to accept it without **fear** of being misunderstood."

2. /.../indeed they may have already thought from so slight a circumstance as your doing me **the favour** to drive with me on the celebration of the Queen's birthday."

3. "The perusal of Mrs. Jerningham's journal has given me all the entertainment & **satisfaction** which your **benevolence** had anticipated & provided for.

4.

"You say there is some **truth** in the Oriental systems."

"The question is why we are to teach any **falsehood** at all."

"I deny that it is necessary to teach **absurdities**, either to a man or to a native for the purpose of afterwards refuting those **absurdities**."

"If they are taught error while their education is going on, they will new learn truth afterwards. Nor is it necessary to the rational **belief** of **truth** that men should be acquainted with all the forms which error has taken."

"I love **freedom, leisure**, and letters."

5.

1. Your letters show no diminution of **vigor**.

2. A sheer act of madness and more calculated eventually to bring about a general war than any piece of **mischief** that could be devised.

3. I think the A.V. so wicked a man, that he would not hesitate to plunge us into a great war to soothe and have his maniacal **vanity**.

6.

1. I cannot bear his not being whatever he wishes to be, and his beautiful speeches and **perfection** in all ways deserve success wherever and whenever he seeks it.

2. There is a sentence in Mary's letter, a slight distant **hope** held out of having you here.

3. There is but one certain means of **happiness**. I have the greatest **pleasure** in reading religious books.

4. The Queen in a muslin frock, all **kindness**. With her beautiful baby - a little low, but very proper in her conduct.

7.

I. After the **kindness** you have long interested yourself for this family, I cannot altho' in the deepest **affliction** remain a day longer without giving you information of an event having taken place so long dreaded by us all.

2. She is as well as the **Violence** of **Grief** will permit her to be.

3. We doubt not but that he is receiving or about to receive the **reward** of a well-spent life and of the patient and edifying manner with which he bore the **Affliction** it pleased the Almighty God to send Him.

4. Yours, my dearest Lady Bedingfeld, with the **affection** which my sad and sorrowing heart is capable of.

5. He behaved with his usual **courage**, and disregard of his personal safety, but the poor Queen, and Princesses suffered much.

Употребление абстрактных понятий является неотъемлемой частью религиозного дискурса.

Религиозное возрождение является одной из важнейших культурных тенденций Викторианской эпохи. Как отмечает Лоренс Стоун, несмотря на всю противоречивость нравов этого исторического периода, изменения в религиозном самосознании англичан были основаны на твердых убеждениях: "The manners destined to survive for almost a century were something more than a fad./.../ The time had passed when clergymen hastened through a sermon to go fox hunting and people paused only briefly in church on their way to the alehouse." (L. Stone. 1984:102)

Религиозные трактаты и деятельность евангелистов способствовали изменению религиозного микроклимата Англии XIX века, и были так же важны, как и уверенность викторианцев в собственном моральном превосходстве. Однако изменения в моральном и культурном плане отмечались в одних социальных группах в большей степени, чем в других. Набожность евангелистов, запрещавших театр, произведения Вольтера, Дидро и Спинозы, находила отклик, в основном, среди представителей средних и низших классов, поскольку в аристократических кругах человек был надежно защищен от общественного мнения богатством и титулами.

В период средневековья жанр придворной "галантной" прозы был тесно связан с молитвой. Петиции XV века во многом схожи с молитвами, и, наоборот, обращения к Богу напоминают обращения к вассалу, власть которого - явление не политического, а теологического характера. Примером смешения петиции, молитвы и признания в верности служит отрывок из службы епископа Джозефа Холла, (1609):

"To the only **honour** and **glory** of God, my dear and blessed Saviour, which hath done and suffered all these things for my soul, his weak and unworthy **servant** humbly desires to consecrate himself and his poor labours: beseeching him to accept, and bless them to the public good, and to the praise of his own glorious name. " (Mc Intosh, 1986: 92).

Традиции христианской культуры предполагают употребление "придворной" лексики, например, таких понятий, как **honor, glory, grace, service** в религиозном контексте. Обращение к доброте, милости Бога, являющееся непременной составляющей молитвы, содержит тот же набор абстракций, что и придворная проза.

Сборник молитв, опубликованный с 1540 года вплоть до наших дней, является примером использования придворной лексики. Приведем примеры: "O Lord and heavenly Father, we thy humble **servants**... earnestly desire thy fatherly **goodness**, mercifully to accept this our sacrifice of praise and thanksgiving; most humbly beseeching thee to grant, that by the **merits** and death of thy Son Jesus Christ, and though faith in his blood, we, and all thy whole Church, may obtain remission of our sins, and all other benefits of his passion /.../ O God,... whose **service** is perfect freedom, defend us thy humble **servants**." (The Book Of Common Prayer, 1920: 57).

В XVII веке для английской аристократии ничто не имело большего значения, чем религия. Католическая знать принадлежала международной церкви и имела многочисленные контакты в Европе благодаря родственным связям с представителями континентальных религиозных школ и вооруженных сил. Однако в следующем столетии, как утверждает Лоренс Стоун, преданность церкви приобретает иной оттенок - религия рассматривается не как доктрина, требующая борьбы и жертв, а, скорее, как культурный феномен: "...doctrinal loyalty to the Church had changed fundamentally between about 1720 and -1760, so that few gentry by the 1760s believed much more than a minimalist deism./.../ For the first time in British history, a large section of the landed magnates had entered a phase which we can describe as sub-Christian, if not post Christian. Their ethics were as likely to be drawn from Seneca or Cicero as from St Paul and once again, we can observe a severe blow being struck against the community of belief and principle." (L.Stone, 1984: 107).

Таким образом, можно утверждать, что религиозность аристократии к концу XVIII века принимает формы, отличные от существовавших со времен средневековья. Смену приоритетов в области отношения к религии можно объяснить, скорее всего, ростом среднего класса и закреплением рыночной системы отношений: аристократ перестал ассоциировать свою власть с божественной, и наследие, схожее по своему лексическому составу с молитвами придворной прозы, потеряло былую значимость.

Изменения в религиозном мировоззрении правящих классов отражаются и в письмах аристократии XIX века – религиозные рассуждения в них отходят на второй план.

Однако, поскольку отношение к религии является частью индивидуального мировосприятия, невозможно говорить категорично об этих особенностях в рамках жанра интимного послания, которое предполагает открытость автора в психологическом плане.

Некоторые письма отражают особую роль религии в жизни автора, как, например, послание леди Стюарт, адресованное леди Дженингам, в котором встречаются такие образцы религиозной лексики и абстрактных понятий, как Easter, Sacrament, Altar, Parish, Communion, ordinance, misery, resignation, affliction, sacred:

"It is just ten years this Easter, my dearest Friend, since I took the Sacrament for the first time: my Father and my dearest Brother knelt opposite to me at the Altar of our Country Parish: my poor Brother now enjoys the fruits of his ordinance: I wish my father took the Sacrament with me today and still more earnestly do I wish that I had died soon after I received my first Communion! What misery should I have escaped! I hope, however, the manner in which I have passed this week may prepare me to endure with more resignation than the past, the future various afflictions to which I seem condemned. The first time my dear and excellent Brother took the Sacrament was at the same altar we always receive at in London: it renders it still more sacred to me: if you knew the unhappy hours I have

gone through this week you would I am sure be sorry for me. " (Jerningham, Correspondence).

Отрывок из письма леди Стюарт показывает, насколько значимым в концептуальном плане является сочетание религиозной лексики и абстрактных понятий, служащих для передачи чувств и эмоций автора. Употребление абстрактных понятий в речи английской аристократии обусловлено рядом культурных и исторических факторов. Развитие языка дипломатии, литературы и светских писем было связано с появлением в среде знати "придворной галантной прозы", основанной на отражении ценностей аристократического мира. Со временем к абстрактным понятиям прибавляются абстрактные существительные, ставшие неотъемлемой частью литературного творчества аристократии. Они проявляются в размышлениях на религиозные и философские темы, жанровых сценах, описаниях людей и событий, литературных рецензиях.

3.2.4. Прилагательные и наречия. Переоценка и недооценка

Реализация прагматики интимно–дружеского письма предполагает использование таких разновидностей экспрессива, как оценка, благодарность, сожаление, жалоба. Письмо как личностный тип общения предполагает выбор языковых средств в зависимости от ситуации общения и отношений между коммуникантами, что важно для воздействия на адресата и обеспечения коммуникации. Несомненно, особенности социолекта зависят от системы культурных ценностей социальной группы.

Традиции придворной прозы во многом определили специфику употребления оценочных прилагательных. Лексикон преданности и послушания, типичный для докоммерческой системы субординации, включал в себя не только ряд абстрактных понятий, таких как honour, favour и др., но и сопутствующие им оценочные прилагательные.

Для главного героя рыцарских романов жизненно важными ценностями были героизм на поле боя и в поединке, служение прекрасной даме и "придворные" манеры, свидетельствующие о его знатном положении: "Seventeenth-century chivalric romance synthesized courtly values that are elsewhere divided among the duelist or soldier, the lover, and the courtier or gentleman: heroes of these interminable narratives are equally adept in love and war". (Mc Intosh, 1986:88).

Образ героя - аристократа требовал особого стиля, который находился бы "выше" общепринятой нормы. Манерность придворной прозы не бросается в глаза в рамках рыцарского романа, строящегося на таких литературных явлениях, как гипербола, аллитерация и оценочные прилагательные - количество последних примерно совпадает с количеством абстрактных понятий, составлявших основу придворной прозы. Приведем отрывок из героической драмы Arcadia сэра Филипа Сидни, выделив как абстрактные понятия, так и прилагательные, типичные для данного стиля: "After that by your means I was exalted to serve in yonder **blessed** lodge, for a while I had, in the furnace of my agonies, this refreshing; that (because of the service I had done in killing of the bear) it pleased the princess (in whom indeed stateliness shines through courtesy) to let fall some **gracious** look upon me /.../ For my part, my heart would not suffer me to omit any occasion, whereby I might make the **incomparable** Pamela see how much **extraordinary** devotion I bare to her service: and withal, strave to appear more **worthy** in her sight; that small desert coined to so great affection, might prevail something in Ins wisest lady./.../" (Sir P.Sidney 'Arcadia', 1590: 153).

Приведем пример из образца корреспонденции более раннего периода - письма графа Марше и его брата своему отцу, герцогу Йоркскому, которое было написано в 1460 году: "Right **high** and right **mighty** Prince, our full redouted and right **noble** lord and father, as lowly with all our hearts as we your **true** and **natural** sons can or may, we recommend us unto your **noble** grace, humbly beseeching your noble and worthy fatherhood daily to give us your **heartly**

blessing: through which we trust much the rather to, increase and grow to virtue. We thank our **blessed** Lord not only of your **honourable** conduct and good speed in all your matters and business, and of your **gracious** prevail against the intent and malice of your evilwillers, also of the knowledge that it pleased your nobility to let us now late have the same. " (Earl Of Marche, 'Original Letters', 1460: 9).

Как показывают источники, относящиеся к периоду средневековья, соотношение абстрактных понятий и оценочных прилагательных примерно одинаково, причем во многих случаях они дополняют друг друга, например, noble and worthy fatherhood, noble grace. Частое использование оценочных прилагательных говорит о том, что они сыграли большую роль в формировании придворного социолекта во всех его разновидностях - в том числе и в языке "великосветских" писем. Элемент оценки, как правило, - неотъемлемая часть заключительных фраз, являющихся важным элементом "придворного" эпистолярного дискурса. Приведем в качестве примера заключительную часть из письма Поупа:

I am my Lord,
With the sincerest respect,
Your most obliged & most faithful servant

A.Pope. (A.Pope, Correspondence, 1756: 307).

Литература писем XVIII века, которую характеризует взаимодействие эссеистической и эпистолярной традиций, предполагает использование экспрессивных средств, и том числе и оценочных прилагательных как с мелиоративной, так и с пейоративной коннотацией. Очевидно, речь, изобилующая оценочными прилагательными, была традиционным атрибутом представителя аристократического "хорошего" общества. Именно речь представителя этой социальной прослойки считалась образцовой, как и манеры, по мнению законодателя жанра литературного частного послания лорда Честерфилда. В светском общении оценочные прилагательные служили во многих случаях элементом декорума, и судить о том, насколько правдиво они отражают внутренний мир автора, весьма сложно. Однако не вызывает сомнения тот факт, что оценочные прилагательные с различной коннотацией создают особый эмоционально окрашенный микроклимат общения, ассоциируемый со светским обществом.

Большое количество прилагательных и наречий является типичным для эпистолярного жанра явлением, поскольку свободная форма выражения и индивидуальность содержания предполагают использование экспрессивных средств. Последние вкупе с точностью наблюдений, характеров и философскими размышлениями сближали письмо с литературой в XVII веке. Многочисленные оценочные прилагательные и наречия в письмах аристократии XIX века могут быть рассмотрены с точки зрения культурных и литературных течений предыдущего столетия.

Приведем примеры использования оценочных прилагательных, где **a** - прилагательные с мелиоративной, а **b** - с пейоративной коннотацией. В письмах леди Холланд: **a**) beautiful, pretty, agreeable, surprising, magnificent; **b**)

dreadful, bad, unlucky, sad, deplorable, distressing, ugly (1); лорда и леди Сеймур: **a)** perfect, pleasant, amusing, smooth, pretty, beautiful, fine, magnificent, excellent, **b)** horrible, uncomfortable (2); Мэри Глэдстоун: **a)** graceful, gorgeous, grand, splendid, blessed, careful, consistent, glorious, delightful, exciting, exceeding, pretty, smashing, perfect, brilliant, amusing, pleasant, wonderful, lovely, **b)** dreadful, disagreeable, ridiculous (3); Бенджамина Дизраэли: **a)** capital, splendid, pleasing, amusing, **b)** abominable (4):

1.(a) 1) The lightning & increase of chandeliers in the great room had a **beautiful** effect.

2) Accordingly, we have put off two very **agreeable** dinners, at Ld Radnor's & Cowper's, to go to Cheam, to be near at hand for the race.

3) At Lord Melbourne's, the table was decorated by some **magnificent** candelabra, beautifully worked, a gift from Her Majesty as a token of her regard & friendship to Ld Melbourne.

1.(b) 4) Ld was very unfit to partake of the festivities, as he is overcome with one of his **dreadful**, choking colds & cough /.../

4) One is half inclined to believe this **ugly** postage /.../.

2.(a)

1) We have had **perfect** weather.

2) We have had a **pleasant** trip from Toulon to Villa Franca, which is close to Nice; there we saw the French fleet.

3) We arrived here this morning from Malta, which we left on Monday: a **beautiful smooth** passage

4) I was amused, and had a **very pretty** run the second day.

5) The forest is **magnificent** and the ground **excellent** for riding.

2. (b) 6) The political affairs are **uncomfortable**...

3.(a) 1) It was so delightful at Cambridge having Mr. Sidgwick so tremendously keen.

2) I loved it so, looking up at the great windows with their gorgeous yet subdued colours.

3.(b) 3) He talks everybody down with his dreadful voice, and always places his person in such disagreeable proximity with yours and puffs and blows and spits in yr. face.

4. (a)

1) A **capital** passage and three days' travel brought me here.

2) Lord Odo carried me to the Hotel Kaiserhof, a **splendid** one where I have a large suite of apartments and **good** accommodation for Monty and two secretaries.

3) I was presented to many persons of whom I had long heard; the Grand Duchess of Baden who was with the Emperor when he was shot, a **very pleasing** person /.../.

4) This was a morning call and was **very agreeable**.

4.(b) 5) I fear the Session will enter into September and that the Government will pass all their **abominable** measures from no Opposition being present.

Как экспрессивные средства, связанные с индивидуальной оценкой, прилагательные и наречия дополняют друг друга, являясь важными элементами социального самовыражения автора. Как отмечает Бернстайн, типичное для "народного языка" ограниченное использование прилагательных и наречий связано с уменьшением количества индивидуальных характеристик объектов и процессов, что снижает экспрессивность речи: "As there is a limited and rigid use of adjectives and adverbs, individual qualifications of objects (nouns) and individual modifications of processes (adverbs) will be severely reduced. Because the choice is restricted, the adjectives and adverbs function as social counters through which the individual qualifications will be made. This drastically reduces the verbal elaboration of the qualification which is given meaning by expressive symbolism." (B. Bernstein, 1973: 44).

Существует еще один фактор, объясняющий широкое использование экспрессивных средств для выражения индивидуальной характеристики, - популярность в первой половине XIX века романтического течения, которое рассматривало "слово" как "живую силу", повинующуюся человеческой воле. Линда Доулинг в книге "Language And Decadence In The Victorian Fin de Siecle" приводит высказывание английского лингвиста Марша: "/.../ language is not a dead, unrealistic, passive implement, but a power, which like all natural powers, reacts on that which it calls into exercise... mere giving of verbal utterance to any strong emotion or passion, even if the expression be accompanied by any other outward act, stimulates and intensifies the excitement of feeling /.../" (L.C. Dowling, 1986: 35).

Несмотря на то, что классицизм и пришедшие ему на смену в конце XVIII века романтизм и сентиментализм были различными литературными и идеологическими течениями, между ними прослеживается связь. Литературное течение XVIII века, которое отличает внимание к принципу воздержанности, было тесно связано с традицией самопознания, вниманием к внутреннему миру человека, что позднее, в XIX веке, стало основой "романтического" мировосприятия, направленного на открытое проявление чувств человека. Желание "украсить" свою речь, отразить все многообразие оттенков смысла проявляется в использовании переоценки и недооценки в редакции на ситуацию.

В работе "Язык английской аристократии: социально-исторический аспект" Т. А. Ивушкина отмечает: "Пожалуй, одним из самых интересных и одновременно сложных вопросов, связанных с речью англичанина, является свойственная ему заниженная или завышенная реакция на ситуацию (understatement and overstatement). Как показывают исторические материалы, эта черта отмечалась еще у англо-саксов, которые были искусными рассказчиками. По-видимому, отсутствие письменных и, наоборот, богатые высокоразвитые устные традиции способствовали оригинальному

выражению мыслей и, в конечном счете, появлению в речи переоценки и недооценки в высказывании" (Т. А. Ивушкина, 1997; 68).

Широкое использование завышенной оценки в реакции на ситуацию может быть связано с психологическими характеристиками, выделенными Ричардом Левином в книге "Background To Victorian Literature". Автор утверждает, что образ аристократа, который всегда ассоциировался с авторитетом в обществе, во многом поддерживался искусством "драматизации" элитой своего образа жизни:

The social function of aristocracy has always included the art of putting on a show, of dramatizing the way of life. (R. A. Levine, 1967: 220).

Естественно, потребность в подобном самоутверждении, основанном на повышенной эмоциональности, эксцентричности, было типичным далеко не для всех представителей знати. Однако можно предположить, что исключительность социального положения многих аристократов, яркость и насыщенность их жизни отражались и в речи, что проявлялось в частом использовании переоценки.

Т.А. Ивушкина отмечает: "Это свойство зачастую определяет словарь аристократа, отличающийся на фоне нейтрального (un-marked) английского обилием глаголов, прилагательных, наречий, передающих высшую степень интенсивности" (Т. А. Ивушкина, 1997: 70).

Приведем примеры создания переоценки при помощи наречий: really, prettily, naturally, remarkably, quite, excessively, incalculably, remarkably, extremely, immensely в письмах леди Холланд (1); наречий wonderfully, greatly, exceedingly, perfectly, prettily в письмах лорда Сеймура (2); наречий quite, tremendously, extraordinarily, enormously; метафор и метонимии Tower of strength, showers of invitations, musical lights в письмах Мэри Глэдстоун (3); наречий quite, desperately в письмах Уэллингтона (4); наречий truly, excessively в письмах леди Пальмерстон (5); наречий perfectly, greatly, exceedingly, превосходной формы прилагательного (most agreeable) в письмах Маколи (6):

1.

1) Louisa looked, they say, **really very pretty**, & thank God!

2) The Queen, Papa described, as being **so prettily and naturally pleased**.

3) Bulwer is **remarkably conversant** with Franca, its politics & intrigues, & **quite steady** enough to make this Govt. feel satisfied he will do well in the event of Ld G's absence, an event **quite desirable** for his health for a few weeks, tho' he is afraid in the present posture of affairs it would not be right to ask.

1) She laughed, & was **excessively merry**.

2) In short, it is a bad, unlucky affair; & the loss of Mr. Wood **incalculably mischievous**.

3) I have got acquainted with a **very remarkably clever, distinguished** woman, reckoned by many **extremely handsome**, Ly C. Guest, nobly born, married to

an **immensely rich** man, who wanted what the Spaniards call Sangre Azul, & gave her wealth which she wanted.

2.

- 1) /.../ Lady Cowley and her Lord were **exceedingly obliged** to us, and so all is well over.
- 2) Not that we have had at all a severe winter; on the contrary, we have got through it **wonderfully well**; but running after summer and always finding it sounds very pleasant.
- 3) Charley is **pretty well**, and means to ask leave to come to England for a few weeks in May.

3.

- 1) Edward (Wickham) is a **perfect Tower of Strength** in his unflagging confidence and belief in Papa's course throughout.
- 2) Mr. Stanford and Mr. Cobb and other **musical lights** were present and thro' them I got an inv. to the Rehearsal yesterday morn.
- 3) We have had **showers of invitations** from all parts, but steadily refuse everything.
- 4) Oh, how he loves it, and I was **enormously struck**, my breath **quite taken away** by its size.
- 5) Yes, it is an **extraordinarily different** result to what I expected, and it all seems to have settled down so naturally.
- 6) It was so delightful at Cambridge having Mr. Sidgwick so **tremendously keen...**

4.

- 1) "Lord and Lady Derby came here yesterday notwithstanding that the day was so **desperately unfavourable.**"
- 2) "The weather beautiful, **quite warm**, not a drop of rain."
- 3) "They are **quite distinct** from the Fountain with which you are acquainted in which there is a spring of pure water!"

5.

- 1) We have had Snapdragon and all sorts every night, and next Friday is to have a child's Ball of all the children and the gentry of the neighborhood - it will be quite a grand affair, and I hope gay, which is better..."
- 2) "The great sight was truly beautiful both in the Hall and Abbey, perhaps more from the brilliancy of the Spectators than from the sight itself..."
- 3) I found every place was to be applied for and that the King reckoned it as a Compliment; so, as he has been so excessively courteous to me lately, I was glad to pay him a compliment also."

6.

- 1) "I own that I **dislike** the prospect of the journey home through France **exceedingly.**"
- 2) "But I am **perfectly content** to pass a life of literature."

- 3) "If, however, I could be seated in the House of Commons as the representative of your noble city, I should be in the very situation which, of all situations, would be **most agreeable** to my feelings."

Рассмотрим особенности употребления недооценки. Т. А. Ивушкина упоминает в своем исследовании статью Болла (W.J. Ball. 'Understatement and Overstatement In English'), в которой используются материалы работы Анн Лорэн (Anne Laurene 'Britain Is No Island', 1967) и словаря Фаулера (Modern English Usage, 1940).

Анн Лорэн характеризует недооценку как систему модерации (a code of moderation) и особую черту речи аристократии: "What distinguishes them (i.e. Colonel blimp and the perfect gentleman) from their ancestors and "the common folk" is the importance attached to character, or at least what they regard as such: deep stoicism, and an inclination to underestimate the issue" (Ball, 1970: 210).

Болл предпринимает попытку классификации недооценки и отмечает, что она имеет место в случае:

- 1) смущения ("it is a sign of embarrassment");
- 2) беспокойства, волнения ("to conceal anxiety");
- 3) обиды ("to avoid offence. It is a compromise between good manners and truthfulness.") (Ball, 1970: 211)

Характеристика недооценки, данная Боллом, имеет общие черты с выводами Акселя Хьюблера ('Understatements And Hedges In English'), который считает, что недооценка, являясь непрямой стратегией ограничения содержания высказывания (manipulative non-direct sentence strategies of saying less than one means), возникает, когда становится важным аспект эмоционального соответствия предложения ситуации общения. Автор таким образом определяет цели различных типов недооценки: «Their aim is to make sentences more acceptable and thus to increase their chance of ratification by the hearer» (A. Hubler, 1983: 75).

Хьюблер ссылается на исследование Гоффмана, который в качестве ключевого понятия теории социопсихологического взаимодействия использует понятие face, тесно связанное с социальным статусом: "Face is an image of self delineated in terms of approved social attributes - albeit an image that others may share, as when a person makes a good showing for his profession or religion by making a good showing for himself". (E. Goffman 'Interaction Ritual', 1967: 50).

Хьюблер утверждает, что средства недооценки являются "стратегиями деинтенсификации", помогающими избежать "угрозы репутации" (loss of face): "To minimize the threat to the face we have a special language strategy which is to use certain modifying devices, e.g. understatements, irony, etc. " (A. Hubler, 1983: 75).

Теория Хьюблера и Гоффмана, безусловно, имеет большое значение для изучения явлений, связанных с заниженной реакцией на ситуацию. Однако мы полагаем, что рассмотрение недооценки только как "защиты" не является достаточным при изучении речи аристократии, одной из важнейших черт

которой является отсутствие категоричности. Последнее выступает как категория коммуникативной компетенции, то есть принятого в социальной группе кода общения: "The aesthetic virtues of good courtly-genteel prose are not forcefulness /.../ It values self-control above rapture, grace above power". (Mc Intosh, 1986: 138).

Приведем примеры использования недооценки в письмах. Заниженная реакция на ситуацию - недооценка – выражена с помощью наречия *rather*, сочетаний *not a little*, *a sort of*, синтаксическим способом (при помощи многоточия) в письмах леди Холланд (1); сочетанием с фразой *in some degree*, сочетанием с наречием *tolerably*, многоточием в письмах Уэллингтона (2); двойным отрицанием, сочетанием с *somewhat* в корреспонденции Дизраэли (3); прибавлением *almost* в письмах Маколи (4):

1.

- 1) We are still closely pursued by reporters - the noble army as Spencer calls them, but they are **rather short – winded**, so we can usually tire them out...
- 2) She was bet. Freddy and Papa had **a sort of stroke** the moment they sat down.
- 3) Does not let down his leg over the Cornmarket and altogether cheered me **not a little**, dear boy.
- 4) The whole scene very distressing for all; at first the struggles to speak, the powerlessness of getting doctors and relations, and then the crowd of them, many fr. Marlboro House in their fine clothes. Papa and Mama feel it very much ...

2.

- 1)"Everybody requires me to meet because I am an individual **in some degree elevated**, but they forget that they treat me worse than the Costermonger's donkey."
- 2)"The morning was very fine indeed and has been this morning..."
- 3)"I judge that Haris was **tolerably quiet**."

3.

"I have not been generally a pessimist, but am by nature **somewhat too sanguine**."

4.

"I am forced to be there **almost without permission**: for so few members are left that we are in constant danger of being counted out."

Мы установили, что в письмах преобладает переоценка, что, как мы полагаем, можно объяснить соотношением особенностей жанра частного послания и стратегии переоценки и недооценки.

Дружеское письмо, являясь одним из интимных жанров, предполагает открытость, свободное выражение эмоций. Употребление оценочных прилагательных в сочетаниях как с завышенной, так и с заниженной оценкой, является важным экспрессивным средством, участвующим в формировании

речи аристократии. Следует отметить, что переоценка, направленная на "оценочный всплеск", более характерна для писем, чем недооценка, "впитывание" эмоций, направленное как на устранение возможных коммуникативных препятствий, так и на сохранение правил определенного кода общения.

3.2.5. Социальная самодостаточность в речи аристократии.

Рассмотрение социальных различий в языке требует раскрытия психологических особенностей межгрупповых отношений. В статье "Education, Ideology, And Class/Sex Identity", из сборника 'Language And Power' (1989), Ноэль Биссере отмечает, что отношения, основанные на власти, существуют между группами, если зависимая группа подчинена системе экономических, политических, юридических и идеологических ограничений доминирующей группы "уникальных индивидуумов". Именно последняя обладает целостностью, которая находит свое отражение в социальном дискурсе:

In social discourse the dominated are defined (collectively) as incomplete, while the dominant are singularized and defined as the incarnation of achieved human nature. (Noelle Bissere Moreau, 1989: 46)

Таким образом, индивидуальность представителя доминирующей группы противопоставляется безликой людской "массе": "Dominant speech certainly assigns each one her or his place, but only the dominant individuals have the place of singular beings, and apart from the collection of unique individuals to which they belong, only masses of undifferentiated elements are distinguished: "The people" or "Blacks" or "women". (Noelle Bissere Moreau, 1989: 47)

Английская аристократия XIX века, с одной стороны, является коллективом со строгими правилами внутригруппового общения и этикетными нормами. С другой стороны, каждый представитель элиты имеет право на самовыражение и независимый взгляд на жизнь. Возможно, в данном случае "целостность" эквивалентна "самодостаточности": наличие общего для высших классов морального кодекса с многовековой историей позволяет, тем не менее, каждому аристократу иметь свою культурную нишу, свое мнение, свои пристрастия. В XIX веке многие представители среднего класса игнорировали театр, и то, что они испытывали искреннее презрение к этому важному культурному явлению, кажется маловероятным. Скорее всего, это было типичным проявлением "стадного чувства", боязни противопоставить свою точку зрения мнению большинства.

Ноэль Биссере отмечает, что для представителей подчиненной, или зависимой группы, типично указание на свое социальное происхождение в разговоре. Автор приводит примеры из речи школьников, принадлежащих этой социальной группе:

"I 'm from a very working – class background ",
 "My family is very, very simple".

Представители доминирующих социальных групп избегают темы, связанной с их социальным происхождением за исключением тех случаев, когда эта информация требуется в разговоре, затрагивающем историю их жизни.

Основываясь на рассуждениях Биссере, можно предположить, что указание на чью-либо принадлежность к иной социальной группе является проявлением социального неравенства в языке.

Приведем примеры из писем, показывающие "обезличивание" доминирующей социальной группы:

1. The public are quite satisfied the Queen is going to be married. (Lady Holland). В данном случае понятие "общественность" нейтрально с точки зрения оценки, однако чувствуется, что автор явно не причисляет себя к данной категории, констатируя мнение большинства.

2. Left Dublin at 9.30 amidst cheering and the warmest farewells from the crowds that came to see us off. (Mary Gladstone)

3. Now he ought to be impressed that, with the Mob, he can never be as popular as Sir F. Burdett and Hobhouse who will say and do anything, and that therefore his line is the respectable people, and that he is very likely to lose them as he says things to gain **the rabble** with whom he will never be a first object, while Sir F. Burdett and Hobhouse remain, particularly, - now the latter, is the Martyr of the cause of liberty. (Lady Palmerston)

4. Even the Mob and Spectators hooted away after she had been refused at every door and had walked thro' the mob with only Ly Anne Hamilton and jostled by all **the lowest rabble**. (Lady Palmerston).

Образ толпы, присутствующий в письмах Мэри Глэдстоун и леди Пальмерстон, трактуется авторами по-разному. Существительное "the crowds" в примере 2 используется в значении "простой люд" и не имеет отрицательного оттенка, в то время как "the mob, the rabble" в примерах 3, 4 передают отрицательное отношение к безликой, шумной, неуправляемой толпе.

Интересен тот факт, что в последнем примере автор разделяет толпу (the mob) и зрителей (the Spectators), которые, по всей видимости, являются представителями светского общества. Подобные "оговорки" статусного плана наблюдаются и в письмах других авторов. Например, в одном из своих писем Уэллингтон, описывая сопровождавшую его группу людей (the party), уточняет, что в ее состав входят леди и джентльмены безупречного вида: "There was **a party**, about as many as three or four hundred well dressed people, Ladies and Gentlemen, who rode the whole way with my carriage".

Итак, в речи аристократии, несомненно, существуют стратегии создания межклассовых барьеров. Но каким же образом сами аристократы именуют "группу уникальных индивидуумов", чтобы не обезличить самих себя?

Кроме понятия "party" существуют такие термины, как "society world, assemblage" и др., в которых изначально заложен светский аристократический оттенок. В качестве социального маркера выступает как само ключевое понятие, так и контекстуальная информация. Например, в предложении из письма леди Холланд "All **the world** is at Ascot." важным в

социальном плане является как понятие *the world*, так и название ипподрома Ascot - места проведения популярных в аристократической среде скачек.

Выводы к §3.2.

Лексические особенности писем английской аристократии XIX века указывают как на функции высших классов в Викторианской Англии, так и на историческую перспективу развития правящей элиты.

Несомненно важным классовым индикатором в письмах является политическая лексика, отражающая приоритетное направление деятельности аристократии – политику.

Многочисленные французские вношения, характеризующие речь аристократии, свидетельствуют о том, что французский язык был важным компонентом социолекта английской знати, которая, несмотря ни на какие сложности в отношениях между Англией и Францией, продолжала следовать французским традициям как в светской жизни, так и в речи.

Абстрактные существительные отражают историко-культурную перспективу развития высших классов. В основе аристократической речи лежал особый социолект, связанный с характерными для феодального общества отношениями подчинения, выраженными рядом абстрактных понятий, таких, как honor, favor, will, interest, pleasure и т.д. Таким образом, в речи аристократии со времен Средневековья были заложены абстрактные термины, отражающие особенности внутригруппового общения и связанные с ним ритуально-этикетные традиции.

С другой стороны, использование абстрактных понятий было обусловлено продолжением в письмах XIX века литературной традиции писем предыдущего столетия, доминантой в тематической структуре которых были вопросы, связанные с философией, этикой, эстетикой.

Образцы «придворной прозы» свидетельствуют о том, что соотношение абстрактных существительных и оценочных прилагательных было примерно одинаковым в речи высших классов времен Средневековья. Эта тенденция характерна и для дальнейшего развития аристократической речи.

В XIX веке традиции эпистолярной литературы XVIII века, основанные на внимании к внешним и внутренним качествам человека, находят свое отражение в использовании большого количества оценочных прилагательных как с мелиоративной, так и с пейоративной коннотацией.

Переоценка, направленная на открытое выражение эмоций автора, на наш взгляд, связана с драматизацией аристократом своего образа жизни, с желанием показать в речи все многообразие чувств и эмоций.

Следует отметить, что примеры недооценки, также являющейся типичной чертой аристократической речи, полностью снимающей категоричность в речи, не столь многочисленны в письмах. Это можно объяснить спецификой интимно-дружеского письма, которое предполагает открытость выражения эмоций, а не их сдерживание.

В ходе анализа лексических особенностей писем мы приходим к выводу, что в речи аристократии существовали специальные стратегии

разграничения людей по классовым признакам. Например, простой люд мог называться «толпой» (the crowds, the mob, etc.), а представители высших классов – «обществом»(the society, the party).

§3.3. Грамматические и синтаксические особенности писем.

3.3.1. Грамматические особенности.

Викторианская эпоха была крайне противоречивым в плане развития языка периодом, что объяснялось противостоянием двух течений: консервативного, сторонники которого считали необходимым соблюдение классических канонов XVIII века, и романтического, поддерживавшего естественные процессы функционирования языка.

Грамматика стала достоянием представителей практически всех социальных групп, и автор "Грамматики английского языка" (1823) Коббетт отмечал, что его труд предназначен для "школ, для молодежи в целом, но, в основном, для солдат, моряков, подмастерьев и пахарей". То, что данное пособие адресовано такому широкому кругу читателей, автор объясняет следующим образом: *Royalty has, in the hour of need no efficient supporters but the People*" (G. McKnight, 1968: 496).

Научные взгляды Коббетта отличает зависимость от аналогий, а не опора на естественные процессы, происходящие в языке. К примеру, он утверждает, что выражения *very honest* и *extremely just* являются неправильными, поскольку "один человек не может быть в большей степени честным, чем другой". Коббетт считает необходимым отказ от неправильных глаголов и предоставляет читателю список исправленных глагольных форм. Вот некоторые из них: *blowed, bursted, casted, clinged, drawed, freezed, growed* и т.д.

Среди работ прескриптивистов особенно выделяется энциклопедический труд Гулда Брауна *'The Grammar Of English Grammars'* (1851), в котором рассматривается широкий круг грамматических теорий, причем основой авторского рассуждения служит следующее изречение Куинтилиана: *"Language is established by reason, antiquity, authority, and custom."*

Однако, несмотря на убежденность автора в необходимости объективного взгляда на развитие языка, Браун подвергает критике язык английских писателей-классиков, ученых, в том числе доктора Джонсона и коллег-грамматистов Блэра, Мэррея и Киркхэма, а также находит синтаксические ошибки в английской Библии.

Таким образом, можно утверждать, что противоречивость взглядов приверженцев предписательной грамматики была причиной огромного внимания к вопросам теории и игнорирования практики.

Внимание викторианцев к вопросам грамматики было во многом связано с новым отношением к языку. "Правильность" речи рассматривалась как важнейший элемент социального статуса. Как утверждал Раскин, *"a false accent, or a mistaken syllable, is enough, in the parliament of any civilized nation, to assign to a man a certain degree of inferior standing forever"*. (G. McKnight, 1968: 501).

В XIX веке прескриптивизм был тесно связан с процессом

стандартизации, у истоков которого находится возникновение в элите общества "эксклюзивной" разновидности языка.

Обязательными условиями стандартизации являются закрепление и канонизация языковых черт. Таким образом, существуют два противоположных направления: развитие, обогащение нормы и необходимость сочетать обогащение с "закреплением". На стыке этих тенденций и возникает кодификация, которая характеризуется существенной долей оценки, оправдывающей или наоборот порицающей определенный вариант. Этот социолингвистический процесс Лейт характеризует в книге 'A Social History Of English' следующим образом: "The arguments for justifying one variant in preference to another are often arbitrary, irrational and inconsistent. This is because variants are associated, inevitably, with particular social groups; and certain social groups are felt to be more worthy of emulation than others." (D.Leith, 1983: 47).

Критерий стандарта определяется, в первую очередь, работами ученых и писателей. Вторая половина XVIII века была отмечена развитием грамматической кодификации. Благодаря ее "рекомендательному характеру" некоторые формы назывались правильными, другие клеймились как "вульгарные".

С начала XIX века "правильное" произношение стало классовым признаком, что отражалось в возникновении платных школ, в которых учили «кодифицированному» произношению. В этих школах основа ('East Midland' лондонских высших классов) потеряла свою региональную окраску и превратилась в классовый диалект, признак самой влиятельной социальной группы. Сейчас этот диалект известен как RP, где Received означает socially accepted in best circles.

Стандартная разновидность языка ассоциируется с властью в обществе, источником которой на протяжении всего периода стандартизации был капитал. К XIX веку промышленная система позволяла хозяевам заводов получать прибыль, достаточную для закрепления в обществе. Но капитал не означает положение в высшем обществе. Новоявленным богачам было крайне необходимо вступить в круги знати, и стандарты "правильной" речи рассматривались как одно из средств достижения этой цели.

Исследования в Англии и США показывают, что наиболее обеспокоенными правильностью речи являются представители среднего класса. Неопределенность социального положения означает неуверенность в "правильности" речи. В начале XIX века категорией англичан, неуверенных в собственном статусе, были промышленники. Именно они нуждались в особом "эксклюзивном" варианте языка. Использование кодифицированного стандарта означало отделение от низших слоев общества, речь которых отличала "неправильная" грамматика и "неправильное" произношение. Лейт отмечает: "Codification could be said to have become a weapon of what the codifiers had done, ultimately, was to propose and cultivate a code of linguistic

forms which were in some degree different from those in use among the vast majority of population. By analysing "correct" usage in terms that only a tiny minority of educated people could command, the codifiers ensured that correctness remained the preserve of an elite. The usage of most people was wrong, precisely because it was the usage of the majority. " (D.Leith, 1983: 50).

Несмотря на авторитет многих представителей прескриптивного направления в грамматике, им так и не удалось разрешить многие существовавшие в языке противоречия, и многие образованнейшие писатели-викторианцы не следовали их правилам, поскольку игнорировали их. К примеру, в произведениях Джейн Остин встречаются образцы речи, типичные для XVIII века, но не соответствовавшие правилам грамматики XIX века, например, несогласованность в числе ("Miss B's attention and opinion **was** evidently his chief aim", "...used **to these sort** of things"), не соответствующие нормам грамматики формы глаголов (**leant** for **leaned**, **bid** for **bade**, **broke** for **broken**, **drank** for **drunk**) (G. McKnight, 1968: 505).

Выражения с грамматическими ошибками были типичным явлением для частных писем и дневников англичан, речь которых в официальных ситуациях была безупречной. Вот некоторые отрывки из писем Джозефа Спенса, профессора поэзии в Оксфордском университете: "We always fall a laughing"; "we had an extreme hard winter here"; "otters... were excellent good"; "a box ... in which the storks build a great nest and sit very comfortably in it", "some of the brass-work is mighty neat". (McIntosh, 1986: 104)

По всей видимости, данная ситуация связана с совмещением двух социолектов – "профессионального», безупречно правильного, и «аристократического», культивируемого в кругу аристократии. Одинаковые «ошибки» в речи разных представителей аристократии подтверждают это. На «грамматические» особенности речи представителей высших классов указывает и Филлипс в книге *Language and Class in Victorian England*.

Письма аристократов, однако, отличает отсутствие грамматических неточностей, несмотря на то, что интимный жанр дружеского письма допускает определенную неформальность общения.

Архаизмы также не считались типичным для речи высших классов явлением. Единственным примером архаизма, обнаруженным в исследуемых эпистолярных текстах, является "отрицание времен Елизаветы" - леди Холланд использует его в письме от 26 мая 1840 года: "I **know not** which of the two deserters remarked with some compunction that it certainly was unlucky their two votes decided the question against the Ministers."

Аристократическое мировоззрение, несомненно, оказывало влияние на грамматические особенности речи. Мы предполагаем, что психологические характеристики аристократа выражаются в отношении к действию. В своем исследовании Ноэль Биссере отмечает, что смена социального референта, вызываемая переходом от социальной к рыночной модели общества, означала то, что аристократия, которую исторически можно определить как "коллектив", уступила главенствующую позицию "группе личных

интересов". Лингвистически это выразалось перемещением акцента с "действия" на субъекта действия: подлежащее "я" стало центром иерархической организации.

Таким образом, можно утверждать, что выделение действия в речи является важной чертой самосознания аристократа, для которого действие исторически ассоциируется с выполнением божественной воли: "...there was a transference of power from one social group - the nobility ideologically defined as **collectivity** whose practices incarnated a will of a transcendent object, God - to another social group - the bourgeoisie, defined as a sum of **individual** wills, acting on their own behalf over the world and over men. " (Noelle Bissret Moreau, 1989: 44).

Использование сочетания инфинитива, выражающего само действие, и основного глагола, который показывает "ритуальную основу" действия, является одной из черт "придворной" прозы, наряду с абстрактными понятиями, ассоциирующимися с внутригрупповыми отношениями в аристократическом обществе.

Макинтош выделяет этот признак, противопоставляя "простое действие" вышеупомянутой модели, которая, по словам автора, несет в себе особую вежливость. Примеры взяты из пьесы Ричардсона "Кларисса":

Lovelace on the fourth day he **thought fit** on the fourth inquired in person, day to make in person the same inquiries.

My father hopes you to be /my/ father...**is willing** to hope all obedience ...you to be all obedience.

My father hinted to Mr. My father **was pleased** to hint

My mother told me /My mother/ **was so good** as to tell me.

You will write frequently What a generosity **will it be** in you, to write as frequently from friendship as I.

(McIntosh, 1986: 125)

Использование подобных сочетаний связано, вероятно, с желанием автора показать связь действительности с внутренним миром человека, обогатить действия разными смысловыми оттенками, которые имеют отношение к мотивации.

Очевидно, что широкое использование инфинитивных конструкций было типичным для речи аристократии. В своем исследовании "Language And Classes In Victorian England" Филлипс утверждает, что использование перфектного инфинитива ассоциируется с языком литературных произведений XVIII века и может считаться классовым индикатором в речи: "It was a refinement in writing and also in speech, judging by the dialogue of the novels, to continue an idiom that had been frequent in the XVIII century and which was especially common, for example, in Fanny Burney this was the use of perfect infinitive /.../ it is obsolescent usage once again, but also something of a class-indicator. " (K.C.Phillips, 1984: 96).

Приведем примеры:

- 1) The latter really pains me **to have fallen off**. (Lady Holland)
- 2) She **was to have gone** to the German Opera, but very properly did not; even if her own state of mind could have been doing so. (Lady Holland)
- 3) Rode him to the wild boar, and he **was to have been** the second horse next day. (Lady Seymour)
- 4) Except for this fatigue he seems **to have enjoyed** his visit. (Lord Seymour)
- 5) I can conceive many conscientious votes **to have been given** on the distinction between belief and proof. (Lady Jerningham)
- 6) You are right, he was delighted **to have heard** that Major Jones had apologized! (Wellington)

Другой не менее важной особенностью социолекта аристократии, по мнению Филлипса, является использование настоящего времени для выражения действия в будущем: "The effect of this tense in many similar contents in Victorian times is likewise authoritative and dispositional, and suggesting the organized life of the upper classes". (К.С. Phillips, 1984: 100)

Согласно правилам современной грамматики, этот вариант использования настоящего времени характерен для документов, отражающих фиксированную последовательность действий – например, расписаний. Возможно, особенность использования настоящего времени в письмах заключается в том, что автор рассматривает действие в будущем как событие, в вероятности которого не приходится сомневаться. Очевидно, что эта форма придает повествованию некую формальность. Приведем примеры: The D. of Devonshire **gives** a morning affair at Chiswick on the Wednesday. (Lady Holland)

The young Coburg **arrives** on Saturday. (Lady Holland)

They are now at Windsor, & **go** on Tuesday to Paris, where his sound head & knowledge is required. (Lady Holland)

On Saturday Garibaldi **dines** with Palmerston, who asked all the Cabinet Ministers and their wives to meet him. (Lord Seymour).

In the evening various other friends **look in**. (Mary Gladstone).

They **dine** here tonight, and the Great Dinner comes off tomorrow. (Mary Gladstone).

He then **joins us**. (Countess Granville).

Как показывает исследование, речь аристократии отличается высокой модальностью. О.В. Александрова утверждает в книге "Проблемы экспрессивного синтаксиса", что модальность "отражает отношение говорящего к содержанию высказывания и действительности" (О.В. Александрова, 1984: 56).

Наиболее распространенными проявлениями модальности в письмах являются модальные глаголы (1), модальные выражения (to be to, to have to + Inf.) (2), и сослагательное наклонение (3). Приведем примеры использования модальных глаголов:

1.

- 1) I **cannot** quite bear the anxiety about Morpeth's election. I **cannot** bear his being whatever he wishes to be /.../ (Lady Granville)
- 2) You **cannot** write to me so often; but you **must not** regulate your communications with reference to my replies. (Disraeli).
- 3) I take it, however, that there will be a fight in Bulgaria which I thought **might** have been avoided, and that **may** settle something (Disraeli).
- 4) As for their affairs, I **can't** make head or tail of them. (Disraeli).
- 5) I have only just got it, so **cannot**, if ever I **should**, judge of its merits. (Lady Holland).
- 6) You **should** see them going up a mountain, driving a drag /.../ (Mary Gladstone).

Модальные глаголы отражают различные эмоциональные состояния авторов, и в большинстве случаев объединяющим их мотивом является выражение мнения. В примере 1.1, взятом из письма леди Грэнвилль, повторяющееся сочетание модального глагола can с глаголом to bear и в первом предложении прибавление наречия quite отражает негативное отношение автора к участию Морпета в выборах, а также передает напряженное состояние леди Грэнвилль.

Авторитет аристократа во многом передается выражением собственного мнения, отражением своей личной независимой точки зрения. Модальность - одно из важнейших средств достижения этой цели.

Приведем примеры, иллюстрирующие употребление модальных выражений:

2.

- 1) He **is to be** Ch. of the Ex., too, great tremendous work, but I feel he will do it as none else could (Mary Gladstone).
- 2) He **is to be** Ld. Granville's, however, and Nevy to Mr.Childrens'.
- 3) I have seen a good deal of Ed. and Alfred, **am to walk** this afternoon with the former /.../ (Mary Gladstone).
- 4) It **is to be** in Ed's rooms as A's are too small. We **are to meet** Hallam Tennyson, O.B., Frank and Gerald ... (Mary Gladstone).
- 5) I **am to go** to the Drawing Room on Friday. (Mary Gladstone).
- 6) And I wandered in the great Library and, now, that **is to be sold** (Disraeli).
- 7) Alter the "gala" audience, as it is called, I **had to pay a visit** to the Crown Princess at her own palace /.../ (Disraeli).
- 8) The little Princess **is to be Xtened** by Alice Maud Mary; the latter name because she was born on the Dss of Gloucester's birthday. (Disraeli).
- 9) He has taken Ld. Carrington's house in Belgrave Square for the new married couple, who **are to be married** on 15th or 16th. (Lady Palmerstone)
- 10) For this he **is to receive** five hundred thousand livres. (Lady Palmerstone)

Как показывают примеры, наиболее часто используются модальные выражения *to be + Infinitive*. Вероятно, они передают отношения, основанные на долженствовании – ведь, как известно, жизнь аристократии была подчинена строгому порядку. Примеры из писем Мэри Глэдстоун, леди Холланд и Дизраэли показывают, что в аристократическом мире не было места неопределенности и каждый действовал по строго установленным правилам.

Сослагательное наклонение – важный компонент речи авторов писем. Как отмечает Филлипс, именно эта черта была характерной для "образованной" речи XIX века: *In correct writing and even in speech, there was a tendency for the subjunctive to be used more frequently than today. "Had" in the sense of "would have" and "were" in the sense of "would be" were both common, even in main clauses, where they are obsolescent today.* (K.C.Phillips, 1984: 110) Очевидно, что сослагательное наклонение – черта речи, основанной на аналитическом подходе к действительности, на желании сопоставить все аспекты сложившейся ситуации и прийти к определенным выводам.

Приведем примеры:

- 1) *If this should be lost, it will be nearly fatal.* (Lady Holland)
- 2) *If the weather ever mends he will rally, & if he gives up Castle Howard for the winter, may enjoy much comfort still.* (Lady Holland)
- 3) *Were he not already so well judged by all men, he might be seriously dangerous.* (Lady Holland)
- 4) *However, I have been very well amused, I must say, and if fear of not taking the present opportunity (which may not recur) of seeing everything did not oblige me to rather weary myself, I should be still better amused.* (W.Gladstone)
- 5) *I should not have troubled you my Dear Charlotte, with this letter, had I known where Ned had been, or if Fanny was not at Bodney.* (Lady Jerningham)
- 6) *If the Jury see enough to lead them to 'believe' the accused to be guilty, but think the 'proof' not quite conclusive, they pronounce their decision not in the otherwise more usual form, even in that country, of 'not guilty' but substitute the words 'not proven'.*
- 7) *Lady Howick also was absent; had she been at hand, it would have been prevented.* (Lady Holland)
- 8) *Ld. Carlisle says he could have supplied much matter, had the editor applied to him, not only letters but curious anecdotes of G. Selwin himself.* (Lady Holland)
- 9) *If I hadn't been in office I could not have paid it. If I had been beaten at the election I would not have paid it.* (Macaulay)
- 10) *If I had known when I first agreed to stand, that they would have played me such a trick I would not have consented to stand.*(Macaulay)
- 11) *And if I could only face the scene which would occur at Head Quarters if I resigned, I would do so at once; but I never could bear scenes and have no pluck for occasion.* (Disraeli)

12)The arrangements made here for the reception of the Queen were as good as I have known anywhere, and would have been magnificent if the weather had not been so bad! (Wellington)

Обратимся к исследованию Бернстайна, противопоставлявшего особенности народного языка (public language) и формального языка (formal language), связанные с использованием безличных местоимений в качестве подлежащих.

Автор считает, что "one" в данном случае предполагает некое обобщение и выход субъекта за рамки непосредственного личного опыта: "The use of the pronoun "one" as subject implies the objectivation of the experience which is verbalized. The subject is made general and so from the confines of a personal experience. " (B.Bernstein, 1973: 44)

Безличность – знак особого отношения к реальности и важный аспект возможностей языка: "One" also indicates an attitude to the relationships which confront the individual. In a special sense it involves a reaching beyond the immediate experience, a transcending of the personal, and brings the individual into a particular relationship with objects and persons. Impersonality becomes an important aspect of the possibilities flowing from the language." (B.Bernstein, 1973: 44-45)

Бернстайн отмечает, что в народном языке, отражающем непосредственный личный опыт, происходит локализация социальных отношений, и, соответственно, говорящий останавливает свой выбор на местоимениях 'we' & 'you', а не на безличном местоимении 'one'.

Использование 'one' в качестве подлежащего, вероятно, связано с желанием рассмотреть жизненную ситуацию под новым углом зрения, проанализировать ее как бы "со стороны ". Это явление можно охарактеризовать как движение от "абстрактного" к "личному" опыту.

One is half inclined to believe this ugly postage, which is so inconvenient on many accounts, is likely to be a failure but at present it maintains its popularity, altho' the financial part is very deficient. (Lady Holland)

Isn't it dreadful to think of beginning all over again, cards and parties and things, it makes me sick to think of, but I suppose **one** ought not to let those sort of things weigh at all. (Mary Gladstone)

Nora said we all 3 looked as if we were screaming, and indeed **one** felt inclined to. (Mary Gladstone)

Adams' "Private Thoughts" **one** likes better and better. There are parts that **one** cannot, but these always redeemed by something so true, so feeling, so practical. (Countess Granville)

Таким образом, можно утверждать, что к основным грамматическим особенностям рассмотренных писем относится, во-первых, использование инфинитивов (в том числе перфектных), позволяющих авторам придавать новые оттенки действиям, показывать в динамике событийно насыщенную жизнь аристократии.

Употребление формы настоящего времени для выражения действия в будущем вносит в письма оттенок официальности и, вероятно, отражает строгий распорядок жизни элиты.

Одной из характерных особенностей аристократической речи является высокая степень модальности, выражаемая модальными глаголами, сочетаниями и сослагательным наклонением. Эта черта ассоциируется как с выражением оценки и эмоционального состояния, так и авторитетом автора. Именно свобода в выражении мнения является, на наш взгляд, одной из основ миропонимания и авторитета высших классов.

Использование безличного местоимения **one** в качестве подлежащего предполагает не только более абстрактный уровень размышлений, но, как нам кажется, и иное социальное значение - выражение мнения определенной группы людей, от имени которой выступает автор.

3.3.2. Синтаксические особенности.

Правила кодификации XVIII - XIX веков отражали развитие языка и изменения во взглядах на определенные явления в обществе. Несмотря на противоречивость выводов многих исследователей, разрабатывавших правила грамматики, появление исследований прескриптивистов имело большое значение для английского общества. Кодификация, основанная на поддержке и отрицании языковых вариантов, была своего рода "социальным заказом", направленным на поддержание статуса определенной социальной группы. К примеру, как следует из исследования Ханта "Syntax Of The English Language", соблюдение правил синтаксиса рассматривается как один из элементов "добропорядочности".

(Syntax) is a thing which marks the education of a person young or old; without which the pretence to gentility is revolting, and with which the person in humble life is tolerable, if not interesting. (L.H.Hunt, 1823)

Основное направление развития английского предложения со времен Средневековья отражалось в наличии двух противоположных тенденций в языке: литературной и разговорной.

В XVI веке устойчивое предложение, построенное по принципу антитезы, часто с использованием метрического ритма, заменило аморфное по структуре предложение, характерное для Средних веков. Например, сборник молитв 1549 года отличают структурный баланс и преобладание сложноподчиненных предложений с четкими границами: "Almightye God, whiche doest see that we haue no power of oureselues to help oureselues; kepe thou us both outwardly in oure bodies, and inwardly in oure soules, that we maye be defended, from all aduersities whiche may happen to the body, and from all euell thoughtes whiche maye assault ana hurte the soule. " (R.Trouch 'English Past And Present', 1983:40)

Стиль, в основе которого лежит антитеза, проявляется и в литературе времен Елизаветы, однако в рамках менее устойчивой и более громоздкой синтаксической структуры. Эффектные противопоставления отличают и афористичную прозу Фрэнсиса Бэкона: "The Perpetuity by Generation is common to Beasts; But Memory, Merit, and Noble workes are proper to Men: And surely to a Man shall see, the Noblest workes and Foundations, haue proceeded from Childlesse Men; which haue sought to expresse the Images of their Minds; where those of their Bodies haue failed: So the care of Posterity, is most in them, that haue no Posterity."

Типичным для риторической прозы XVII века было сложноподчиненное предложение со сложной структурой, отражающей аналитическую языковую модель, типичную для латинского и греческого языков. Однако, несмотря на внушительность, предложения такого типа неустойчивы, поскольку состоят из большого количества придаточных предложений. Приведем пример из "Areopagitica" Милтона:

"First, when a City shall be as it were besieg'd and blockt about, her navigative river infested, inrodes and incursions round, defiance and battel oft rumor'd to be marching up ev'n to her walls and suburb trenches, that then the people, or the greater part, more than at other times, wholly tak'n up with the study or highest and most important matters to be reform'd, should be disputing, reasoning, reading, inventing, discoursing, ev'n to a rarity, and admiration, things not before discourst or writt'n of, argues first a singular good will, contentednesse and confidence in your prudent foresight and safe government, Lords and Commons; and well grounded contempt of their enemies, as if there were no small number of as great spirits among us, as his was, who when Rome was nigh besieg'd by Hanibal, being in the City, bought that piece of ground at no cheap rate, whereon Hanibal himself encamped his own regiment /.../" (G.Vallins. 'The Patterns Of English', 1966: 104)

Джордж Валлинз отмечает, что в XVII веке произошло слияние литературного и разговорного стилей, что послужило основой ("нейтральной") для создания современной английской прозы, родоначальником которой является Драйден. Автор приводит мнение профессора Сэинтсбери, который считает стиль Драйдена уникальным слиянием литературного и современного разговорного языка: "discovery of the secret of adjusting the style of prose-writing to that of well-bred and modern conversation" (G.Vallins, 1966: 106).

Таким образом, этот процесс привел к появлению "нейтрального стиля" (middle style), который, однако, с трудом приживался в письмах аристократии. Громоздкие предложения с большим количеством придаточных предложений и вводных фраз были скорее правилом, чем исключением в 1820 году, когда было написано письмо леди Расселл. Приведем в качестве примера предложение, выполняющее роль зачина и вводящее адресата в тематическое пространство послания: "These are the pleasing moments, in absence my dearest blessing, either to read something from you or be writing something to you; yet I never do it but I am touched with a sensible regret, that I cannot pour out in words which my heart is so big with, which is more just to your dear self (in a passionate return of love and gratitude) than I can tell you; but it is not my talent; and so I hope not a necessary signification of the truth of it; at least not thought so by you." (R.Russel, 'Some Account Of The Life Of Rachael Wriothesley Lady Russel', 1820: 150)

Несомненно, данное предложение, являясь частью рамки письма, выполняет важную коммуникативную функцию – своей тяжеловесностью подчеркивает близость к «придворной» прозе.

Одной из важнейших синтаксических особенностей речи представителей высших классов XIX века, как показывают эпистолярные тексты, является большое количество вводных слов и выражений. Это свидетельствует, на наш взгляд, прежде всего об авторитете автора. Социальный статус аристократии ассоциируется со свободой выражения мнения, компетентностью в широком круге вопросов.

Часто употребляются такие внесения-предложения, как *I believe, I should say, I suppose, I think*, которые помогают автору преподнести свою точку зрения.

К следующей категории относятся вводные слова и выражения, связанные со структурной и логической организацией повествования, например, *however, by the way*.

Важную роль в эпистолярных текстах играют вводные слова и предложения, которые указывают на общность интересов коммуникантов, как например, *between ourselves*. Такие выражения создают атмосферу непринужденности, характерную для дружеского письма.

Приведем примеры употребления вводных слов и выражений в письмах Дизраэли (1): *however, indeed, I should say, in this case, at least, I think, I understand*; леди Пальмерстон (2): *I believe, I suppose, as you may suppose, by the way, as Mde de Lieven says, I am told, I think*; Уэллингтона (3): *I hope, I believe*; Уильяма Глэдстоуна (4): *I fear, I suppose*; Маколи (5): *as you know, between ourselves*.

Таким образом, преобладают вводные выражения, передающие отношение автора к описываемым событиям. Приведем примеры:

1. 1) The hall is, **I think**, too large for business. At least, no one's voice except my own was, **I understand**, heard. (Disraeli)

2) **In this case, however**, there was business to be done; a conference with lord Lyons on the eve of his return to Paris where what may happen God, or rather Satan, only knows; and much talk with Lord Odo about Bismarck and his possible doings, who might figure, **indeed**, as Satan himself. (Disraeli)

3) **However**, the visit was successfully carried through. (Disraeli)

4) **However**, he has now taken his position as the alert man of the Whig party - the most important, **I should say**, because besides ability, one must look to his other great qualities, /.../ (Disraeli)

2. 5) She thinks **I suppose** that Mystery adds to the weight of her Oracles. (Lady Palmerston)

6) **I believe** she forced herself upon him at the drawing room yesterday. (Lady Palmerston).

7) **By the way** I must tell you the history of it. (Lady Palmerston)

8) Leopold, /.../, **as Mde de Lieven says**, answered that he could not bear to part with anything which belonged to her. (Lady Palmerston)

9) The Ministers, **as you may suppose**, abuse us all mightily and say we court Ly Conyngham. (Lady Palmerston)

10) I have a little party on Thursday next and have invited them tho' **I think** him so odious, I hate his vulgar figure, medically proud, and, **I think**, ignorant. (Lady Palmerston)

11) **I am told** she is going to give another party. (Lady Palmerston)

3. 12) This is a most beautiful day; and **I hope** will be beneficial to the country. (Wellington)

13) The journey to London was, as all Rail Road journeys are, **I believe**, very tedious and irregular. (Wellington)

14) I agree with you in deploring the weak, inconsequent, ill sustained action of the French Government with regard to this question: which it may, **I fear**, be too late to retrieve. (W. Gladstone)

4. 15) Such an abundance of power, such an excess of beauty, **hardly ever I suppose**, have appeared in conjunction with some latent defect or peculiarity /.../ (W. Gladstone)

5. 16) At present I have, **as you know**, nothing. (Macaulay)

17) **Between ourselves** I would willingly shorten the season of haranguing and parading. (Macaulay)

Интересно сочетание различных регистров речи, которое проявляется в сосуществовании различных синтаксических моделей. Основой дружеского письма является реализация коммуникативной специфики естественного повседневного общения. Это наделяет письмо элементами разговорной речи, одним из которых является эллипсис. Объяснение этому могут служить два фактора. Во-первых, общение корреспондентов происходит, несомненно, в рамках единого контекста, и "понимание с полуслова" является частью коммуникативной компетенции. Во-вторых, наличие культурных традиций социальной группы. Такие примеры эллипсиса, как *returned at... /went to ...* напоминают выдержки из дневниковых записей. Можно предположить, что представители знати, привыкшие к конспектированию заседаний в Парламенте, а также к ежедневным записям в личных дневниках (это было очень популярно), старались излагать свою мысль сжато и лаконично. Двумя видами эллипсиса, которые преобладают в рассмотренных письмах, являются эллипсис местоимения (1) и эллипсис глагола-связки (2). Сравнительно немногочисленную группу представляет эллипсис глагола (3). Приведем примеры:

1.

Accordingly Ld.U. was determined to be in time for the catastrophe, & selected Ld. Harewood, Ly Portman's father, to impart the intelligence: said when she had died, & gave a very detailed report of the surgeon's post mortem examination & made a dying speech for Lady Flora against the Queen! (Lady Holland)

She has learnt the Welsh language & translated an ancient poem of romantic chivalry into English. (Lady Holland)

It was an unlucky affair; & is one among the many instances of the mischief of writing instead of speaking. (Lady Holland)

He is quite overset by it, but says he must have hanged himself had he not followed Ld Howick.

If the weather ever mends he will rally, & if he gives up Castle Howard for the winter, may enjoy much comfort still. (Lady Holland)

She is in good spirits, but looks very pale, showing visibly her interesting condition. (Lady Holland)

Caroline writes word she has been very ill indeed, but is better now, that, however, she has not much time for her book in consequence, and has lost the Christmas sale. (Lady Seymour)

Anchored in a bay off Pomona Island, the chief of the Orkney Islands. (Lady Seymour)

Went off to bed in a glow. (Mary Gladstone)

He can't say yet about Macbeth, but will let you know. (Mary Gladstone)

Also sees quite sufficient cause for the change of tone in the change of circs. (Mary Gladstone)

Flew home and dressed, out again for 5'45 dinner at "The Bard's" /.../ (Mary Gladstone)

We have had showers of invitations, but steadily refuse everything. (Mary Gladstone)

At length I have succeeded a compromise, and am to follow them on Easter Monday for the final week's work. (Mary Gladstone).

Drove off ventre a ' terre with latter to Argyll Lodge, and ran in to Mr. B. J.'s to see His lovely girl's picture. (Mary Gladstone)

This was a morning call and was very agreeable. (Disraeli)

Ly Holland you know is always a boutonnee and will never tell who has told her a thing. (Lady Palmerston)

Returned to Town as you see and also this morning from Court, and tonight we are going to a party at Carleton House, and Ld Cowper went to the Levee yesterday, so you see we are quite Courtiers. (Lady Palmerston)

She is delicate but has a good nurse, and will I hope gain strength. (Jerningham)

He is now in it, but told Edward he Could no more enjoy Himself there. (Jerningham)

I got myself carried to him yesterday; he is in good spirits and I hope to have a good account of him this evening. (Jerningham)

He is in the hands of Prince de Croui's doctor, to whom I was desirous to speak, so took my resolution to be carried to yr. sons who I found much better than I expected. (Jerningham)

I am going to my Wedding and shall return to Walmer Castle this afternoon. (Wellington)

The day is delightful and the sight beautiful. (Wellington)

The weather beautiful, quite warm, not a drop of rain. (Wellington)

2.

The attorney – General very fat. /.../ The House very empty on the Govt side. (Lady Holland)

The forest is magnificent, and the ground excellent for riding. (Lady Seymour)

Nose (Mr Grove) very much to the fore last week, and R. Browning, whom I liked less than ever. (Mary Gladstone)

Now, he is a giant, his face ruddy, his locks and head silvery – white, and enormously stout; on the whole, however, a very effective appearance. (Disraeli)

The etiquette very stiff and the attendance striking from the splendor of costumes and so on. (Disraeli)

Lady Coley is very ill and lord Fitzgerald likely to come if Peel Can prevail upon him. (Harriet Granville)

The Queen in a muslin frock, all fineness, with her beautiful baby - a little low, but very proper in her conduct. (Harriet Granville).

The play was admirably acted by – Leonato, Georgy in an under cap of Granville's with tow whiskers, beard, side curls and a large silk dressing gown; Don Pedro, Freddy well got up in his own shirt–sleeves, my scarfs, and a long feather in a silk hat; Claudio, Heneage; Benedict, Planket, both in short silk mantles; Hero, Georgy again, white veil and natural flowers; Ursula, Freddy again, perfectly well dressed, the image of Georgiana Wortley; Bea rice, Miss Raikes, beautifully dressed. (Lady Granville)

The Fullertons with us. (Lady Granville)

Mme. de Salvo, nee Claxton, about eight and twenty, lovely, refined, full of talent, sense and goodness. (Lady Granville)

Sunday's service paused thus; Middleton sitting quite shy and afraid all the time bound down with a book on one knee; the other, with a book also but kneeling at every proper part and exactly like one of us, saying before he enter'd 'I wish I had brought my own book,' but this sub rose, as it might get him into scrape. (Lady Jerningham)

3.

All went off very well; Lady Levenson acted perfectly; Nell likewise, and the mom pretty well; Charley admirably. (Lady Seymour)

I could write much more, but I must to D., Susy and Levenson. (Mary Gladstone)

The audience sat in clover. Granville in his arm chair. Doctor Verity and I in perfect ecstasies on each side. Fullerton perched high above us. Mr. and Mrs. Gene, Mile. Josephine, Mr. Muller, Mrs. Hayes forming the mass of the audience.

Приведем также два отрывка из писем Мэри Глэдстоун и леди Пальмерстон, иллюстрирующих модели употребления эллипсиса и вводных слов и выражений:

Left Dublin at 9'30 amidst cheering and the warmest farewells from the crowds that came to see us off. Soon found we were in for a rough journey. The wind got very high and the waves increased as we got further from Ireland. Sat for an hour enjoying it much on the paddle box, invigorated by the 'rushing seas and bounding breeze', conversing with the nice Captain, who had the cares of my getting wet. (Mary Gladstone)

I hope if he ever comes to England you will be kind to him, for he has never been most kind and obliging to me here, with his horses and services in the field, for he never comes out in society, and is not much disliked - as he very grumpy; but you may like him, as he is tres - instruit, and has just written a book to be published in a week, which we shall all have to read, and, I fear, is dull and profound. (Lady Palmerston)

Тенденция упрощения синтаксиса - не общая закономерность языковой картины рассмотренных эпистолярных текстов, а лишь часть ее. Эллипсис, незаконченные предложения, короткие предложения, которые начинаются с междометий (например, "Oh, how he loves it, and I was enormously struck /.../ (Mary Gladstone), существуют в том же стилистическом формате, что и предложения со сложной, даже порой запутанной, синтаксической структурой.

"Тяжеловесность" синтаксиса передается в среде аристократии от столетия к столетию, хотя в XIX веке и не проявляется в речи всех без исключения авторов. Одним из факторов, определивших развитие и сохранение усложненной синтаксической структуры, было наследие творческой элиты предыдущих эпох.

Авторы "литературных" писем XVIII века уделяют особое внимание вопросам, связанным с психологией и философией, что требует особого риторического строения речи. Сложность синтаксической структуры в текстах-размышлениях должна выделять этапы оформления мысли, и авторы XVIII века используют параллельные придаточные предложения, расставляющие логические акценты. Приведем пример из письма лорда Коупера, написанного 10 февраля 1784 года:

"For this difference, however, that has obtained between me and my ancestors, I am indebted to the luxurious practices and enfeebling self-indulgence of a long line of grand-sires, who, from generation to generation, have been employed in deteriorating the breed; till at last the collected effects of all their follies have entered in my punny self: a man indeed, but not in the image of those that went before me; a man who sigh and groan, who wear out life in dejection and oppression of spirits, and who never think of the aborigines of the country to which I belong, without wishing that I had been born among them."

Размышление, связанное в XVIII веке с культурными и философскими вопросами, в XIX веке часто носит политический характер, отражая динамику развития изменяющегося английского общества. Бурные политические дебаты, разногласия между политическими деятелями вносят в письма риторические фигуры, типичные для публичных выступлений. Приведем в качестве примера отрывок из письма лорда Клэрндона (1841), отличающийся публицистической окраской и большим объемом. Как и отрывок из письма Коупера, он строится на параллелизме, только в основе его структуры лежит повторение не союза, а целой фразы (**When we remember**). Параллелизм явно нацелен на более эффективное воздействие на собеседника с целью убеждения, и, несмотря на свое внешнее сходство с прозой XVI-XVII веков (это впечатление усиливает и архаичность точки с запятой, разделяющей части предложения), он имеет четко выверенную структуру и логику:

"**When we remember** the way they flocked together to accuse Lord Melbourne of direct encouragement of socialism by allowing Mr. Owen to put his - Lord M.'s - name on a card when he went to the levee a charge in which, if I

mistake not, the Duke of Wellington did not think it beneath him to join; **when we remember** the Bishop of Exeter's speeches, and subsequently his motion respecting some Socialist being a registrar of births and deaths at Birmingham, which lie contended, as did the other bishops, was an admission of sympathy on the part of the government with those doctrines; **when we remember** the speeches over and over again repeated by the Bishop of London against the encouragement given to idolatry by the government by not at once reversing and reforming the policy of all preceding administrations - **when we remember** all this, and much more, that might be cited, and reflect upon the course the bishops pursued upon the illegible proclamations, we are inevitably led to the conclusion that their charity, their religion and their principles are manifested only as their pockets direct. "

Важную роль в синтаксическом оформлении речи играет использование соединительных частиц. Оливия Смит в своей работе приводит точку зрения исследователей XIX века Хэрриса и Монбоддо, которые выделяют черты конкретной (примитивной) языковой модели и обобщенной, типичной для интеллектуальной элиты. Важной чертой последней, помимо использования абстрактных слов, является употребление предлогов, союзов и соединительных наречий (particles). По мнению Хэрриса, они не обладают самостоятельными значениями и служат для передачи универсальных отношений! Монбоддо, Блэр и Беаттио считали частицы величайшим достижением языка: "This part of speech is the most artificial and complex of any, and is justly esteemed the glory of the grammatical art. " (O. Smith, 'The Politics Of Language', 1984: 82).

Использование большого числа соединительных частиц в речи является признаком того, что говорящий независим от материального мира и отражает мир идей. Хью Блэр следующим образом характеризует значение соединительных частиц: "The more that any nation is improved by science, and the more perfect their language becomes, we may naturally expect, that it will abound more with connective particles; expressing relations of things, and transitions of thought, which had escaped a grosser view. " (O. Smith, 1984: 83)

Бернштейн также отмечает, что союзы являются важными распределителями смысла и структурообразующими элементами в предложении. Простая синтаксическая структура и опора на ограниченное число союзов, например, and, so, then, because, свойственные народному языку, не способствуют точности логических заключений: "Because of a simple sentence construction, and the fact that a public language does not permit the use of conjunctions which serve as important logical distributors of meaning and sequence, a public language will be one in which logical modification and stress can be only crudely rendered linguistically. /.../ Of equal importance, the reliance on a small group of conjunctions /.../ often means that a wrong conjunction is used or an approximate term is constantly substituted for a more exact logical distinction. " (B. Bernstein, 1973: 47)

Таким образом, многообразие союзов, вносящих различные оттенки смысла в предложение, и, соответственно, в текст, имеет социальное

значение, о чем свидетельствуют исследования лингвистов XIX - XX веков. Нашей задачей является подтверждение предположения о том, что "аристократическая" речь опирается на широкий спектр союзов. Как показывают примеры, авторы используют различные типы союзов, и стратегии их применения варьируются в зависимости от контекста. В примере 7 леди Сеймур, стараясь в одном предложении описать и охарактеризовать ряд явлений, выстраивает предложение при помощи простых союзов *if, for, but, as, which*, что позволяет четко показать последовательность ее мыслей. Простые союзы и их сочетания также используются в предложениях, приведенных в примерах 2, 6, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21.

Интерес представляют сочетания различных типов союзов в рамках одного предложения. Составные союзы нередко используются вместе с простыми, как показывают примеры 3 (*no sooner than, and*), 4 (*as soon as, so-as, и or*), 19 (*as long as, that, and, since, but*).

Используются также сочетания собирательных и простых союзов, о чем свидетельствуют примеры 5 (*although, as*), 9 (*considering, which, but*), 12 (*whatever, for, and*), и сочетания на основе собирательных союзов с формой причастия - пример 20 (*notwithstanding – that*).

Приведем примеры:

1. **No sooner** the Govt are out of one scrape, but another arises.
2. Ld Hd was very unfit to partake of the festivities, **as** he is overcome with one of his dreadful choaking colds & cough; **so**; after fairly seeing her Majesty established in the concert room, he came away. (Lady Holland)
3. The moment we reached the place we began to fish; and I had **no sooner** thrown a fly - **and** badly enough I threw it - **than** I caught a salmon.
4. **As soon** as I arrived there hoping to see the works, I was told the Corporation of the town wished to present me an address; so we hurried into a little room; and there the Corporation, **or so many as** could get in; came; and the Town Clerk read an address to the Admiralty.
5. First; **as** being the only thing I was not sure you would like me to do; **although** I undertook an automaton part; confining myself to sitting in the background playing cards at a table with Leveson as Joseph Surface.
6. I managed him very well; there is nothing to franchise in these hunts; not even a ditch; **though** both my horses could jump.
7. I hope **if** he ever comes to England you will be kind to him, **for** he has been most kind and obliging to me here, with his horses and services in the field; **for** he never comes out in society; and is not much liked - indeed; is disliked - **as** he is very grumpy; **but** you may like him; **as** he is tres-instruit; **and** has just written a book to be published in a week; **which** we shall all have to read; and, I fear, is dull and profound. (Lord & Lady Seymour)
8. Perhaps I might have said No, too, **before** I had been to Coollatin; but certainly they as a family require nothing beyond each other - falling in love I don't quite count. (Mary Gladstone).

9. I did not speak at all to my satisfaction, **which** I rarely do - **but considering** I had a bad asthma and it was two o'clock in ye morn; I must be content...
10. For instance, I found on my arrival a basket bouquet; **so** large, that it almost covered the table, from Potsdam and in its interior a strawberry bed environed with flowers . (Disraeli)
11. Ld Cowper is still in London dividing away **and** I doubt not talking nonsense, as I know he is acting foolishly, for he writes me word he has been to see the Queen. What folly - and what a preposterous act judges going to see the accused **before** they have pronounced their judgement..
12. Now this was absurd; **for whatever** Ly Hertford was to the King, Ly Conyngham is, **and** it is nonsense to try and make a distinction because the former was her relation. (Lady Palmerston)
13. It is just ten years this Easter, my dear Friend, **since** I took the Sacrament for the first time /.../
14. The poor Comte de Lannoy did not Look formerly **as if** He would have had such a Lengthened period as 91. (Jerningham)
15. I find **that** I understand the Bible better than I ever did before, that I know much better what I am not and what I ought to be, that the subject interests and occupies me deeply, whilst I am employed on it.
16. Robert Verity always comes back to dinner with the Paris news, and Freddy, George Stewart, or Fullerton generally go there in the course of the morning, **so that** notes, letters, and parcels are always arriving.
17. I had my roar out, **which** did me good. (Harriet Granville).
18. He had been quaking in his shoes **lest** I should bring the officer to trial before a General Court Martial; knowing well that the consequences would be a censure upon himself.
19. **As long as** the Duke of Cambridge was Ranger, **and since** his Death, nobody ever thought of wanting Police in the Parks; but now that I am Ranger, everybody has discovered that they cannot walk or take the air in security.
20. Lord and Lady Derby came here yesterday **notwithstanding that** the day was so desperately unfavourable.
21. I have made all the necessary calculations with the aid of the most experienced and judicious advisers: **and** I am satisfied that it will be in my power to live, as I ought to live, in splendour in Calcutta **while** I retain my office, to support my family in comfort during the absence, **and** to return to England **before** I am forty with a fortune of thirty thousand pounds, honorably gained. (Macaulay)

Синтаксические особенности " образованной" речи, а именно - структуру предложения и использование союзов, - наглядно демонстрирует Макинтош на исправлениях в дневниках мореплавателя Джеймса Кука, которые делает лингвист и его близкий друг Джонсон Хоксворт. Для сопоставления последний приводит как «оригинальный», так и «исправленный» вариант.

Приведем примеры:

1. Предложения с "размытой" структурой (*Loose sentences*):

<i>Cook</i>	<i>Hawkesworth</i>
It is indifferently well watered even in the dry seasons, with small Brooks and springs, but no great Rivers unless it be in the wet Season when the low lands and Vallies near the Sea I do suppose are mostly laid under water; the small brooks may then become large Rivers but this can only happen with the Tropick.	It is well watered: we found innumerable small brooks and springs, but no great rivers; these brooks, however, probably become large in the rainy season.

(McIntosh, 1986: 105)

Вариант Хоксворта отличает лаконичность и четкое оформление мысли: структура предложения становится более компактной без союзной связки 'unless'. Хоксворт также вводит в предложение субъект действия (we found) и "перефразирует" придаточное предложение (but this can only happen in the Tropick) упоминанием "сезона дождей", объясняющим превращение ручьев в реки.

2. Использование *which* в качестве союза (*which as a conjunction*):

<i>Cook</i>	<i>Hawkesworth</i>
it is discovered before you are abreast of it which you cannot do in coming from the northward	discovered before the ship comes abreast of it; but from the northward it is not discovered soon.

(McIntosh, 1986: 107)

В данном случае Хоксворт избегает использования союза *which*, относящегося к событию в целом.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий изменения, внесенные Хоксвортом в записи Кука:

<i>Cook</i>	<i>Hawkesworth</i>
...one need hardly wish for a better was the Access to it from the Eastward less dangerous, but this difficulty will remain untill some better way is found out than the one we came, which no doubt may be done was it ever to	...better would not need to be desired, if the access to it, from the eastward, were less dangerous: that a less dangerous access may be discovered, I think there is little reason to doubt, and to find it little more seems to be necessary, than

become an object to be look'd...

to determine...

(McIntosh, 1986: 106)

Хоксворт употребляет современную форму сослагательного наклонения, образованного условным придаточным предложением с союзом *if*. Неопределенное понятие *difficulty* не употребляется, а "обыденное" *found* заменяется более "утонченным" *discovered*. Автор также не использует типичное для просторечия выражение *to come a way*, союз *which*, относящийся к событию в целом и утяжеляющее предложение сочетание "be done ... become ... be looked for."

Можно утверждать, что синтаксическая организация писем отражает особенности различных речевых уровней. XIX век является периодом окончательного оформления "нейтрального английского", и, как показывает работа Хоксворта, тяжеловесные сложноподчиненные предложения с множеством придаточных остаются в прошлом. Тенденция к упрощению синтаксиса связана также со спецификой интимно-дружеского письма, близкого к непосредственному общению, и проявляется, в частности, в использовании эллипсиса.

В письмах, однако, нередко проявляется и противоположная особенность – появление сложных по структуре риторических фигур, с большим количеством придаточных, вводных слов и предложений, типичных для философских размышлений и политических речей.

Выводы к §3.3

Викторианская эпоха была периодом, когда «правильность» речи стала считаться важным социальным фактором.

Анализ писем показывает, что речь представителей высших классов отличает полное отсутствие грамматических и синтаксических неточностей, образцов слэнга и архаизмов. Это можно объяснить как традициями аристократического образования, так и тем, что представители высших классов, независимые в культурном плане от других социальных групп, не следовали зачастую противоречивым установкам «прескриптивистов».

Исследование на материале писем подтверждает выводы К.С. Филлипса, который к основным грамматическим особенностям речи аристократии относит использование перфектного инфинитива, ассоциирующегося с языком литературы XVIII века, а также использование формы настоящего времени для выражения действия в будущем - черта, которая, на наш взгляд, позволяет рассматривать запланированное действие как событие, в вероятности которого не приходится сомневаться.

Высокая модальность речи аристократии, проявляющаяся в широком использовании модальных глаголов, выражений и сослагательного наклонения, ассоциируется с независимостью автора в выражении своей позиции и эмоционального состояния, с желанием тщательно

проанализировать ситуацию, изложить все возможные варианты интерпретации обсуждаемого вопроса.

Употребление безличного местоимения “one” в качестве подлежащего предполагает выход за рамки непосредственного личного опыта и отказ от локализации социальных отношений (В. Bernstein). Эта особенность речи аристократии свидетельствует как о способности абстрактно мыслить, так и о желании преподнести информацию с позиции определенной социальной группы людей, к которой относится автор.

Использование большого количества вводных слов и предложений, несомненно, связано как с оценочной направленностью речи, так и с желанием подчеркнуть общность интересов коммуникантов.

Основной синтаксической особенностью писем является сочетание «упрощенной» и «усложненной» синтаксических моделей. Интимно-дружеское письмо характеризуется реализацией коммуникативной специфики повседневного общения, что обуславливает такие черты, как эллипсис, незаконченные предложения.

Усложненный синтаксис, с другой стороны, связан с культурными традициями предыдущего столетия – литературным творчеством английской элиты XVIII века, уделявшей огромное значение размышлениям на философские и этические темы. Сложные синтаксические конструкции с большим количеством союзов также переходили в частные письма из публичных выступлений, которые являлись неотъемлемой частью политической жизни.

ГЛАВА 4. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПИСЕМ АРИСТОКРАТИИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ КЛАССОВ

Данная глава посвящена особенностям писем представителей двух социальных групп: аристократии и средних классов. В главе 3 мы уже рассматривали основные характеристики писем семьи Ловелл, связанные с выражением вертикального контекста, и хотелось бы остановиться на других. Следует отметить, что возможность изучения писем представителей средних классов является по-своему уникальной, поскольку публиковались, как правило, письма известных деятелей политики и культуры, а не послания рядовых англичан.

Изучение писем показывает насколько существенной была социокультурная разница между аристократией и представителями средних классов из-за глубоких различий в традициях общения и в функционировании речи в среде знати и среднего сословия. Мы не стараемся разработать единую систему сравнения для писем, поскольку это должно стать предметом отдельного исследования. Подход к письмам, авторы которых принадлежат к различным социальным группам, должен учитывать не только исторические и культурные перспективы развития общества, но и различия в мировосприятии представителей разных классов.

§ 4.1. Литературная проакцентуированность писем аристократии

Аристократическое общество и литература были на протяжении веков тесно связаны друг с другом. Произведения трубадуров, прославлявших "придворную любовь", были ориентированы исключительно на аристократию и верхушку купеческой элиты - тех, кто мог позволить себе дорогостоящую "игру". Правила этой "игры" (измена как ее неотъемлемая часть) были изложены в 1180 году священником Андреасом Капелланом в специальной пособии (*De Amore libri Tres, Andreae Capellani*). Кодекс "придворной любви", нашедший отражение в произведении Капеллана, полностью исключал возможность возникновения такого рода отношений среди представителей низших классов, "любовные" мотивы которых приравнивались к инстинктам лошади или мула (M. Schlauch, 1967: 123). Итак, аристократ постепенно превращается из грубого воина в "идеального любовника", героя произведений, посвященных прелестям утонченной придворной измены и поклонению знатной даме. Одновременно с этим превращением происходит оформление "галантной придворной прозы" (*Courtly-genteel prose*), особого социолекта, основанного на таких докоммерческих ценностях аристократического мира, как долг (*obligation*), честь (*honour*), служение (*service*), воля и интересы лорда (*will and interest*), милость (*favour*).

Любопытной особенностью развития этого лексического пласта в контексте "любовных отношений" является материализация части абстрактных понятий: lady's favour (милость леди) стало означать перчатку или шарф - предметы женского гардероба, дарение которых было знаком особого расположения, courtesy (любезность) означало преклонение колен и кивок головы, to make an honour (оказать честь) – поклон (McIntosh, 1986: 79).

Важнейшим литературным течением, отразившим аристократический мир, был рыцарский роман. Образ рыцаря был связан с идеализацией любовных отношений и таким статусным символом, как дуэль. Главный герой рыцарского романа XVII века, совмещавший в себе качества воина, дуэлянта и любовника, становится олицетворением кодекса аристократии вплоть до XVIII - XIX веков. Можно утверждать, что придворная проза не только олицетворяла образ жизни аристократа, но и являлась связующим звеном между литературными произведениями и реальной придворной жизнью. Отражение ценностей правящей элиты требовало от "галантной прозы" особой утонченности: "Exalted heroism and trebly idealized love, however, call for prose styles raised correspondingly high above the everyday norm; and so courtly-genteel mannerisms are relatively unobtrusive when incorporated into the spangled prose of chivalric romance. We are so dazzled by conceit, hyperbole, alliteration, and the rest of the poetic apparatus of these narratives, that courtly-genteel phraseology does not stand out." (Mc Intosh, 1986: 78)

Исторический путь аристократии неотделим от образования. Те времена, когда рукописные книги создавались специально для представителей знати, и период развития закрытых элитных школ разделяют столетия, однако остается неоспоримым тот факт, что правящие классы делают все возможное, чтобы достичь недоступного другим социальным группам уровня образования, и преуспевают в этом, по крайней мере до XX века. Высокий уровень образованности был духовным воплощением власти, одним из объединяющих элиту факторов.

Эпистолярное творчество, как и образование, было вплоть до Викторианской эпохи доступно только высшим классам - еще в средние века формируется жанр "светского письма" (Letters of High Friendship). В XIX веке представители практически всех социальных групп получили возможность заниматься эпистолярным творчеством, однако было бы ошибочным приравнивать опыт представителей разных классов в области эпистолярного жанра. Правящий класс, воспитанный на произведениях классической литературы, традициях французской эпистолярной школы, трудах просветителей, безусловно, находился на более высоком литературном уровне, чем подавляющее большинство представителей средних классов. Мы утверждаем, что главной особенностью писем аристократии XIX века, унаследованной от эпистолярных текстов предыдущего столетия, была **олитературенность**, компоненты которой мы постараемся выделить.

Являясь пограничным жанром, письмо чутко реагирует на литературные процессы в целом. На определенном этапе эволюции эстетических представлений, стилей и направлений письмо обретает способность проявлять свои "литературные качества", становится литературно **проакцентуированным** (С.Н.Кожевникова, 1996: 57). XVIII век стал периодом расцвета эпистолярной культуры, и письмо включается в систему литературных стилей благодаря публикациям эпистолярных сборников. Представляет интерес идеологическая основа этого процесса: происходит постепенный переход от просветительских идей к сентиментализму и предромантизму.

Эти течения не могли не сказаться на особенностях эпистолярия: доминантой в тематической структуре многих писем становятся вопросы, связанные с философией, религией, литературой. Важным компонентом письма становится размышление.

Письмо является по своей природе синтетическим жанром и позволяет варьирование элементов различных жанров - в зависимости от цели.

В XVIII веке **эссеистичность**, основанная на внимании к внутреннему миру человека, становится основной тенденцией развития письма. На частные письма оказал большое влияние литературный жанр "**характеров**" - популярных еще в XVII веке эссе, построенных на описании качеств людей. Рассмотренные письма XIX века, относящиеся к "переходному жанру", основанному на формах *Literature Intime* (дневниковых записях, путевых заметках и т.д.), показывают, что авторы-викторианцы были так же поглощены описанием людей и нравов, как и авторы XVIII века. В проанализированных письмах очень часто встречаются характеристики людей. Они органично вплетаются в ткань повествования, дополняя рассуждения, описания событий. Жанру "характеров" был близок освоенный Честерфилдом жанр "максим", который им определяется как "наблюдения над людьми и сущностью вещей". В письмах оба близких эссе жанра дополняют друг друга. Приведем примеры:

1. I have got acquainted with a very remarkably clever, distinguished woman, reckoned by many extremely handsome, Ly C. Guest, nobly born, married to an immensely rich man, who wanted what the Spaniards call Sangre Azul, & gave her wealth which she wanted. They seem perfectly happy; his riches are in Wales. She has learnt the Welsh language & translated an ancient poem of chivalry into English. I have only just got it, so cannot, if ever I should, judge of its merits. (Lady Holland)

Леди Холланд проявляет интерес как к материальной стороне брака (представленной супругом), так и к духовной, связанной с личностными качествами леди Гэст - ее высоким интеллектуальным уровнем и литературным талантом. Ключевыми элементами данной характеристики являются переоценочные сочетания прилагательных с наречиями, выступающими в качестве интенсификаторов.

2. It is so utterly unlike any other visit in the world - so free and unsmart and informal and comfortable – such wonderful simplicity and unselfishness in the middle of luxury... I never saw a prettier or finer character, golden all through... At Coollatin she lives a life as free as air, often out at 4 in the morning. They sleep on **straw** mattresses, and are as hardy as mountain birds. You should see them going up the mountain, driving the drag (Alice jumping on and off without even pulling up) or anything you like, and then her drawing and her music and reading and her poor people... (Mary Gladstone)

В письме Мэри Глэдстоун характеристика обитателей поместья Куллэтин дается через описание их образа жизни, который кажется автору чудесным из-за особой атмосферы чистоты и непосредственности. Восторженность автора передается с помощью абстрактных существительных *simplicity, unselfishness*, оценочных прилагательных *free, unsmart, informal, comfortable, wonderful*, сочетанием *never* с прилагательными в сравнительной степени (*never saw a prettier or finer character*), сочетаниями союза *as - as* с оценочными прилагательными, создающими образность (*as free as air, as hardy as mountain birds*).

Интересным является то, что для автора "простота" обретает свою прелесть только в обрамлении роскоши (*wonderful simplicity ... in the middle of luxury*).

3. The gem of the debate was Lord Lansdowne's speech the first night, which only proved how very deficient Gladstone is in his perception of character and knowledge of human nature – in not placing Lansdowne in the cabinet and offering him a subordinate office which he nearly declined. However, he has now taken his position as the alert man of the Whig party – the most important, I should say, because besides ability, one must look to his other great qualities, his rank, above all his name, and even superior to that - his youth. (Disraeli).

Описание качеств Лэнсдоуна происходит в контексте сложившейся политической ситуации. Дизраэли характеризует этого государственного деятеля как опосредованно (критикуя своего вечного оппонента Глэдстоуна), так и непосредственно, выделяя его положительные качества, среди которых, по мнению автора, социальное положение (*rank*), репутация (*name*) и молодость (*youth*) имеют такое же большое значение, как и деловые способности (*ability*).

Весомость аргументов автора подчеркивает сочетание прилагательного в превосходной форме (*the most important*) и вводного предложения (*I think*), а также использование безличного местоимения *one* в качестве подлежащего, позволяющее автору показать, что он ожидает уважительного отношения к Лэнсдоуну и от окружающих.

4. **Le meilleur enfant**, which does not mean **homme**, but I cannot persuade myself that he is not altered and that he will end by being a very good as he is a most captivating person. Such cleverness, **si fin, si simple**, without one grain of effort. What a receipt for being, as he is, quite charming! I am a little in love with him. (Lady Granville).

"Светский" оттенок данной характеристике придают французские внесения *le meilleur enfant, homme, si fin, si simple*. Эмоциональность автора подчеркивает сочетание переоценки (*most captivating, quite charming*) и недооценки (*a little in love*), а также восклицательное предложение.

5. Little tall fanny is arranged by Mrs. Lancaster (the famous milliner that came from Paris last summer) and looks very genteel. This is the accoutrement: Linen drawers, a white saracenet petticoat and a muslin frock, without starch lank, no pockets; she really looks genteel so. (Jerningham)

Данный отрывок из письма леди Дженингем показывает иронию автора по отношению к описываемому персонажу. Странное прозвище *Little Tall Fanny* и характеризующее стиль одежды французское слово *accoutrement* (смешной, нелепый наряд) позволяют считать, что дважды употребленное определение *genteel*, имеющее в аристократической среде исключительно положительную коннотацию, в данном случае употребляется для создания иронического эффекта.

6. Mme. De Salvo, nee Claxton, about eight and twenty, lovely, refined, full of talent, sense and goodness. (Lady Granville)

7. You have heard of Sir David Baird, - a brave officer, but a rough imperious and intractable man. (Maccauley)

Отрывки из писем леди Грэнвиль (6) и Маколи (7) объединяет лаконичность, которая, тем не менее, не делает характеристики менее исчерпывающими. Хэрриет Грэнвиль дает информацию как о возрасте и внешних данных, так и о чертах характера мадам де Сальво, используя прилагательные (*refined, lovely*) и абстрактные понятия (*talent, sense, goodness*). Характеристика Дэвида Байрда построена на противопоставлении личностных качеств офицера: храбрости, непредсказуемости и грубости.

Маколи использует оценочные прилагательные *brave, rough, imperious, intractable*.

Важной особенностью дружеских писем является синтез элементов различных жанров и функциональных стилей. В XIX веке это особенно заметно, так как письмо становится более многотемным, и каждый компонент тематической структуры отличает использование определенных экспрессивных средств.

Можно утверждать, что гипертемой большинства писем является политическая жизнь, и каждый автор по-своему подходит к ее освещению в письмах. Например, письма лорда Сеймура своей жене Джорджии отличает стилистическая нейтральность, а в письме ее брату Бринсли наблюдается неожиданный эмоциональный всплеск, проблематика и риторическое выражение которого явно свойственны публицистическому стилю. Вероятно, в данном случае играет решающую роль фактор адресата: автор не хочет озадачивать свою жену подробностями политической жизни. Приведем пример:

8. The political affairs are uncomfortable - revenue declining to a certain deficit; workmen striking; production diminishing; distress increasing; foreign affairs

hopelessly perplexing; Turkey will become a dependency of Russia, and we shall be laughed at: the Cape asking for troops, and Sir Bartle Frere urging the Government to help. Happy Ministers of a happy country! (Seymour)

Эллипсис глагола–связки в однотипных коротких предложениях создает отрывистость, резкость, передающую эмоциональное напряжение. Размышления о неустойчивой политической ситуации дополняет саркастическое восклицание (Happy Ministers of a happy country!).

9. Villiers had a stomach complaint and keeps his room. Tom Duncombe has had a touch of cholera, but is now "odious pert" again. Lord John Russel has left off his wig: but his hair is still thin, and the crown of his head is as bold as doll's. Don Pedro sends us no news. The Germans are all together by the ears. Lord Nugent is going to the Ionian Islands, as soon as a ship has been built large enough to carry him out. I recommend that the vessel which is to bring us Cleopatra's needle from Egypt should carry his lordship to Corfu. I should think that the machinery which will raise an obelisk of ninety feet long might be sufficient to embark and disembark even the portly form of a Grenville. Lord Henniker is dead. A man has been drowned in the Thames, and them as drowned him is to be hanged. This, I think, is all the news. (Macaulay)

Зарисовка из письма Маколи, также относящаяся к политической жизни, имеет иной характер, чем принадлежащий перу Сеймура отрывок, и ассоциируется с жанром фельетонов. Это - трагикомичный скетч, который отличает скачкообразная смена тем и персонажей. Наблюдения за политиками касаются как их физического состояния (например, болезней – a stomach complaint, a touch of cholera), так и их внешних данных (отсутствие волос на голове Джона Рассела или грузность лорда Ньюджента, для транспортировки которого автор предлагает использовать специальное оборудование). Тема смерти неожиданно вплетается в наблюдения автора, однако не оставляет грустного осадка: рассказывая об утопленнике, Маколи явно имитирует "простонародную" речь, создавая таким образом комический эффект (...and them as drowned him is to be hanged).

10. Soon after 'a ship in distress' was the cry, and we had to turn out of our course and dance round for an hour or so, a pitiable object, an American merchant vessel with 4 or 5 men only on board, her masts gone, the sails flapping helplessly in the wind or dragging in the water. The men refused to leave her, so we steamed off, leaving her to the mercies of another steamer wh.. luckily came on the scene. All this time the tossing was so violent we cd. scarcely sit, still less stand, and the waves dashing over the deck, we were at last forced to shelter, wh.. immediately 'brought on a fatal result./.../ I passed these wretched hours in analysing my sensations. At the moment the ship goes away from underneath you, leaving yr. inside behind you, there is literally nothing on earth that could compensate, and life is simply not worth having. (Mary Gladstone)

В отрывке из письма Мэри Глэдстоун, повествующем о морском путешествии во время шторма, происходит переход от внешних факторов, к которым относятся разбитое судно, качка, волны, захлестывающие палубу, к

внутренним переживаниям автора - ощущению безысходности, потерянности. Ключевыми понятиями отрывка, передающими эмоциональное состояние автора, являются прилагательные *pitiable*, *violent*, *fatal*, *wretched*.

Одним из признаков "олитературности" писем является также введение в повествование диалогов, позволяющих автору достоверно показать развитие ситуации и, в некоторых случаях, предоставить читателю возможность самому сделать выводы. Приведем примеры из писем Мэри Глэдстоун (10) и леди Дженингем (11):

11. It was very exciting yesterday, a telegram came at luncheon from Windsor, "Be at home at 3.30 ", and accordingly at that time in came Ld. H. and Ld.G. and presently Papa's door opened and he just looked in and said "I am sent for". Mama asked what she could do. "Pray", he said, and then we wafted him off to Paddington and telegraphed to Agnes, Herbert, Helen, and Stepby.... Just now in pranced Ld. Halifax, "Thank God, thank God, This Govt. is out" (Mary Gladstone).

12. They all asked me who she was, I said: Miss Sulyard, of Suffolk, of an ancient family. The Queen said: "But I want to see your own daughter, what can she be doing always in the Country ?" I said that in this moment you were Lying in of a Son. - "Well, that is very well, but I want to see her here." (Jerningham).

Диалоги показывают многоплановость описываемой ситуации: подтекст, мнения и реакции различных людей. Большую роль в повествовании играет отражение эмоциональной атмосферы и отношений между участниками событий.

Одним из проявлений культурной жизни аристократии в эпистолярных текстах является литературная тема, которая, по мнению Кожевниковой (1996: 104), придает письмам литературный характер. Как правило, эта тема выражается в письмах в виде цитат или элементов литературной критики. Приведем примеры из писем Хьюберта Дженингема (12) и леди Холланд (13):

12) Do you sufficiently value the gifts of Nature? She who deals to the generality of persons with so reluctant and sparing a hand, seems to have forgot her avaricious disposition when she moulded you – Thompson, who felt grateful for the favors he had received from this Lady's hand, says in his **Castle of Indolence** -

"I care not, Fortune, what you me deny.
You cannot rob me of free Nature's grace,
You cannot shut the windows of the sky,
Thro' which Aurora shews her bright'ning face,
You cannot Bar my constant feet to Trace
The woods and Lawns, by living stream at Eve,
Of Fancy season, virtue, naught can me bereave."

/.../ I will set you a poetical pennance: read, on some calm melancholy morning, about a hundred Lines in his **Autumn**, it is in the middle of the poem - The words beginning with these words –

"The pale descending year &" -
 down to this line -
 "Or is this gloom too much- "
 (Jerningham).

Отрывок свидетельствует о том, что литература оказывала большое влияние на мировоззрение аристократии. Цитаты из литературных произведений нередко дополняли рассуждения автора, как в данном случае отрывок из стихотворения Томпсона. Можно утверждать, что цитаты как в эпистолярном дискурсе, так и в живой речи являются важными компонентами коммуникативной компетенции, своеобразным "паролем", благодаря которому зачастую поддерживалось внутригрупповое общение.

13. The book I sent, upon Ld Carlisle approval of it has disgusted me much. The editor in his biographical links has given a most abominable view of the character of Mr Fox, under the spacious hypocrisy of the moral cant of the day. All that is derogatory and false is said, a few sugared words to cover the base, insidious falsehoods. Ld C. had not read this volume, & will be as much disgusted as I am. Indeed he is not overpleased by what is said of his father, whose memory might have been spared the revival of the Byron differences & other matters of levity, not very pleasant for his descendants. However, these are points of less importance than the slander on Mr.Fox. I quite regret having sent you the book, or given a site towards its success. (Holland).

Оценка литературных произведений - один из наиболее распространенных вариантов развития "литературной темы" в письмах аристократии. В приведенном отрывке леди Холланд выражает свое негативное отношение к вышедшей в свет биографии Чарльза Джеймса Фокса при помощи прилагательных с пейоративной коннотацией (most abominable, derogatory, false, sugared в значении "слащавый") и существительных, отражающих лживость и лицемерие книги (slander, hypocrisy, cant, falsehoods).

Известно, что аристократ проявлял независимость в вопросах, связанных с литературой и искусством. Культурные ограничения Викторианской эпохи, основанные на неприятии классических произведений и театра, никак не влияли на культурные ценности представителей высших классов. Вероятно, оценка литературных произведений была одним из слагаемых социокультурного самовыражения элиты общества, важной частью светского общения.

Можно утверждать, что, несмотря на изменения в эпистолярном церемониале, вызванные социокультурными особенностями Викторианской эпохи, частные послания представителей высших классов XIX века во многом продолжают традиции "литературы писем" XVIII века, о чем свидетельствует присутствие в эпистолярных текстах "характеров", "максим", жанровых сцен, цитат и литературных рецензий. Отраженное в письмах мировосприятие было во многом обусловлено ритуальным

мышлением, основанном на внимании к внешним и внутренним качествам человека.

Слияние "характеров" и "максим" проявляется в сочетании прямых и непрямых характеристик. Часто автор описывает окружение, образ жизни человека, противопоставляет личностные и деловые качества различных персонажей. Нередко описания лаконичны и сводятся к перечислению качеств человека, однако это не делает их менее исчерпывающими и экспрессивными, чем развернутые характеристики. Следует отметить, что закономерности употребления тех или иных видов характеристик вывести практически невозможно: мозаичность письма позволяет автору варьировать жанровые и стилистические характеристики в рамках отдельно взятого эпистолярного текста. "Характеры" и "максимы" связаны, безусловно, с самооценкой автора, с выражением авторитета аристократа в речи. Выражение мнения - это, в первую очередь, знак компетентности и уверенности в собственной значимости. "Право голоса" является, несомненно, важнейшим статусным символом. Таким образом, можно выстроить соотношение

АРИСТОКРАТ – МНЕНИЕ ↔ АВТОРИТЕТ,

в котором две последние составляющие являются взаимоопределяющими: статус представителя элиты дает ему право свободно высказывать свое мнение, и, в свою очередь, наличие своей собственной точки зрения - безусловно, знак силы и независимости.

Выражение оценки является социально значимым. В.И.Карасик отмечает в книге "Язык социального статуса" (1992: 155):

"Выносить оценку значит выражать мнение о достоинствах и недостатках объекта оценки в соответствии с имеющейся у человека осознанной или неосознанной системой ценностей. Ценности имеют общественную значимость. Давая оценку, индивид тем самым присваивает себе право представлять общество".

Экспрессивность писем также связана с драматизацией аристократом своего образа жизни. Практически ни одно письмо не оставляет впечатления монотонности, рутинности. Для представителя знати было важно показать свою жизнь в динамике, во всем многообразии переживаний (как физических, так и духовных). "Олитературенность" писем в данном случае связана с желанием интерпретировать события, импровизировать, отказавшись от обычной констатации.

Таким образом, автор показывает свой внутренний мир, реализуя литературный талант и подтверждая свою социальную исключительность творческой.

§ 4.2. Характеристика писем семьи Ловелл

Рассмотрение писем семьи Ловелл предоставляет возможность сравнить письма аристократов и представителей среднего класса по наиболее важным из выделенных нами лексических, грамматических и синтаксических критериев.

Мы уже показали, что вертикальный контекст эпохи выражается по-разному в речи представителей различных социальных групп. Средний класс представляет широкую культурную панораму, поскольку охватывает практически все сословия общества, как отмечает Тревелиан в книге "Life And Letters Of Lord Macaulay": "The middle - class - a term that then covered all grades of society, from the humblest clerk or village shopkeeper up to the wealthiest magnate in the country. " (G.O.Trevelyan, 1878: 338)

Несмотря на то, что семья Ловелл относится к зажиточным фермерам (gentleman farmers), ее представители весьма далеки от высшей ступени среднего класса, которая постепенно сближалась с аристократией как по уровню жизни, так и по степени своего политического влияния.

Светская и политическая жизнь не находят отражения в корреспонденции семьи Ловелл, и, соответственно, в письмах отсутствует такая важная часть "аристократического" социолекта, как примеры политической лексики и французские вношения.

Однако в отличие от представителей высших классов, авторы рассмотренных писем широко используют религиозную лексику. Это подтверждают сделанные в главе 3 выводы о том, что к началу XIX века религиозность проявляется в аристократической среде в меньшей степени, чем в социальных группах, представляющих средний класс. Таким образом, употребление абстрактных существительных в письмах Уильяма Ловелла и его родственников, в основном, связано с религиозным контекстом. Приведем примеры в письмах Уильяма Ловелла (1,2) и его сестры Маргарет Кирни (3), иллюстрирующие использование таких абстрактных понятий, как Death, Mercy, turmoil, strife, glory, pardon, sin, salvation, iniquity.

- 1) By Nature Man is guilty; and in an unfit state for Death but what a **Mercy** it is that there is a "Fountain opened to all mankind" for to wash out all our guilty stains.
- 2) But there is encouragement to be taken in the midst of all this **turmoil** and **strife**, Jesus reigns: let all the people be glad. **Mercy** is still found and **pardon** may be had of every sincere seeker. **Glory** be to God.
- 3) God is my witness, I say, that the burden of my prayers is their **salvation**, that they may be washed from all their sins in the precious blood of Christ: and their **sins** and manifold **iniquities** be cast as a stone into the depths of the sea, "and be mentioned to them or remembered against them - no more forever."

В письмах аристократии описания характеров и событий изобилуют оценочными прилагательными, поскольку в большинстве случаев авторы

предлагают вниманию читателей свои комментарии, либо переходят к рассуждениям на психологические или философские темы. В письмах Ловеллов преобладает констатация событий, что значительно сокращает количество оценочных прилагательных. Очевидно, что мастерство описания внутренних качеств людей очень ценилось среди представителей средних классов, о чем свидетельствует спрос на эссе - "характеры", которые специально составлялись литераторами. В сборнике писем семьи Ловелл представлена выполненная неким А.С.Гамильтоном "зарисовка характера Маргарет Кирни", отрывок из которой мы приводим в качестве примера:

SKETCH OF CHARACTER OF MARGARET RACHAEL KEARNEY BY A.S.
HAMILTON, JANUARY 1855.

This lady has a remarkable development of all the feelings and passions which impart love, friendships industry and courage. Her constitution is most ardent and excitable and her nature altogether adapted for active life./.../ She is companionable and social, cheerful, hopeful and animated and has endurance and perseverance in any good cause. Her love of truth and justice is a marked feature. Good taste for colour and well adapted for any business that requires tact, neatness of hand and quickness of observation. She is amiable and prudent, yet warmly social and fond of society and very susceptible to kindness. All her feelings flow freely towards her benefactors, and she will be grateful, generous and obliging.

Автор широко использует как оценочные прилагательные (companionable, cheerful, hopeful, animated, amiable, prudent, grateful, generous, obliging), так и абстрактные существительные (love, friendship, industry, courage, truth, justice, tact, kindness).

Жанр "характеров", по всей видимости, существует отдельно от жанра дружеского письма в культуре средних классов, о чем свидетельствует отсутствие элементов подобных эссе в эпистолярных текстах. Отдельные авторские работы такого типа напоминают выполненные на заказ портреты: дата и подпись "мастера" также свидетельствуют о том, что зарисовки характеров не отличает свойственная дружеским письмам спонтанность и естественность.

Очевидно, что традиции просторечия лежали в основе социолекта низших средних классов, что проявлялось в сохранении архаизмов, образцов разговорной речи, грамматических и синтаксических неточностей. Следует отметить, что отсутствие этих особенностей не обязательно свидетельствует о принадлежности к высшим классам. На это указывает МакИнтош: ...solecisms, archaisms and colloquialisms are not perfectly reliable indicators of low - class language.

Естественно, не все представители высших классов и интеллектуальной элиты могли похвастаться безупречностью речи, однако выделенные особенности характеризуют речь средних классов, о чем свидетельствует исправленные Хоксвортом вариант путевых заметок Кука, рассмотренный в главе 3:

"so far as I know, the genteel John Hawkesworth corrects or omits all solecisms and archaisms and colloquialisms he finds in journals by the low - middle - class James Cook. " (McIntosh, 1986: 114)

В письмах Уильяма Ловелла и Маргарет Кирни встречаются такие образцы архаизмов, как **aright** (right), **ere** (устная форма before), **to late** (to look for), **poorly** (in bad health).

Приведем примеры :

- 1) The treatment that I myself and these two just men have received at the hands of Christiendom - have shaken my opinion of her to its foundation, and I believe with a certain writer that the whole framework of Christianity is destined **ere** long to come to a fearful end. (Margaret Kearney).
- 2) If I remember **aright** you only said, "We were married last March."
- 3) So when I went to **late** him /or as you should say look for him/ I found him under a heap of Straw in the Church Gath.
- 4) Aunt has not been so well for the last week, & she is now very **poorly** with a severe attack of influenza. (William Lovell).

В письмах встречаются образцы близкой к сленгу неформальной лексики, например, **to bleed sb.** /выкачивать из кого-либо деньги/, **to push sb. on** /поддерживать/, **to be hard up** /переживать материальные затруднения/.

Приведем примеры :

I paid a visit to Head Quarters and tried to **bleed** the old gentleman. (Joseph W. Lovell).

If you can do anything for him in the shape of **pushing him on** I know you will feel great pleasure in doing it as Mailer was kind to us when we were **hard up**. (Joseph M. Lovell)

Следует отметить, что типичным для рассмотренных писем явлением является неправильный выбор слов. Приведем примеры :

1. I hope you will be able to get on better when you **remove** to your own farm. (William Lovell).

В данном случае лексическое значение слова **remove** не соответствует описываемой ситуации, для отображения которой требуется глагол **to go back**.

Considering this to be an **advantages** offer I left and went to reside with Overton's. (William Lovell)

Данный пример показывает ошибку автора, который употребляет существительное во множественном числе **advantages** (преимущества) вместо прилагательного **advantageous** (дающий преимущество) из-за одинакового звучания этих слов.

Следует отметить, что часто автор неточно формулирует мысль, используя неподходящие по смыслу слова. Приведем примеры, выделяя "лишние" слова, которые нередко искажают высказывание:

- 1) I arrived here about the 20 January 1849 and was **disagreeably** disappointed with the climate society and prospects before me in this

place which /.../ I expected to find literally overflowing with milk and honey. (Joseph W. Lovell)

- 2) Lois expects to be confined next month & is not **quite so** well. (William Esh Lovell)

В данном примере может использоваться либо quite, либо so.

- 3) /.../ the fruit trees are just beginning to bud and look as if they would be **very** full of bloom if only the frosts do not only too heavy and blight them as was the case last year. (Lois Lovell)

- 4) Markets are **only** low at present /.../ (William Esh Lovell).

Очевидно, что автор пытается выделить отдельные элементы предложения с помощью наречий, однако происходит "нагромождение" слов, которое, вместо того чтобы сделать повествование более эмоциональным, ведет к ошибке и делает мысль автора размытой. Также мешают пониманию текста и громоздкие выражения, которые можно заменить более компактными фразами или, в некоторых случаях, отдельными словами. Приведем примеры подобных выражений, указав в скобках исправленный вариант: fill a letter with letting me know (let me know), a person in the name of Hardy (a person named Hardy), to be in the enjoyment of good health (to be well), to place value on s/th (to value s/th), a great many (many), you may rest assured (you may be sure).

Мы также считаем, что к образцам разговорного просторечия, вносящим неясность в повествование, можно отнести такие варианты начала предложения, как Well it so happened that.... How is it that... Создается впечатление, что в отдельных случаях автор старается намеренно усложнить свою речь, сделать ее более "весомой". Очевидно, этим также можно объяснить присутствие в письмах формальной лексики.

Естественно, дружеское письмо позволяет варьировать стилистическую и жанровую структуру текста, что оправдывает смешение лексики разных стилей. Однако, несмотря на появление вкраплений официально-деловой лексики, не происходит явных изменений в стиле и содержании - факторов, которые могли бы объяснить появление лексических единиц, в принципе, чуждого жанру дружеского письма функционального стиля. Приведем примеры употребления выражении to be destitute of funds, to obtain a situation in the capacity of s/b, to lay oneself under an obligation, to deem s/th advisable:

- 1) Nevertheless I was here **destitute of funds** and I may also say without friends so I thought I had better make the most of a bad bargain so I proceeded to make enquiries about getting a situation.
- 2) /.../ I was at length **offered a situation** at a Grocer's shop **in the capacity of** Porter Cook and Bottlewasher but /.../ I declined **laying myself under an obligation** rather overwhelming by its weight - to be brief I at length **obtained a situation** with an auctioneer **in the capacity of** storeman at a Salary of about E60 per annum and have no doubt I should have done pretty well with him as I had frequent opportunities of making money. (Jos. W. Lovell)

- 3) So I **deemed it advisable** to sit up with him, and be a kind of shepherd over him. (William Esh Lovell)

Автор выбирает формальную лексику, чтобы придать повествованию убедительность официально-делового стиля, который ассоциируется с властью, авторитетом, "правильностью".

В письмах встречаются многочисленные грамматические неточности, например, отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым (примеры 1, 2, 3), неправильный выбор местоимения (употребление относительного местоимения вместо личного и использование местоимения в форме объектного падежа вместо местоимения в именительном падеже (4,5), употребление будущего времени в условном придаточном предложении (6), неправильный выбор формы глагола (7), ошибки в выборе предлогов (8).

Приведем примеры:

- 1) As soon as ewes' time **are** up, we bring them into our Church Gath or as you would say Cow Pasture, and the shepherd does nothing else but watch them. (William Esh Lovell)
- 2) It is very infectious, & if it once **get** into the herd, it is almost sure to go through the lot /.../ (William Esh Lovell)
- 3) I often thought of you and wondered why you did not write me since you **was** confined. (William Esh Lovell)
- 4) ...I trust the next news I have from you, that you are safely over your trouble - and that **yourself** and Babe are doing well. (William Esh Lovell)
- 5) My sister Maria is very ill (Dr. Crowther ordered her to Melbourne so father and her went last Wednesday). (Lois Lovell)
- 6) I wish them both happiness: give my love to Fanny and tell her if she **will** give me time I will think over the contents of the letter, and find a way of giving her a decisive answer. (Margaret Kearney).
- 7) I had almost **forgot** to inform you that we have got another a young girl about eight months old we are all quite well and Sophy sends her kind love to you. (Joseph W. Lovell)
- 8) She had been ill for a great many years, nearly ever since I **came into** England & she has lived much longer than anybody had expected she would. (William Lovell)

Сослагательное наклонение используется в рассмотренных письмах достаточно часто, однако не всегда гармонично вписывается в предложение. Например: " Were adversity to overtake her - were a crown of thorns to press heavily on her brow - and if I were free to act for myself - I would hasten to her - and if it laid within the compass of my powers to rescue her - against the most fearful odds - from the hands of her foes. " (Margaret Kearney)

В данном случае автор не может сохранить целостность предложения, во-первых, из-за большого количества придаточных условия, во-вторых, из-за того, что четвертое, самое большое придаточное предложение теряет связь с главным предложением.

Вводные слова и предложения также нередко вносят неясность в повествование. Приведем пример: "Well it so happens, that a mate of our Shepherd came to see him this afternoon (who is going to America) and they went over to the "Odd Fellows Arms" and John Barley - corn got the Mastership of our Mark." (William Esh Lovell)

В этом примере положение вводного предложения не соответствует логике изложения мысли, поскольку не относится к существительному mate.

В письмах Софии Ловелл полностью отсутствуют знаки препинания, и предложения редко начинаются с заглавных букв, что существенно осложняет восприятие письма, которое в данном случае превращается в непрерывный поток слов, а не в тщательно организованный текст. Приведем отрывок из письма этого автора:

"We are both very sorry to hear you are bothered if it was in our power to help you we would but we do not know how we are to manage ourselves Joseph and his mates have been obliged to register the Reef they were working for it did not pay expenses we have had the pleasure of seeing Samuel in Chewton he left his Wife and Daughter in Melbourne /...../."

Несомненно, выражение социального статуса в речи связано с уровнем образованности. В.И. Карасик отмечает: "Индексы социального статуса в значительной мере характеризуют речь образованных и необразованных людей./.../ Образованные люди объясняют содержание, дают вводную информацию, иллюстрации, определяют участников, время и место, используют квалификации. Необразованные люди не мыслят в терминах квалификаций и абстрактных категорий. Различие прослеживается и в организации речи: события, действия, образы, люди и места перечисляются необразованными информантами в последовательности с минимальной вариативностью союзов. Часто такие люди не могут дать последовательного изложения без вспомогательных вопросов." (В.И.Карасик, 1992: 61)

Рассматривать письма семьи Ловелл с точки зрения литературных проявлений практически невозможно: нередко автор с трудом выражает мысль, и не приходится говорить о роли жанровых сцен, "характеров", "максим", литературных рецензий и философских рассуждений в письмах. Размышления религиозного характера отличаются простотой и связаны, как правило, с цитированием Библии.

Представитель среднего класса находится на начальном этапе освоения эпистолярного искусства, и основа его знаний – просторечие, газеты и Библия - не позволяет подняться выше типичного для его социальной группы уровня культуры речи.

"Литературность" писем - это целый комплекс особенностей, в основе которого лежит способность автора к импровизации. Варьирование жанровой и стилистической структуры письма требует от автора как организации основных направлений повествования, грамотного расставления логических акцентов, так и, возможно, способности предугадать реакцию адресата. Сложность профессионально написанного письма заключается в четкой

организации тематической иерархии, в создании образно насыщенных жанровых сцен, передающих широкий спектр эмоций и переживаний, многоплановых литературных рецензий и описаний внешних и внутренних качеств людей. Нередко в письмах аристократии автор спонтанно переходит от описания событий к своим собственным чувствам, и, наоборот, от переживаний к событиям в прошлом и будущем. Можно предположить, что свободное "перемещение" автора во времени и в пространстве, а также в сфере личных ощущений и впечатлений также показывает его литературные способности.

"Грамотность" и "литературность" писем, естественно, являются важными факторами социокультурных различий в эпистолярном дискурсе. Не менее значимыми, на наш взгляд, являются связанные с социальным положением автора психологические аспекты.

Мы уже отмечали, что в письмах семьи Ловелл преобладает констатация событий, а не анализ и оценка, что "обезличивает" речь автора, снижает экспрессивность и сокращает инструментарий лексических, грамматических и синтаксических средств.

Основой писем представителей высших классов является выражение мнения автора, которое одновременно можно считать следствием авторитета аристократии и фактором, его поддерживающим и создающим.

Оценочная направленность, образность, высокая экспрессивность писем аристократии, использование элементов литературных жанров связаны с выражением социального статуса, который, в свою очередь, имеет прямое отношение к речевому воздействию. В.И. Карасик утверждает: "Социальный статус человека непосредственно связан с использованием языка как средства воздействия./... / Воздействие распространяется на ценностную сферу личности, а статус человека является ценностной категорией". (В.И. Карасик, 1992:128).

Вероятно, низкий социальный статус сдерживает человека морально, резко ограничивает сферу его жизнедеятельности, сводит к минимуму его влияние на окружающий мир, и, следовательно, занижает его самооценку. Отсутствие мнения, собственной позиции в речи – следствие зависимости представителя среднего класса от вышестоящих сословий.

Выводы к Главе 4

Развитие социолекта английской знати было во многом основано на взаимообусловленности традиций придворной прозы и литературы. Образ отважного воина-аристократа из многочисленных произведений рыцарской прозы свидетельствует о том, что в основе внутригрупповых отношений аристократического общества лежат такие понятия, как служение, честь, милость, воля и т. д.

Развитие высшего общества было неразрывно связано с образованием. Одной из основ аристократического общества был недоступный представителям других социальных групп уровень образования,

предполагавший широкое изучение естественных наук, классической литературы и иностранных языков.

Со временем аристократия начинает ассоциироваться с достижениями в сферах литературы, общественной деятельности и искусства.

XVIII век вошел в историю Англии как период расцвета эпистолярной культуры. Философские идеи просветителей, обусловившие интерес к внутреннему миру человека, находят отражение в письмах представителей таких представителей аристократии, как лорд Честерфилд, леди Уортли Монтагю, лорд Коупер, лорд Литтлтон и др. Широкие стилистические и жанровые возможности дружеского письма позволили внести в частное послание такие литературные элементы, как жанровые сцены, диалоги, философские размышления, литературные рецензии. Данное исследование показывает, что эти черты сохранились в корреспонденции представителей высших классов в Викторианскую эпоху.

Нами исследуются также письма представителей низших средних классов, анализ которых выявляет отсутствие литературных проявлений и большое количество архаизмов, образцов слэнга, грамматических и синтаксических неточностей.

Таким образом, подтверждается выдвинутое в §3 Главы 2 предположение о том, что уровень образованности, и, следовательно, уровень эпистолярной культуры, был весьма низок в среднем звене общества.

Следует также отметить, что письмам аристократии свойственна оценочно-аналитическая направленность, выражение идей, переживаний и предположений автора, в то время как в письмах представителей низших средних классов преобладает констатация, а не оценка событий.

Несомненно, низкий социальный уровень, связанный с низким уровнем образованности и зависимостью в статусном плане, объясняет отсутствие литературных черт и авторской оценки в письмах аристократии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение речи английского правящего класса на материале писем предполагает рассмотрение широкого круга вопросов, связанных как со спецификой исторического периода и особенностями класса аристократии, так и с развитием эпистолярного жанра.

Изучение писем представляет интерес как с культурной, так и с лингвистической точки зрения. Интимно-дружеское письмо выступает как семиотическая система, отражающая социокультурные процессы, характерные для развития общества в определенный исторический период. Такие критерии "частного послания", как неограниченный объем, свободная композиция, многотемность, мозаичность, предполагающая возможность изменения жанровой и стилистической структуры одного письма, делают

эпистолярный текст важным источником информации о традициях общения и языковых особенностях различных социальных групп.

Представляет интерес социальный аспект, связанный с функционированием эпистолярного жанра в Англии: вплоть до XIX века письмо остается атрибутом высших классов и немногих приближенных к элите представителей средних классов. Популярность письма в других социальных группах в XIX веке была связана с растущим интересом к образованию и литературе в обществе. Это, в свою очередь, объясняется спецификой рассматриваемого периода.

Викторианская эпоха связана с культурным и экономическим развитием Англии. Важные перемены произошли в национальном самосознании викторианцев: после победы над Наполеоном Англия превращается в сверхдержаву с лучшим в мире флотом, большим количеством доминионов и бурно развивающейся промышленностью.

Происходит усложнение социальной структуры общества и укрепление позиций среднего класса в политической жизни Англии. Можно утверждать, что многие культурные изменения удовлетворяли потребности средних классов: литература подчеркивала набожность и чистоту помыслов, а наука о языке усилиями "прескриптивистов" была направлена на поиск "правильной" речи - мощного средства для продвижения вверх по социальной лестнице. Ярко выраженная "классовая" структура английского общества, в отличие от "кастовой", позволяет увидеть многообразие и взаимодействие культур и традиций различных социальных групп.

Безусловно, Викторианская эпоха является периодом смены социального референта, однако борьба среднего класса за власть, изменения в социальной структуре и культуре общества не ограничили влияние высших классов - напротив, аристократия в этих условиях проявила свои лучшие качества, которые обусловили ее активность в сферах политической, общественной и культурной жизни.

Отражение вертикального контекста в письмах - важнейший социальный маркер, подчеркивающий роль правящих классов в политической, общественной и культурной жизни и раскрывающий широкий круг интересов английской аристократии XIX века.

Поскольку политика была одним из приоритетных направлений деятельности аристократии, и с ней были связаны авторитет и влияние знати в обществе, мы рассматриваем политическую лексику, которой изобилуют письма и мужчин, и женщин аристократического происхождения, как важный элемент коммуникативной компетенции высшего общества. Политическая жизнь является гипертемой большинства писем, и связанная с политикой лексика превращается в неотъемлемую часть речи политических деятелей Викторианской эпохи.

Важнейшей частью социолекта английской элиты традиционно был французский язык, который со времен Нормандского завоевания занял прочное место в среде высших классов и впоследствии стал не только

средством внутригруппового общения аристократии, но и важным статусным символом. На протяжении столетий французская аристократия была для английской знати примером для подражания, и французская культурная традиция во многом определила развитие связанных с высшими классами Англии литературных течений и светской речи. Французские включения в письмах XIX века являются социальным маркером, свидетельствующим о высоком уровне образованности автора и о его возможной принадлежности к высшим классам.

Культура английской аристократии была тесно связана с возникновением в среде правящей элиты особого языкового пласта, который отражал систему докоммерческих ценностей и отношений, основанных на подчинении, – "придворной прозы". Этот социолект впоследствии стал основой языка дипломатии, молитвы, любовных отношений, таких литературных направлений, как "рыцарский роман", а также светских писем. То, что в основе "придворной прозы" лежали абстрактные понятия (честь, достоинство, милость и т.д.), позволяет предполагать, что использование абстрактных существительных в речи аристократии обусловлено древними традициями придворного общения.

"Литература писем" XVIII века, славной чертой которой было философское восприятие реальности и внимание к внутреннему миру человека, открыла новые возможности использования абстрактных существительных. В письмах XIX века, которые, несмотря на свой в большинстве случаев бытовой характер, во многом продолжают литературную эпистолярную традицию предыдущего столетия. Часто встречаются философские и психологические размышления, а также характеристики людей, основанные на сочетаниях элементов близких эссе жанров "характеров" и "максим".

Оценочные прилагательные, так же, как и абстрактные существительные, являются неотъемлемой частью рассуждений, описаний событий, характеристик людей. Они создают особую эмоциональную атмосферу, передавая чувства и переживания автора. Использование большого количества оценочных прилагательных в речи представителей высших классов связано также с "драматизацией" аристократом своего образа жизни, с внесением в повествование особого "декоративного" оттенка.

Следует отметить, что в письмах встречаются, в основном, примеры переоценки, выраженные сочетаниями прилагательных и наречий, что, вероятно, можно объяснить приближенностью дружеского письма к живой непринужденной беседе: оно направлено на демонстрацию эмоций, а не на их сдерживание, которое предполагает недооценка.

Как показывают письма, речь представителей высших классов отличается высокой степенью модальности, которая выражается, как правило, при помощи модальных глаголов, модальных выражений и сослагательного наклонения. Эта особенность речи передает не только отношение автора к содержанию и

его эмоциональное состояние, но и придает особый "авторитарный" оттенок речи. Также характерными чертами писем являются использование перфектного инфинитива, формы настоящего времени для передачи действия в будущем и употребление безличного местоимения в качестве подлежащего.

Одной из особенностей писем является смешение различных регистров речи, что проявляется в совмещении различных синтаксических моделей. В отдельно взятом тексте могут быть использованы короткие эллиптические предложения, характерные для разговорной речи, и сложноподчиненные предложения с большим количеством придаточных, вводных слов и предложений, для образования которых используется широкий спектр союзов.

Подобную синтаксическую неоднородность писем можно объяснить тем, что в отдельно взятом письме варьируются элементы различных стилей и жанров, и повествование бытового характера, основанное на предложениях с простой синтаксической структурой, нередко сменяется философскими или политическими рассуждениями, типичными для речи аристократии.

Письма представителей высших классов имеют прямое отношение к развитию английского литературного языка, и важным в теоретическом плане является предположение, что в основе аристократического письма XIX века лежат традиции, заложенные такими мастерами английского литературного письма XVIII века, как лорд Честерфилд, Коупер, Литтлтон, леди Монтагю и др. В XIX веке произведения "интимной литературы" частично сохраняют свой литературный характер, выражая индивидуальность аристократа через философские размышления, жанровые сцены, яркие зарисовки происходящих событий, описания внешних и внутренних качеств людей, литературные рецензии и цитаты из художественных произведений.

Можно утверждать, что речь аристократии обусловлена как системой образования, так и культурными традициями высших классов.

Письма отражают мировоззрение и самооценку автора, во многом связанные с его социальным положением. Исследование показывает, что речь аристократов - авторов рассмотренных писем - практически строится на выражении мнения, оценки, в то время как письма представителей среднего класса - на констатации событий.

Несомненно, позиция представителей высших классов в данном случае обусловлена уверенностью в значимости собственного мнения, связанной как с высшим уровнем образованности, так и с социальной, политической активностью.

Принадлежность к средним классам сужает сферу социокультурного влияния автора, лишает его возможности "интерпретировать" реальность, использовать в полной мере потенциал своего индивидуального видения мира.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

Семинарское занятие № 1. Викторианская эпоха в истории Англии

1. Найдите в словарях и энциклопедиях английского языка и культуры определение понятия «Викторианская эпоха» и ассоциации, которые оно вызывает у англичан и русских.
2. Обозначьте основные историко-культурные вехи Викторианского периода.
3. Охарактеризуйте процесс морального реформирования английского общества XIX века.
4. Определите роль религиозного возрождения Англии в этот период и его влияние на литературу.
5. Объясните, почему Англию «Викторианской эпохи» называли «нацией читателей».
6. Дайте социальную характеристику английского общества в Викторианскую эпоху (по работам Р.С.Нил).

Семинарское занятие № 2 Социальная стратификация английского общества XIX века

1. Дайте словарные дефиниции понятий «класс» и «социальный статус». Обозначьте различия, существующие между ними в XIX и XX веках.
2. Определите значение понятий «статусный символ» (Status Symbol) и «символ поощрения» (Esteem Symbol), покажите различия между ними и их роль в социальной стратификации общества.
3. Выпишите из словарных источников определения понятий «аристократия» и «меритократия», объясните различия между ними.
4. Покажите иерархичность аристократической семьи как ячейки всего аристократического общества.
5. Дайте характеристику аристократического общества в XIX веке - его «закрытость» и одновременно «открытость». Укажите на причины и степень «открытости» высших классов в Викторианскую эпоху.

Семинарское занятие № 3 Письмо ХУ111-XIX вв. как объект научного исследования

1. Выделите основные направления в изучении письма. Приведите классификации писем, разработанные разными учеными-лингвистами: Р.И.Белуновой, Б.Нажуа, Т.С.Каировой и др.
2. Структура письма. Функция каждой из ее составляющих.
3. Пособие для начинающих – «Как написать письмо?» Уэстлейка как основной источник-информация о правилах написания письма в XIX веке. Сравните его с современными рекомендациями и пособиями.
4. Прочитайте социальный подтекст в правилах написания писем в XIX веке. Найдите социальные факторы в композиции, содержании и т.д., указывающие на происхождение автора.
5. Сравните два письма – Викторианского периода и наших дней. Проанализируйте их и найдите те изменения в написании письма, которые произошли за два столетия.

Семинарское занятие № 4

Жанровые особенности частного послания

1. Определите жанровые особенности письма. Приведите мнения разных ученых относительно «промежуточного» характера писем.
2. Покажите влияние литературы на развитие письма в среде аристократии и особенности развития письма в средних классах..
3. Раскройте основные факторы (политические, культурные, общественные, философские, литературные и т.д.), повлиявшие на формирование письма в XIX веке.
4. Эссеистичность английских писем - «характеры» и «максимы».
5. «Письма» Честерфилда как концепция воспитания современного джентльмена.

Семинарское занятие № 5

Письмо как социально-лингвистическое и культурологическое явление

1. Придворная проза как основа аристократической английской речи.
2. Вертикальный контекст как социальный маркер английской речи. Разграничьте речь аристократа – представителя средних классов по вертикальному контексту писем.
3. Род занятий аристократа в его письмах – лексическое выражение:
 - a) политическая лексика;
 - b) французские вношения;
 - c) абстрактные существительные;
 - d) религиозная лексика;

- е) прилагательные и наречия.
4. Недооценка и переоценка в речи английского аристократа.
 5. Приведите примеры с недооценкой и переоценкой из прочитанной Вами английской литературы XIX века. Проанализируйте их.
 6. Социальная самодостаточность в речи аристократа.
 7. «Аристократические» стратегии классовой дифференциации.

Семинарское занятие № 6

Грамматические и синтаксические особенности писем

1. «Правильность» речи как важнейший элемент социального статуса.
2. Дайте определение «стандарта», «стандартизации» языка.
3. Дайте словарные определения “RP” как самой престижной и социально значимой разновидности произношения.
4. Выделите основные грамматические особенности речи аристократа XIX века и покажите их социальную подоснову.
5. Назовите основные синтаксические особенности речи аристократа и их исторические корни.

Семинарское занятие № 7

Отличительные характеристики писем аристократии и представителей средних классов

1. Литературная проакцентуированность писем английской аристократии.
2. Сравните письма аристократа и представителя средних классов, прокомментируйте различия, существующие между ними на всех лингвистических уровнях.

Подведение итогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса.– М.: Наука, 1984.– С. 44–68 .
2. Александрова О.В. Синтаксис как наука о построении речи.– М.: Прогресс, 1980.– С.54– 72.
3. Антипов Г.А. Текст как явление культуры.–Новосибирск: "Наука", Сибирское отделение, 1989.–196 с.
4. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования: Автореферат докт. дисс., Л., 1966.
5. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. 1985, №16.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.–М., 1969.
7. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. "Вертикальный контекст" как филологическая проблема" // Вопросы языкознания. 1977. №3.
8. Ахманова О.С., Гюббенет И.В., Идзелис Р.Ф. Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины.–М.,1971. С. 45-78.
9. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров эстетического словесного творчества.– М.: Искусство, 1986.– С. 250–280.
- 10.Белунова Н.И. Семантико-структурная организация интимно-дружеского письма.– СПб.: Просвещение, 1994.– С. 35–62.
- 11.Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста.– М.: Изд-во МГУ, 1988.–121 с.
- 12.Болдырева Л.В. Социально–исторический вертикальный контекст (на материале английской художественной литературы).–М.: Диалог–МГУ, 1997.–88 с.
- 13.Бродович О.И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории.– Л.: Просвещение, 1988.– С. 92–144.
- 14.Будагов Р.А. Человек и его язык. 2–е изд., расшир. М.: Изд-во МГУ, 1976.–217 с.
- 15.Вербицкая М.В. Филологические основы литературной пародии и пародирования: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1982.
- 16.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Рус.язык, 1980.–320 с.
- 17.Виноградов В.В. О художественной прозе.– М.: Наука, 1930.–С.78–94.
- 18.Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика.–М., Изд-во Академии наук СССР, 1963.–255 с.
- 19.Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность.– М.: Наука, 1959.– С. 15– 37.
- 20.Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка.– М.: "Наука", 1988.–198 с.
- 21.Ворно Е.В., Потапова И.А., Малишевская Е.Ф. Лексикология английского языка. Л., 1955.
- 22.Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка.– М.: Наука,1958.– С. 54–102.

23. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка, 3-е изд. М., 1965.
24. Гинзбург Л.В. О психологической прозе.– М.: Прогресс, 1971.–С.54–84.
25. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации художественного текста.–М., 1991.
26. Гюббенет И.В. Социолингвистическая обусловленность реакции на ситуацию.// Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины.–М., 1971.
27. Доценко Н.П. Социолингвистическая интерпретация речи литературных персонажей: Автореф. дис....канд. филол. наук/ Харьк.гос.ун–т им. А.М. Горького.–Харьков, 1986–24 с.
28. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология.– М.: "Высшая школа", 1980.– 224 с.
29. Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: Автореф. дис. ...д–ра филол. наук/ Санкт–Петербург. гос. ун–т.–СПб., 1995–32 с.
30. Задорнова В.Я. Стилистика английского языка.– М.: Прогресс, 1986.– С.45–94.
31. Ивушкина Т.А. "Словарь" аристократа в произведениях художественной литературы XIX века // Филологические науки. 1996. №2.
32. Ивушкина Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи (на материале речевых характеристик представителей высших классов Великобритании в произведениях английской художественной литературы). Дис. ... д–ра филол. наук. – М., 1998.–295 с.
33. Ивушкина Т.А. Стилизация в речевой характеристике персонажей современной английской литературы: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / МГУ.–М., 1987.–24 с.
34. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально–исторический аспект: монография/ МГУ, ВГПУ, Волгоград, 1997.
35. Каирова Т.С. Интеграция содержательно–концептуальной информации в эпистолярных текстах. (на материале эпистолярного наследия Франции XVIII века: Автореф... канд. филол. наук.) М., 1989
36. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185-197.
37. Карасик В.И. Признак социально-ситуативного статуса лица в семантике английских глаголов // Семантические признаки и их реализация в тексте: Сб. науч. тр. Волгоград, 1986.
38. Карасик В.И. Язык социального статуса.–М.: ИЯЗ; Волгоград: Перемена, 1992.–329 с.
39. Кожевникова Н.С. "Письма к сыну" лорда Честерфилда: жанр, восприятие, традиция: Дис....канд. филол. наук. М., 1996.
40. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса).–В кн.: Язык и личность. М., 1990. 82 с.
41. Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989.

42. Кухаренко В.А. Лингвистическое исследование английской художественной речи. Одесса, 1973.
43. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Просвещение, 1970. – С. 123–128.
44. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
45. Магидова И.М. Введение в английскую филологию. М., 1985.
46. Магидова И.М. Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: Дис. ...докт. филол. наук. М., 1989.
47. Маковский М.М. Английские социальные диалекты. М., 1982.
48. Методы изучения лексики. М., 1975.
49. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 106 с.
50. Нажуа Б. Особенности эпистолярного жанра в свете теории текста: Автореф. дис...канд. филол. наук. М., 1984.
51. Назарова Н.Б. Филология и семиотика. – М.: Наука, 1994. – С. 54–67.
52. Нижникова Л.В. Письмо как текст (на материале писем Харди): автореф. дис. канд... филол. наук. Одесса., 1988.
53. Никонова А.Ф. Взаимоотношение авторской речи и речи персонажа в английской художественной литературе XVIII–XIX вв.: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1975.
54. Принципы и методы социолингвистического исследования. – М.: Наука, 1989. – 196 с.
55. Ревзина О. Г. Языковой знак в поэтическом тексте // Текст и его изучение в вузе и в школе. М., 1991.
56. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1977.
57. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
58. Рудаков Н.Я. Основы стилистического анализа художественного произведения. Кишинев, 1972.
59. Семенюк Н. Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // Языковая норма. Типология кодификационных процессов. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996, С. 23–47.
60. Сидорченко Л.В. Эпистолярное наследие леди мисс Уортли Монтагю. – М.: Просвещение, 1987. – С.32–64.
61. Скворцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. М.: Наука, 1977.
62. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Наука, 1957. – С. 79–157.
63. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Наука, 1973. – С.78–163.
64. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: Наука, 1973. – С.99–143.
65. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 335 с.

66. Тодд Ч.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху.– М.: Наука, 1994.– С. 64–82.
67. Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры.– М.: Просвещение, 1993.–С. 20–142.
68. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции. –М.: Наука, 1977.–С. 132–154.
69. Хорнби Л.С. Конструкции и обороты английского языка. Оксфорд, 1982.
70. Чаковская М.С. Текст как сообщение и воздействие.– М.: Высшая школа, 1986.– С. 24 – 65.
71. Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 1994.
72. Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск, 1992.
73. Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе).–СПб., 1995.–С.6–8
74. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М.: Наука, 1969.
75. Aikin L. Correspondence. London, 1824.
76. Ashby, E. and Anderson, M. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики).–Л.: "Наука". Ленинградское отделение, 1975.–276 с.
77. Bakhtin, M.M. Discourse in the novel.// Language and literacy from an educational perspective. Milton Keynes; Philadelphia: Open univ. press, 1988.– 269 p.
78. Balsdon, D. Oxford Now And Then. London, Duckworth, 1970.–267 p.
79. Barr, A., York, P. The Official Sloan Ranger Handbook.– L–N, 1978
80. Bernstein, B. Class, Codes and Control.–Paladin. 1973.–304 p.
81. Birmingham, S. America's Secret Aristocracy.–Boston; Toronto: Little, Brown, 1987.–334 P.
82. Black E.C. Victorian Culture And Society.– London, Arnold, 1973.–P.23–34.
83. Blair D. Models Of Familiar Letters, In English, French And Italian. With Examples Of Classical Letters, And Of Commercial Letters, Followed By 46 Copies For The Exercise Of Students. London, 1828.
84. Bloomfield M. W. The Question of Correctness // Greenbaum S. (ed.) The English Language Today. Oxford — N. Y. etc.: Pergamon Press, 1985, P. 265-270.
85. Blount, B.G. Language, Culture and Society. A book of Readings. Cambridge (Mass.), Wintrop, 1974.–227 p.
86. Bosmajian, H.A. The Language Of Opression. Washington, Public Affairs Press, 1974.–156 p. British Brooks News.–Published By The British Council, August 1984
87. Boswell. Life Of Johnson. London, 1856.
88. Brander M. The Victorian Gentleman.– London: Arnold,1975.–P.12–78.
89. Brandis W., Henderson D. Social Class Language And Communication.– London: Routledge and Kegan Paul, 1970.–P. 95–154.

90. Brooke A. *What Shall I Say? A Desk Companion And Complete Letter Writer For Every Occasion.* London, 1864.
91. Brown I. *Mind Your Language.*—The Bodley Head. 1966.—91 p.
92. Buckley J.H. *The Victorian Temper: A Study In Literary Culture.*— Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
93. Burchfield R. (ed.) *The Cambridge History of the English Language. English in Britain and Overseas. Origins and Development. Vol.V.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
94. Cameron D. *Performing Gender Identity// Language and Masculinity.*—Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1997.—244 p.
95. Centers L. *The Psychology Of Social Classes.*— Oxford: Blackwell, 1982.— P.24–32.
96. Chapman R. *Forms of Speech in Victorian Fiction.*—L—n—N.Y., 1994.
97. Charles de Montalembert. *The Political Future Of England.*— Cambridge, 1856.
98. Cheshire J. *Variation in an English Dialect: A Sociolinguistic Study.* Cambridge Univ. Press, 1982.
99. Christie O.F. *The Transition From Aristocracy.* N.—Y. — London: Academic Press, 1958.— P. 88–125.
100. Churchill L. *Questioning Strategies in Sociolinguistics.* —Rowley (Mass.): Newbury House, 1973.—XI, 161 p.
101. Claiborne R. *Our Marvelous Native Tongue.* N. Y.: Times Books, 1983.
102. Coates J. *Women Talk: Conversation Between Women Friends.*—Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1966.—324 p.
103. Cole C.D.H. *The Conception of the Middle Classes.*// *British Journal of sociology.* 1.1950.—P. 275–290
104. Coupland N. *Dialect In Use: Sociolinguistic Variation In Cardiff English.* Cardiff: Univ. Of Wales Press, 1988.
105. Crum R. Me., Cran W. M., MacNeil R. *The Story of English.* London— Boston: BBC Publication, 1987.
106. Cruse A. *The Victorians And Their Books.*— London: Macmillan, 1962.—P.57–83.
107. Daiches D. *Some Late Victorian Attitudes.* New York: Blackwell, 1967.— P.25–55.
108. Davie D. *British and American English.* Listener, 23 January, 1969.
109. Disraeli B. *Vindication Of The English Constitution.*— London, 1835.
110. Doughty A., Doughty P. *Language and Community.*—L.: Edward Arnold, 1974.—108 p.
111. Dowling L.C. *Language And Decadence In Victorian Fin De Siecle.* Princeton: Academic Press., 1986.— P.12–62.
112. Duke of March. *Court And Society From Elizabeth To Anna.* London, 1864.
113. Edwards A.D. *Language In Culture And Class. The Sociology Of Language And Education.* London, Heinemann Educational Books, 1976.—260p.
114. Eliot T.S. *Notes Towards The Definition Of Culture.*— Cambridge: Cambridge University Press, 1947.— P. 87–102.

115. Fairclough N. Power and Language // Asher R. E. (ed.) *Encyclopaedia of Language and Linguistics*. Vol. 8. Oxford — N. Y. etc.: Pergamon Press, 1994, P. 4338-4340.
116. Farb P. *World Play. What Happens When People Talk*. London, Cape. 1974.— 355 p.
117. Finegan E. Standard Language // Purves A. C. (ed.) *Encyclopaedia of English Studies and Language Arts*. Vol. II. N. Y. — Toronto etc.: RAE Book Manufactures, Inc., 1994, P. 1109-1111.
118. Fisher J. H. *The Emergence of Standard English*. Kentucky: The Univ. Press of Kentucky, 1966.
119. Fishman J.A. *The Sociology Of Language. An Interdisciplinary Social Science Approach To Language In Society*.— London: Arnold, 1972.—P.22–74.
120. Fishman J.A. *Language In Sociocultural Change*. Stanford University Press, 1972.
121. Fishman J.A. *Levels Of Analysis In Sociolinguistic Explanation*.—Berlin Etc.: Mouton, cop. 1983.—177 p.
122. Gardiner J. H., Kitteridge G. L., Arnold S. L. *Manual of Composition and Rhetoric*. Boston— Chicago: Ginn, 1907.
123. Gash N. *Aristocracy And People*.— Harward: Harward University Press, 1979.— P.165–184.
124. Giles H., Powesland P. E. *Speech Style and Social Evaluation*. London Acad. Press — European association of experimental social psychology, 1975.
125. Gilmour R. *The Idea Of A Gentleman In The Victorian Novel*.— London: Academic Press, 1981.— P.75–103.
126. Goffman E. *Interaction Ritual*.— N.Y., Blackwell, 1967.—P. 44–85
127. Goldthrope J.H. *Social Mobility And Class Structure In Modern Britain*. Oxford: Clarendon Press, 1987.—377 p.
128. Grey A.L. *Class And Personality In Society*. N.Y., Blackwell, 1969.—P.123–129.
129. Grimshaw A.D. *Collegial Discourse: Professional Conversation Among Peers*.—Norwood (N.Y.): Ablex, 1989.—616 p.
130. Guest R. *A Compendious History Of The Cotton Manufacture*. London, 1825.
131. Gumb R.D. *Rule–Governed Linguistic Behaviour*. The Hague–Paris, Mouton, 1972.—139 p.
132. Gumperz J.J. *Language As Social Semiotic*.— London: Heinemann, 1978.— P.155–174.
133. Guttsman W.L. *The English Ruling Class*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1969.— P. 23–144.
134. Haas M.R. *Language, Culture And History*.— Stanford: Stanford Univ. Press, 1978.— P. 103–188.
135. Hartman R. K., Stork F. C. Standard Language // *Dictionary of Language and Linguistics*. London: Applied Science Publishers Ltd., 1973, P. 218-219.
136. Haugen E. *The Ecology of Language*.— Stanford: Stanford Univ. Press, 1972.

137. Helmstadter R. *Victorian Faith In Crisis: Essays On Continuity Of A Change.*—Stanford : Stanford Univ. Press, 1990.—P. 32–44.
138. Henson, H. *British Social Anthropologists And Language. A History Of Separate Development.* Oxford, Clarendon Press, 1974.—147 P.
139. Hogg R. M. General Editor's Preface // Hogg R. M. (ed.) *The Cambridge History of the English Language. Vol. 1.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994, P. XV–XVIII.
140. Honey, J. *Does Accent Matter: The Pygmalion Factor.*—L—n—Boston, 1989.
141. Honey, J. *The Language Trap: Race, Class and 'Standard English' in British Schools.* // *Language and literacy from an education perspective.* Milton Keynes; Philadelphia: Open university press, 1988.—269 p.
142. Hubler A. *Understatements And Hedges In English.* — Amsterdam. — Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1983.—P. 33–54.
143. Hughes A., Trudgill P. *English Accents and Dialects: An Introduction to Social and Regional Varieties of British English.* London: Arnold, 1979.
144. Hunt L.H. *A Syntax Of The English Language.*— London: Routledge and Kegan Paul, 1823.— P. 78– 122.
145. Hyman H.H. *The Psychology Of Status.*— London: Macmillan, 1942.
146. Hymes D. *Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographical Approach:* Tavistock publications, 1977.—359 p.
147. Jenkins P. *The Making Of A Ruling Class.*— Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.— P. 32–64.
148. Joseph J. *Eloquence and Power: The Rise of Language Standards and Standard Languages.* London: Frances Pinter, 1987.
149. Kelsall R.K. E.A. *Graduates: The Sociology Of An Elite.* London, Methuen And Co. 1972.—284 p.
150. Kiesling S.F. *Power and the Language of Men.* // *Language and Masculinity.*—Oxford; Cambridge (Mass.): Blackwell, 1997.—244 p.
151. Labov W. *Sociolinguistic Patterns.*— Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972.—P. 12– 43.
152. Labov W. *The Social Stratification Of English In New York City.* Washington. Center For Applied Linguistics, 1966.—256 p.
153. Lane P. *The Upper Class.*— London: Heinemann, 1972.— P. 65–143.
154. *Language And Power.* Ed. By Chris Kramarae.—Beverly Hills Etc.: Sage, Cop., 1984.—320 p.
155. *Language And Social Context. Selected Readings.* Ed. By P.P. Giglioli./ Harmondsworth, 1972.—399 p.
156. *Language And Work.*—B. Etc.: Mouton, 1984—(Intern. J. Of The Sociology Of Language; 1984. № 49).—140 p.
157. *Language Of Inequality.* Ed. by Wolfson N.— Mouton, 1985.—250 p.
158. *Language, Communication And Education / A Reader* Ed. By Mayor B.M., Pugh A.K.—L.; Sydney: Croom Helm; Milton Keynes: Open University, 1987.—465p.

159. Language: The Sociocultural Context. Ed. by Newmeyer F.J. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. – P.54– 87.
160. Lass R. The Shape of English Structure and History. London — Melbourne: J M. Demand Sons Ltd., 1987.
161. Leith D. A Social History of English. London — Boston — Melbourne — Henley: Routledge and Kegan Paul, 1983.
162. Levine R. The Victorian Experience: The Prose Writers. – Ohio: Columbus, 1982. – 234p.
163. Levine R.A. Background To Victorian Literature. – SF Cal: Blackwell, 1967. – P. 23 – 44.
164. Life Sentences. Aspects Of The Social Role Of Language. Ed. By R. Harre. London /A.O./. Wiley, 1976. – 178 p.
165. Macaulay R.K.S. Language, Social Class And Education: A Glasgow Study. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1977. – 179 p.
166. Macrossan J.M. The Victorian Era: Its Strength And Weakness. – London: Macmillan, 1937. – P. 17 – 76.
167. Marsh P. The Conscience Of The Victorian State. – Sussex: Academic Press, 1979. – P. 186–194.
168. Mathieson W.L. English Church Reform, 1815 – 1840. – London: Arnold, 1923. – P. 87– 144.
169. Maxwell Herbert. The Life And Letters Of George William Frederick, 4th Earl Of Clarendon. London, 1913.
170. McIntosh, Carey. Common And Courtly Language: The Stylistics Of Social Class In The XVIIIth Century. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1986. – 224p.
171. Meakin A.M. Hannah More. – London: Heinemann, 1911. – P.12–17.
172. Milroy L. Language and Social Networks. Oxford: Blackwell, 1980.
173. Monkswell M. A Victorian Diarist. – London: Macmillan, 1944. – P.87–94.
174. Mugglestone L.C. Talking Proper. The Rise of the Accent as Social Symbol. – Oxford, 1997. – 352 p.
175. Mutt, O. Social And Regional Varieties Of Present–Day English. – Tarty, 1977.
176. Neale R.S. Class And Ideology In A Provincial City Bath (1800 – 1. – London: Arnold, 1963. – 120p.
177. Neale R.S. Class And Ideology In The XIXth Century. – London: Arnold, 1972. – P.23– 84.
178. Neumann J.H. Chesterfield And Standard Of Usage In English. – Seattle: Academic Press, 1946. – 245p.
179. Nickolson H. Good Behaviour. – London, 1955. – 376 p.
180. Nicoll A. A History Of Early Nineteenth Century Drama. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1930. – P. 12–23.
181. Nicoll A. Censorship In England. London, 1913.
182. Pear T.H. English Social Differences. – London: Heinemann, 1955. – 234p.
183. Perrot, R. The Aristocrats. A Portrait Of Britain's Nobility And Their Way Of Life Today. London, Weidenfeld And Nickolson, 1968. – 285 p.

184. Petyt K. M. *Dialect and Accent in Industrial West Yorkshire*. Amsterdam — Philadelphia: Benjamins, 1985.
185. Phillips K.C. *Language and Class in Victorian England*.—Basil Blackwell, 1984.
186. Pollis N.P. Reference Groups.// *British Journal Of Sociology*, XIX, 1968.—425p.
187. Pool, M.E. *Social Class And Language Utilization At Tertiary Level*. Univ. Of Queensland Press, 1976.—254 p.
188. *Power Through Discourse*./ Ed. By Leah Kedar. Norwood (N.Y.): Ablex, Cop. 1987.—176 p.
189. Pride, J.B. *Formal And Informal Language*. The Victoria Univ. Of Wellington, 1971.—22 p.
190. Pride J.B. *The Social Meaning Of Language*. London, Oxford University Press, 1971.—45 p.
191. Pulsifier S.N. *Creative Writing through Letters*.—Boston:Blackwell, 1961.—178p.
192. Quinlan M.J. *Victorian Prelude: A History Of English Manners*. (1700 – 1.—London Macmillan, 1975.— P. 12 –134.
193. Quirk R. *The Use of English*. London: Longmans, 1968.
194. Ray P. S. *Language Standardization*. *Studies in Prescriptive Linguistics*. The Hague — Paris: Mouton, 1963.
195. Read L.E. *The Coming Aristocracy*. Irvington—On—Hudson, (N.Y.), 1969.—180p.
196. *Research Methods For Elite Studies*/ Ed. By Moyser G. Wagstaffe M.—L. Etc.: Allen And Unwin, 1987.—272 p.
197. Rosen, H., Burgess, T. *Language And Dialects Of London Schoolchildren*.—L.: Ward Lock Educational. 1980.—152 p.
198. Ross, A.S.C. *Noblesse Oblige. An Inquiry Into The Identifiable Characteristics Of The English Aristocracy*. By Alan S.C. Ross, Nancy Mitford, Evelyne Waugh. Lnd., Hamilton, 1956.—114 p.
199. Rubinstein W.D. *Elites And The Wealthy In Modern British History—Brighton (Sussex): The Harvester Press; New York: St. Martin's Press, 1987.—383 p.*
200. Scherer K.R. *Social Markers In Speech*.— London: Longman, 1979.— P.134–145.
201. Smith O. *The Patterns Of Language*.— Oxford: Oxford Univ. Press, 1984.—178p.
202. *Sociolinguistic Patterns in British English*./ Ed. by Peter Trudgill.—London: Arnold, 1978.—186 p.
203. Spolsky B. *Sociolinguistics*. Oxford University Press. 1998.
204. Stein G., Quirk R. *Standard English // The European English Messenger*. Vol. 4, issue 1, 1995, P. 62-63.
205. Stone L. *An Open Elite? England, 1540 – 1880*. —Oxford:Oxford Univ. Press, 1984.— 346p.
206. Taine H. *Notes On England*. London, 1872.

207. The Sociolinguistics Of Deference And Politeness./ Ed. By Joel Watters.—The Hague Etc.: Mouton, 1981.—116 p.
208. Thompson F.M.L. English Landed Society In The XIXth Century. — London: Macmillan, 1963.— 344p.
209. Trevelyan G.O. Life And Letters Of Lord Macaulay. London, 1878.
210. Trench R. English Past And Present.—Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.— P. 97– 122.
211. Trudgill P. The Social Differentiation Of English In Norwich.— Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.— 123p.
212. Trudgill P. On Dialect: Social and Geographical Perspectives. N. Y. — London: New York Univ. Press, 1983.
213. Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction. Harmondsworth: Penguin books, 1978.
214. Vallins G. The Patterns Of English. —London: Heinemann, 1966.— P. 123–129.
215. Wade J. Extraordinary Blackbook. London, 1830.
216. Webb B., Webb S. The History Of Liquor Licensing In England.— London: Macmillan, 1903.— P. 12 –23.
217. Wharton G. The Wits And Beaux Of Society. London, 1867.
218. Winchester, S. Their Noble Lordships: Class And Power In Modern Britain.— N.Y. Random House, 1981.—283 p.
219. Wohl A.S. The Victorian Family: Structure And Stresses. Helm, 1978.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

220. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
221. Мюллер В.К. Англо–русский словарь. Издание 23–е. М. 1992
222. Alice Maud Mary. Letters To Her Majesty the Queen. London, 1897.
223. Burke E. The Correspondence. London, 1852.
224. Chambers, W., Chambers, R. Chambers's 20 Th Century Dictionary. Edinburgh–London, Chambers, 1952. (CH '52)
225. Collins COBUILD English Language Dictionary. 1992 (Coll '92)
226. Collins New English Dictionary. London–Glasgow, Collins, 1956. (Coll 6 P.
227. Crowther, M.. The Book Of Letters.— London, 1850.
228. Crystal D. The Cambridge Encyclopaedia of Language. Cambridge — N. Y. etc.: Cambridge Univ. Press, 1988.
229. Gladstone Mary (Mrs. Drew). Her Diaries. And Letters.— London, Arnold, 1930.
230. Gladstone William Ewart. The Gladstone Diaries. London, 1929.
231. Gladstone-Gordon Correspondence. Philadelphia: Academic Press, 1961.— 350p.
232. Granville Harriet. Letters Of Harriet Countess Granville. London, 1935.
233. Holland E. Elizabeth, Lady Holland To Her Son.— London, Heinemann, 1946.
234. Jerningham. The Jerningham Letters. London, 1896.

235. Johnson, Samuel. *A Dictionary Of The English Language*. London, 1805.
236. *Letters To Anne. The Story Of A Tasmanian Family*. Sydney, 1979.– 189p.
237. *Longman Dictionary of Contemporary English*. 1978 (L '78)
238. *Longman Dictionary of Contemporary English*. 1992 (L '92)
239. *Longman Dictionary of the English Language and Culture*. 1998. (LDELC)
240. Macaulay T.B. *The Letters Of Thomas Babington Macalay*. London, 1976 – 1977.
241. Morley J. *XIXth century Essays*.– London: Academic Press, 1970.– P. 43 – 57.
242. Nelson Horatio. *Letters From Lord Nelson*. London – N.Y.: Academic Press, 1949.– 237p.
243. Nightingale Florence. *Ever Yours, Florence Nightingale*.– Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.– P. 23– 97.
244. *NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial expressions*. Richard A. Spears. National textbook Company. 1994.
245. Palmerston Emily. *The Letters Of Lady Palmerston*. London, 1957.
246. Partridge, E. *A Dictionary of Historical Slang*. Repr.–Harmodsworth (Mx): Penguin books, 1977.–1065 p.
247. Partridge, E., Grose, F. *A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue*. London, Routledge and kegan Paul, 1963.–39 Buckle R. U and Non–U Revisited.–Debrett's Peerage Ltd., 1978.
248. Pope A. *Correspondence*. London, 1800.
249. Seymour E.A. *Letters, Remains And Memoirs*. London, 1893.
250. Spiers A. *English Letter- Writer*. Oxford, 1853.
251. Taylor J. *How To Compose And Write Letters*. (With graduated exercises and a course of examination questions). London, 1886.
252. Taylor Jane. *Essays In Rhyme On Manners And Morals*. London, 1816.
253. *The Amberley Papers*.– London: Heinemann, 1937.– P. 58–74.
254. *The Book Of Common Prayer*.– London: Routledge, 1920.
255. *The Correct Guide To Letter– Writing* (by a member of Aristocracy). London – N. Y. – Warne, 1894.
256. *The Dictionary of Contemporary Slang*. Tony Thorne. Pantheon Books, New York, 1990. (DCS)
257. *The Grenville Papers*. London, 1852.
258. *The Lady's And Gentleman's Model Letter – Writer*. London, 1872.
259. *The Life Of The Right Honourable Stratford Canning*. London, 1888.
260. *The Oxford English Dictionary*. Second Ed. Clarendon Press. Oxford, 1989.
261. *The Pocket Dictionary of American Slang*. Compiled by Harold Wentworth and Stuart Berg Flexner. 1967. (PDAS)
262. *Webster's New International Dictionary of the English Language*. Lnd., Bell; Springfield (Mass.), Merriam, 1957. (W '57)
263. Wellington Arthur Wellesley. *A Great Man's Friendship*. 1927.
264. Westlake J.W. *How To Write Letters: A Manual Of Correspondence*. London, 1853.

265. Young A. *Autobiography*. London, 1898.

